

Департамент культуры города Москвы
Управление культуры ЦАО города Москвы
Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»
Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы»

Выпуск 13

Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Москва
2011

ББК 74.58
Б 23

Бюллетень Библиотеки
истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Вып. 13

Издается с марта 2005 г.

Председатель редколлегии: *В. В. Ильина*

Главный редактор: *Е. А. Тахо-Годи*

Редколлегия: сотрудники отдела изучения наследия А. Ф. Лосева
и мемориально-выставочной работы
Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева»

Фотохроника: *Е. Б. Виноградова*

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».
Ссылка на Бюллетень обязательна.

Адрес редакции:
119002, Москва, ул. Арбат, д. 33,
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».
Тел./факс: (8-499) 252-82-72

На 4-й стр. обложки: Бюст А. Ф. Лосева. Скульптор – А. Власов.
Фото – Е. Б. Виноградова.

ISBN 978-5-91093-008-1

© Библиотека истории русской философии
и культуры «Дом А. Ф. Лосева», 2011
© Дизайн и полиграфия, 2011

000 «Дизайн и полиграфия». Зак. 193. Тир. 250 экз.

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты

В. В. Ильина

Влияние информационно-мультимедийных технологий на формирование новой парадигмы развития библиотеки

Новая парадигма развития библиотеки – это развитие библиотеки как открытой системы, превращение ее из фондоцентричной в пользовательски-ориентированную, где творческий потенциал сотрудников библиотеки стал особенно востребован, а пользователь из объекта библиотечно-информационной деятельности библиотеки стал ее полноценным субъектом. Новую парадигму развития библиотеки невозможно представить без серьезного учета развития информационно-мультимедийных технологий и создаваемых в самих библиотеках новых информационных продуктов.

Проследим изменение библиотеки как системы, воспользовавшись ставшим уже классическим определением Ю.Н. Столярова: «Библиотека – это совокупность взаимосвязанных элементов: фонд, материально-техническая база, персонал и читатель».

Рассмотрим каждый элемент в отдельности.

Фонд

Уже давно фонд Библиотеки – это не только приобретенные книги и другие печатные издания, в том числе уникальные книжные коллекции, но также аудио- и видеоматериалы, электронные издания на CD и DVD. Так, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» обладает шестью уникальными книжными коллекциями выдающихся деятелей науки и культуры, которые вошли в Общероссийский Свод книжных памятников-коллекций РГБ. Это книги из домашних библиотек А.Ф. Лосева, профессоров МГУ, ведущих специалистов институтов философии и искусствознания РАН: Г.И. Соколова, Э.А. Макаева, А.С. Богомолова, З.А. Каменского, Н.Н. Дубовицкой. Но все чаще источниками информации, дополняющими книжный фонд, становятся для читателей нашей Библиотеки ресурсы Интернета, находящиеся в свободном доступе, а также подписные электронные ресурсы.

Кроме того, значительная часть источников информации – ресурсы, создаваемые самой Библиотекой: цифровые архивы фото-, аудио- и видеозаписей лекций, семинаров, конференций, выступлений выдающихся ученых, писателей и т.п.; мультимедийные выставки, специально подготовленные уроки, информационные ресурсы сайта, презентации к различным мероприятиям, полнотекстовые электронные библиотеки, блоги, которые ведет Библиотека, и другой цифровой контент, часто абсолютно уникальный.

В нашей Библиотеке существует многоуровневая взаимосвязанная система использования цифровых архивов. На основе созданных Библиотекой информационных продуктов читателям Библиотеки предоставляются новые уникальные сервисы. Так, например, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», работая над электронной библиотекой «Русская философия от А до Я», не только оцифровывает уникальные издания из мемориальных собраний, но и на основе ИС T-Libra, разработанной нашими архангельскими коллегами из ООО «Константа», предоставляет возможность интеллектуального поиска, позволяющего производить текстологический анализ текста. Этот сервис востребован учеными, посещающими Библиотеку. Цифровые архивы используются для выдачи пользователям, в издательской и оформительской деятельности Библиотеки, при создании собственной мультимедийной продукции, электронной библиотеки текстов и изображений, тематических баз данных, пополнения сайта Библиотеки. Особое значение приобретают учет и систематизация цифровых архивов, встроенные в общий поисковый аппарат Библиотеки. В нашей Библиотеке они доступны через общий электронный каталог Библиотеки; для систематизации специализированной философской информации сотрудниками Библиотеки создан оригинальный предметно ориентированный рубрикатор «Русская философия», который включает 512 рубрик, 50 персоналий.

Таким образом, под воздействием развития новых информационно-мультимедийных технологий традиционный фонд библиотеки является уже не единственным источником удовлетворения читательских потребностей, информационных запросов пользователей библиотек, но все большее значение приобретают сетевые и собственные цифровые ресурсы; в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» около половины книговыдачи приходится на выдачу электронных документов.

В связи с этим, на мой взгляд, вызывает сомнения актуальность рекомендаций ИФЛА для публичных библиотек о ежегодном 30%-м обновлении книжного фонда; так ли это важно сейчас, если уже сегодня читатели библиотек все чаще обращаются к электронным ресурсам. Нужно думать о рекомендациях по постоянному переоснащению библиотек новой компьютерной техникой, обеспечению подписки на полнотекстовые электронные базы данных и т.п.

Традиционное комплектование утрачивает свои родовые функции – приобретения источников и хранения их в самой библиотеке, наряду с этим мы приобретаем доступ к информационным ресурсам, хранящимся в других местах, у других держателей информации. Как, например, активно используемая нами электронная база данных диссертаций РГБ или же полнотекстовая база данных по русской религиозной философии библиотечного консорциума города Перми и др.

Таким образом, парадигма развития библиотеки должна учитывать новые тенденции в удовлетворении информационных и читательских потребностей своих пользователей. Сегодня библиотека не должна иметь все у себя, а активно пользоваться ресурсами других фондодержателей, а также агрегаторов информации. В связи с этим, на мой взгляд, отпадает необходимость в больших книгохранилищах, ими останутся национальные библиотеки и центральные библиотеки субъектов Российской Федерации, а библиотеки на местах получают возможность формировать все более специализированные фонды, чтобы хранить их у себя. Скорее всего, число поступающих в фонд печатных изданий будет уменьшаться, а количество ресурсов на цифровых носителях увеличиваться, также будет возрастать роль доступа к информационным ресурсам, создаваемым другими держателями информации.

Эта тенденция будет иметь развитие, будет проявляться в стремлении библиотек к корпоративным проектам по созданию общих ресурсов и по обеспечению доступа к ним, как, например, работа в рамках проекта ЛИБНЕТ, БИБЛИОГОРОД и др.

Поэтому в перечне госуслуг, оказываемых библиотекой, должны появиться услуги, связанные с обеспечением доступа к информации, а также субсидирование тех видов работ, которые направлены на создание библиотекой собственных полнотекстовых ресурсов и мультимедийных продуктов. А это значит, что субсидии должны выделяться не только на приобретение книжного фонда, но и на оплату доступа к информации, созданной отечественными и зарубежными информационными фирмами. Это позволит библиотекам быть более конкурентоспособными на рынке информационных, образовательных и социально ориентированных услуг.

Материально-техническая база библиотеки

Под воздействием внедрения новых информационных технологий в практику работы библиотек меняются требования к помещениям, их функциональному назначению. Наряду с традиционными книгохранилищами и помещениями для обслуживания читателей, все большее значение приобретают новые производственные помещения для создания, хранения и управления как созданными библиотекой собственными цифровыми архивами, так и прочими цифровыми ресурсами, электронными библиотеками и др.

Меняются требования к помещениям для обслуживания пользователей, книгохранилища открываются для читателей, развивается безбарьерная среда, киоски самообслуживания и проч. Все большее значение приобретают помещения для клубной и индивидуальной работы, организации культурных и образовательных программ. Открытость Библиотеки для своих пользовате-

лей через организацию интернет-трансляций мероприятий Библиотеки, с возможностью мгновенно задать свой вопрос выступающему в зале Библиотеки, подать реплику – словом, активно участвовать в происходящем из любой точки мира.

Персонал

К персоналу предъявляются особые требования. Сегодня в библиотеках должны трудиться сотрудники, которые не только умеют работать на компьютере, но и знают специализированные библиотечные программы, умеют создавать собственные и использовать созданные другими информационно-мультимедийные продукты, знают сетевые информационные ресурсы, обучающие работе с ними своих читателей.

От персонала требуется умение работать не только с текстовой, но и с нетекстовой информацией, постоянно овладевать новыми технологиями, заинтересованность в переобучении. Библиотекарь сегодня необходимо умение настраиваться на волну читателя, быть готовым к сотрудничеству и сотворчеству с ним. Это не только Библиотека 2.0, но и Библиотекарь 2.0. Соответственно труд современного библиотекаря должен быть оплачен не ниже, чем труд высококвалифицированного специалиста в информационных фирмах.

Читатели

Современный читатель — это не только человек, пришедший в библиотеку, но и виртуальный, удаленный пользователь. Он может создавать для себя особую среду для работы как в самой библиотеке, так и в виртуальном пространстве, на сайте библиотеки может быть его личный кабинет. Мы видим, как уже сегодня беспроводной Интернет позволяет читателю выбрать в пространстве библиотеки удобное для него место работы. Идеология Библиотеки 2.0 позволяет читателю быть сотворцом в Библиотеке, как, например, в случае комментирования новых книжных поступлений на сайте Библиотеки, создании библиотечных мультимедийных ресурсов и др.

Новые реалии библиотечного обслуживания должны найти отражение в государственной статистике, и удаленный пользователь должен быть приравнен к пришедшему в Библиотеку лично, его посещение на сайте также должно быть оплачено через выделение госсубсидий, как и реальное посещение Библиотеки.

Так как Библиотека – это место не только выдачи книг, но и проведения различных культурно-просветительных программ, основным показателем эффективности деятельности Библиотеки должен стать комплексный показатель – посещение, как это принято сейчас для библиотек Санкт-Петербурга и других регионов.

Думаю, теперь очевидно, что новая парадигма развития Библиотеки во многом складывается под воздействием развития новых информационных технологий; Библиотека развивается как открытая социальная система, как Библиотека без границ Борхеса, в ней все большее значение приобретает работа по созданию своего собственного творческого продукта (культурных и образовательных программ, оригинальных информационно-мультимедийных продуктов), Библиотека из фондоцентричной постепенно становится пользовательски-ориентированной, возрастает зависимость успешности работы Библиотеки от оснащенности ее современной компьютерной техникой, обеспечения доступа к Интернету, новые требования предъявляются к персоналу Библиотеки.

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

А.В. Шамшурин

ХIII «Лосевские чтения» — Международная научная конференция «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации»

18-20 октября 2010 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» прошли ХIII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации». Конференция была организована Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы», Управлением культуры ЦАО города Москвы, Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Античной и Лосевской комиссиями Научного совета «Истории мировой культуры» РАН при участии Université Michel de Montaigne – Bordeaux-3, музея «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Государственный литературный музей А.С.Пушкина), музея Серебряного века (ГЛМ).

С приветствиями к гостям от имени организаторов выступили директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *В.В. Ильина* и председатель Лосевской комиссии РАН, заведующая отделом изучения наследия А.Ф. Лосева Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук *Е.А. Тахо-Годи*. Е.А. Тахо-Годи подчеркнула, что конференция проходит в канун 2011 г., когда будут отмечаться две важные памятные даты: 190-летие со дня рождения и 130-летие со дня кончины Ф.М. Достоевского – писателя, чье творчество наряду с философией Платона и Вл. Соловьева оказало огромное влияние на становление личности и мировоззрения А.Ф. Лосева. Вместе с тем Е.А. Тахо-Годи как сопредседатель дневного заседания предложила собравшимся почтить память известной славистки, профессора Университета Бергамо *Нины Михайловны Каухчишвили*. Доклад *Нины Михайловны «Распятыя Шагала и духовный мир Достоевского»* должен был открывать ХIII «Лосевские чтения». *Нина Михайловна* первая подала заявку на выступление, но это произошло за четыре дня до ее кончины. Е.А. Тахо-Годи рассказала о вкладе *Н.М. Каухчишвили* в дело популяризации русской культуры за рубежом.

В докладе «Достоевский и тема “культурной сложности” Серебряного века» доктор философских наук, профессор *Олег Викторович Марченко* (Россия, Москва, РГГУ), цитируя Вяч. Иванова, отметил, что Достоевский – «предопределятель нашей культурной сложности». О.В. Марченко присоединился к мнению В.Ф. Эрн о том, что глубинный пафос русской культуры – палино-

дия, своеобразная метанойя, возвращение к небесному Отцу, утверждение онтологических святынь и онтологической правды. Заметнее всего этот пафос палинодии в гениальных вершинах нашего культурного самосознания, продолжил докладчик. О.В. Марченко провел параллели между литературными персонажами романов Ф.М. Достоевского и русскими философами второй половины XIX – начала XX в., в частности Вл. Соловьевым (что также отмечалось его современниками). Таким образом, художественная реальность романов Достоевского стала философской реальностью *par excellence*, где сталкиваются онтологии многих философских школ. Докладчик на ряде примеров показал, как в контексте русского символизма, где идея построения жизни при помощи искусства занимает весьма заметное место, сюжеты Достоевского властно вторгаются в реальность.

Профессор *Роберт Берд* (США, Чикаго, Чикагский университет), выступивший с докладом «Физиономия Достоевского», основываясь на изучении иконографии Ф.М. Достоевского и различных мемуарных свидетельств об облике писателя, попытался подобрать ключ к внутреннему миру писателя, а вместе с тем и к его художественной практике.

Известный исследователь Достоевского, доктор филологических наук *Людмила Ивановна Сараскина* (Россия, Москва, Институт искусствознания, Дом русского зарубежья им. А.И.Солженицына) в докладе «КТО СЕЙ КРАСА-ВЕЦ? (Ф.М. Достоевский и А.Л. Блок: к проблеме демонизма)», базируясь, казалось бы, на частном факте – отзыве Достоевского о внешности отца А.А. Блока, сумела выстроить целостную картину воздействия писателя на людей Серебряного века, показав, как семейное предание об отзыве Достоевского предопределило концепцию блоковской поэмы «Возмездие».

Отношению Блока к творчеству Достоевского был посвящен и прозвучавший на конференции доклад председателя Комиссии по изучению творчества Ф.М. Достоевского РАН, доктора филологических наук *Татьяны Александровны Касаткиной* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН) «Выстрел в Христа у Достоевского и Блока. Как возрождается надежда», отметившей очевидную тематическую и структурную схожесть сюжетов в финале поэмы «Двенадцать» и главе «Влас» из «Дневника писателя» 1873 г.

Далее на заседании 18 октября рассматривались по преимуществу компаративистские аспекты темы. Профессор *Магнус Юнгерен* (Швеция, Гётеборгский университет) в докладе «“Преступление и наказание” Достоевского и “Петербург” Андрея Белого» напомнил о словах американского слависта Дж. Гибiana из его статьи «Traditional symbolism in crime and punishment» о том, что антирационалистическая направленность «Преступления и наказания» полностью находит свое выражение в символической структуре романа, и на ряде примеров показал, как эту символику вообрал в себя «Петербург» Андрея Белого.

Известный славист профессор *Жорж Нива* (Франция) рассмотрел в докладе «Конструкции диптиха Достоевский – Толстой» феномен двух писателей в русской литературе и русском сознании. Докладчик исследовал антитезу Ф.М. Достоевского – защитника культуры, русского Да Винчи, наделенного духовным ясновидением, и Л.Н. Толстого – Калибана, готового уничтожить Парфенон, русского Микеланджело, обладающего телесным ясновидением; двух писателей, находящихся «вне интеллигенции», зачастую чрезвычайно контрастно реагировавших на одну и ту же проблему.

Доклад сопредседателя дневного заседания, замдиректора ИМЛИ РАН, доктора филологических наук *Вадима Владимировича Полонского* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН) «Достоевский как сквозной герой дискуссий в Петербургском Религиозно-философском обществе 1907–1917 годов» был посвящен той роли, которая отводилась феномену Ф.М. Достоевского, сквозного героя всей русской культуры Серебряного века, на обсуждениях Петербургского РФО. Эта роль была тождественна той функции, которая досталась Достоевскому в метаязыке эпохи в целом, заключил выступающий.

Вопрос о рецепции творчества Ф.М. Достоевского в трудах русских философов стал центральным на дневном заседании 18 октября. Одной из задач доклада «Прозрачность личности: Достоевский в творчестве русских персоналистов» английского исследователя творчества Вл. Соловьева *Оливера Смита* (Великобритания, Сант-Андрюс, Университет Сант-Андрюс) стало опровержение мнения петербургского историка русской философии И. Евлампиева о том, что Ф.М. Достоевский стоит особняком в истории русской мысли, поскольку писатель уделяет пристальное внимание индивидуальному бытию (в отличие от Вл.С. Соловьева – уничтожителя всего индивидуального). Отсюда стремление автора доклада проследить, насколько указанное положение соответствует действительности с точки зрения трактовки Ф.М. Достоевского и его творчества в работах русских персоналистов (например, философа А. Козлова).

Сопредседатель дневного заседания, кандидат философских наук *Анна Игоревна Резниченко* (Россия, Москва, РГГУ) в докладе «“Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского” А.С. Глинки-Волжского: из истории одного “несбывшегося события”» рассмотрела предпринятый А.С. Глинкой-Волжским своего рода уникальный проект построить философское описание жизни и творчества Ф.М. Достоевского на контекстных материалах.

«Альтернативная метафизика Достоевского в интерпретации Николая Бердяева» – так назывался доклад о. *Владимира Иванова* (Германия). Автор особо отметил, что для Николая Бердяева Ф.М. Достоевский имел огромное значение не только как великий романист, но и как гениальный метафизик. «В своей первичной интуиции свободы я встретился с Достоевским как со своей духовной родиной в метафизическом мире», – признавался Н. Бер-

дяев. Для него метафизика носила прежде всего экзистенциальный характер собственного духовного опыта.

В докладе «Онтологизм vs антропоцентризм: Ф.М. Достоевский в интерпретации П.П. Перцова» заведующий редакцией энциклопедического словаря «Русские писатели», кандидат филологических наук *Михаил Юрьевич Эдельштейн* (Россия, Москва, МГУ) обратился к страницам итоговой работы «Литературные афоризмы» П.П. Перцова, где Ф.М. Достоевский включен в условно «отрицательную», антропоцентрическую триаду: «И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой». Значение Ф.М. Достоевского как прозаика и мыслителя, по мнению П.П. Перцова, состоит в том, что он обладал редким талантом художественно показать все отрицательные возможности человека, способностью внушить читателю апокалиптические настроения, отметил выступающий.

Помощник директора ИРЛИ РАН, доктор филологических наук *Константин Абрекович Баршт* (Россия, Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) представил доклад «Философия жизни в литературном наследии Ф.М. Достоевского и трудах Н.О. Лосского», где сфокусировал внимание аудитории на идеи интуитивного чувствования истины, которое лежит в основе всех движений человека в мире у Ф.М. Достоевского, в творчестве Н.О. Лосского.

Доклад сопредседателя дневного заседания доктора филологических наук *Владимира Алексеевича Котельникова* (Россия, Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) «Достоевский в модернистском богословии М.М. Тареева» был построен на анализе одной из глав IV тома труда М.М. Тареева «Основы Христианства. Система религиозной мысли», посвященной Ф.М. Достоевскому, где автор с очевидной модернистской тенденцией развивает темы личности, риска в христианстве и гуманитарного героизма, рассуждает о расширении зоны свободы для христианина. Именно в этом контексте М.М. Тареев отказывает Ф.М. Достоевскому в евангельском профетизме.

В докладе «Что не сказано Бахтиным о Достоевском, но сказано Серебряным веком?» доктор филологических наук, профессор *Иван Андреевич Есаулов* (Россия, Москва, Московский институт лингвистики), констатировал, что книга М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) на долгие десятилетия определила понимание Ф.М. Достоевского как у нас, так и за рубежом, задался целью ответить на вопрос: сохраняет ли эта работа актуальность в настоящее время? И.А. Есаулов на ряде примеров (в частности, проследив родство понятия «полифония» у М.М. Бахтина с «соборностью») показал, что в работе, «написанной под несвободным небом», есть ряд совершенно очевидных недостатков, сопряженных с невозможностью высказаться о главных вопросах в творчестве Достоевского. Докладчик призвал научное сообщество не переоценивать заслуги советского литературоведения и, в частности, пленника своего времени М.М. Бахтина, а вслед за русской

дореволюционной филологией попытаться определить роль христианского предания в творчестве Ф.М. Достоевского и в русской литературе в целом.

«Философия единосутия и проблема двойника у Достоевского» – доклад кандидата философских наук *Алексея Павловича Козырева* (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова), по собственному признанию автора, был вдохновлен размышлениями Д.И. Чижевского о «Двойнике» Ф.М. Достоевского. А.П. Козырев, развивая аргументацию о. П. Флоренского, подробно рассмотрел понятия «единосущего» и «подобосущего», которые оказываются чрезвычайно полезными при анализе феномена двойника, «совершенно подобного» в текстах Ф.М. Достоевского, и предоставляют исследователю возможность прочтения Достоевского с учетом языка позднейшей философии. У Д.И. Чижевского Ф.М. Достоевский предстает не формалистом в этике, а приверженцем живой этики Христа, где человек воспринимается в его предельной конкретности, где нет всеобщего, безличного и отчужденного от человека морального закона, который давал бы возможность выносить последний приговор.

На утреннем заседании 19 октября, во второй день работы конференции, было продолжено обсуждение намеченного круга вопросов, а также поднята проблема роли Ф.М. Достоевского в развитии русской философии права. Именно ей был посвящен доклад кандидата философских наук *Елены Анатольевны Прибытковой* (Институт государства и права РАН, Институт философии РАН, Рурский университет Бохума) «Ф.М. Достоевский как родоначальник русской философско-правовой традиции». Разделяя точку зрения П.И. Новгородцева, писавшего в статье «О своеобразных элементах русской философии права» о том, что Ф.М. Достоевский заложил «глубочайшие основы русской философии права», автор доклада стремилась продемонстрировать, какие основополагающие черты русской религиозно-нравственной философско-правовой традиции получили отражение в работах Достоевского. Главный вопрос, который занимал писателя, по ее мнению, – соотношение морали и права (Федор Михайлович исходил из принципа единства правовых и нравственных ценностей), религиозной обусловленности права.

Профессор *Лилианна Киейзик* (Польша, Зелена Гура, Университет Зелена Гура) в докладе «Сергей Булгаков о Достоевском» затронула тему видения Булгаковым Достоевского, выраженного, в частности, в нескольких очерках, написанных философом: «Иван Карамазов как философский тип» (1902), «Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Толстой (Параллели)» (1902), «Очерк о Достоевском» (1909), «Венец терновый. Памяти Достоевского» (1907), «Русская трагедия. О “Бесах” Достоевского» (1914), где Булгаков пытался разгадать феномен души Достоевского.

В докладе «“Мистические узлы” Серебряного века (“Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского” В.В. Розанова)» доктора культурологи, про-

фессора Ирины Анатольевны Едошиной (Россия, Кострома, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова) давался анализ культуры Серебряного века с точки зрения реального преобразования человека, помещенного между двумя плоскостями – бездной хтонической и бездной небесной, а также говорилось и о том, что В.В. Розанов находит мистическую опору в иррациональном человеке Ф.М. Достоевского.

Формулировка «Темы и сюжеты Ф.М. Достоевского в русской опере в контексте религиозно-философских идей Серебряного века» кандидата философских наук *Натальи Анатольевны Вагановой* (Россия, Москва, ПСТГУ), по собственному признанию автора, звучала симфонично с общим заглавием конференции «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации». Именно традиции, трактовки и трансформации произведений Ф.М. Достоевского в русской оперной музыке очертили круг проблем, исследованных автором. Докладчик отметила, что известно всего лишь два обращения к темам и сюжетам Достоевского в опере и оба они относятся к 1916 году: нереализованный замысел оперы «Идиот» Н.Я. Мясковского и опера «Игрок» С.С. Прокофьева.

Доктор филологических наук *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский» рассмотрела отношение «последнего классического мыслителя XX века» к великому писателю XIX столетия. Достоевский был одним из важнейших открытий для Алексея Федоровича в годы его юности и во многом определил ракурс его взгляда на мир и понимание жизни. В одном из поздних интервью А.Ф. Лосев сопоставлял Ф.М. Достоевского с Микеланджело в живописи, а в драматургии с Шекспиром. Главное, что привлекало А.Ф. Лосева в Ф.М. Достоевском, – умение напоминать читателю о символическом значении самой жизни. Это с особой очевидностью можно проследить и по лосевской прозе.

На дневном заседании 19 октября одной из центральных была проблема о трансформации идей Достоевского в литературной традиции начала XX столетия.

Представляющая итальянскую достоевистику в Международном обществе Достоевского профессор *Розанна Казари* (Италия, Бергамо, Бергамский государственный университет) выступила на тему «Античный миф и трагедия у Достоевского глазами И. Анненского». Доклад был посвящен в основном поиску связей и параллелей в области понятия трагического у Достоевского и Анненского в контексте обширного поля понятия красоты. В статье «Символы красоты» И. Анненский утверждает, что Достоевский видит в красоте «власть... но это была для него уже не та пьянящая власть наслаждения, для которой Тургенев забывал все на свете, а лирически приподнятая, раскаянно-усиленная исповедь греха... красота почти всегда носила у Достоевского глубокую рану в сердце; и почти всегда или падение или пережитое ею страшное

оскорбление придавали ей зловещий и трагический характер». Похожие мотивы можно найти и в поэзии самого И. Анненского, который признавался, что стремился выразить «больную и чуткую душу наших дней». Ф. Достоевский и И. Анненский рассматривают печальное положение красоты в современном мире, они показывают раны, нанесенные красоте историей и реальным миром; совершенная красота – только идеал, утопия, мечта; однако, в то время как у Достоевского остается надежда на возможный возврат земного рая, то есть возврат гармонии, братства и любви, у Анненского нет никакой надежды, его видение мира трагическое.

Сопредседатель дневного заседания доктор философских наук, профессор *Александр Львович Доброхотов* (Россия, Москва, ГУ–ВШЭ) в докладе «Демонология Вяч. Иванова в книге “Достоевский”» проследил выстраивание концепции трех умственно-стилистических миров Достоевского у Вяч. Иванова: 1) размышление о трагическом жанре, в котором работает писатель; 2) извлечение из романа-трагедии свернутого там мифа; 3) пролегомены о демонах, показывающие трагедию культуры. Достоевский создал «периодическую систему бесовства», отметил докладчик. Определенный акцент был сделан на том, что данное учение Вяч. Иванова вполне можно рассматривать не как экзотическую ветвь его богословия, а как холодный, трагический и вместе с тем системный анализ того, что произошло с культурой XX века. Причем это учение открывает многое и у самого Достоевского, поскольку то, что принято считать литературными формами, в данном аспекте предстает в роли ментальных конструкций и концептов.

Вопросы антропологии и метафизики были затронуты в докладе сопредседателя дневного заседания профессора Анджея Дудека (Польша, Краков, Ягеллонский университет) «Герои Достоевского в анализах Вяч. Иванова и Д. Мережковского». Как было отмечено, анализ образа литературного героя, по мнению Вяч. Иванова, помогает выявить психологическую сущность характера, его значение для сюжетной линии романа, и прежде всего его метафизический смысл. Не только отдельные мотивы и персонажи романов Достоевского напоминают Вяч. Иванову мифологические прообразы: сама композиция текстов русского прозаика – отражение конструкций трагедий Эсхила. Автор доклада указал, что в трудах Иванова персонажи Достоевского предстают лицами-символами, лицами-носителями идеи, ведущими метафизический диалог. Вместе с тем А. Дудек выделил похожий компаративистски-контекстуальный подход к вопросу о формах и функциях литературной персонологии Ф. Достоевского у Д. Мережковского, в котором можно видеть ученика Ф. Достоевского, открывшего форму новой религиозной общности.

Профессор *Уго Перси* (Италия, Бергамо, Бергамский государственный университет) в докладе «Максимилиан Волошин о театральности произведений

Достоевского» коснулся взглядов Волошина и других критиков на постановку МХАТа «Братья Карамазовы». Докладчик особо отметил важную мысль, выраженную М. Волошиным в статье «Русская трагедия возникнет из Достоевского», о необходимости переступить границы жанра трагедии, с тем чтобы подготовить роман писателя для сцены, на что способен лишь настоящий творец. Уго Перси указал также на ряд схожих идей в оценке трагедии Достоевского у М. Волошина, Вяч. Иванова и М. Бахтина, одновременно с этим выделяя М. Волошина в качестве тонкого наблюдателя современной ему культурной жизни в целом и ведущего толкователя творчества Достоевского в частности.

Доклад «Достоевский, Владимир Соловьев, Августин» доктора философских наук, профессора *Владимира Карловича Кантора* (Россия, Москва, ГУ–ВШЭ) был посвящен проблемам раскрытия христианских истин в творчестве Достоевского. По мнению докладчика, эпоха Серебряного века, начиная с Вл. Соловьева и заканчивая С.Л. Франком и о. П. Флоренским, была вынуждена решать оставшиеся без ответа в свое время христологические проблемы. В.К. Кантор сопоставил значение Достоевского в русской культуре с ролью Августина в культуре Западной Европы и провел параллели между идеями Вл. Соловьева и Ф. Достоевского. Достоевский не занимался философией религии, а создавал религиозную философию в России, подытожил докладчик.

Автор доклада «Свидригайлов, Ставрогин и поэтика извращения у Георгия Иванова» доктор филологических наук, профессор *Андрей Михайлович Ранчин* (Россия, Москва, МГУ) остановился на одном из текстов Г. Иванова, уникальном с точки зрения своих жанровых особенностей, – «Распад атома», и проследил интертекстуальные связи этой повести с произведениями Ф.М. Достоевского. Докладчик указал на определенные сходства и, одновременно, трансформации сюжетов Ф. Достоевского у Г. Иванова при принципиальном отличии их морально-этической и философской оценок авторами. А.М. Ранчин высказал мысль о том, что ивановский «Распад атома» – это произведение о редукции всех глубоких смыслов и этических проблем, в том числе проблем, поставленных Достоевским.

Выступления, посвященные преимущественно исследованию и развитию идей Ф.М. Достоевского в культуре Серебряного века, прозвучали на утреннем заседании в третий день работы конференции, 20 октября.

Кандидат философских наук *Людмила Егоровна Артамошкина* (Россия, Санкт-Петербург, СПбГУ) в докладе «От Раскольникова к Заратустре: истоки формирования ницшеанца в культуре Серебряного века» поставила вопрос о том, как благодаря идеям Ницше герои Достоевского, в которых для читателей Серебряного века воедино сплелись аскетизм, жертвенность, чувство вины перед народом, обретали «плоть действительных героев эпохи».

В докладе «Концепт “земля” в творческом сознании Ф.М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Г. Чулкова, З. Гиппиус)» кандидат филологических наук *Ольга Алимовна Богданова* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН) проанализировала каждый из трех «внешних» планов: среда, почва, земля – для прояснения концепта «земли» в творчестве русского классика и трансформации этого концепта в культуре Серебряного века

Председатель утреннего заседания доктор филологических наук *Ирина Степановна Приходько* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН) предложила аудитории рассматривать ее доклад «“Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...”: Блок и Достоевский» в качестве реплики или комментария к стихотворению А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах», посвященного Е.П. Иванову. Воплощение евангельской притчи о зерне в этом стихотворении символизирует сдвиг, произошедший в сознании А. Блока как под влиянием Е.П. Иванова, так, в большой степени, Ф.М. Достоевского, который, как известно, взял эпитафией к роману «Братья Карамазовы» слова Христа из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (12:24).

В прозвучавшем докладе профессора *Омри Ронена* (США, Анн Арбор, Мичиганский университет) «“Тезисы против Достоевского”»: Мережковский, Андрей Белый, Григорий Ландау, Набоков-Сирин» давался целый компендиум отрицательных отзывов о Ф.М. Достоевском, вскрывающих всю сложность и противоречивость отношения к Достоевскому и его наследию.

Сопредседатель утреннего заседания профессор, доктор филологических наук *Мария Викторовна Михайлова* (Россия, Москва, МГУ) в своем выступлении «Достоевский в художественном мире Г. Чулкова» постаралась очертить круг тем, которые привлекали в творчестве Достоевского отечественных философов и писателей (распад личности, оказавшейся перед лицом тяжелейшего нравственного выбора, поиск новых источников регулирования человеческого поведения, определенных метафизической сферой бытия, и т.д.), и то, как они нашли отражение в работах о Достоевском Г.И. Чулкова. М.В. Михайлова с горечью констатировала, что до настоящего времени так и не увидела свет книга «Жизнь Достоевского», написанная Г.И. Чулковым в жанре духовной биографии.

Председатель вечернего заседания профессор, доктор филологических наук *Юрий Борисович Орлицкий* (Россия, Москва, РГГУ) в докладе «Достоевский и Розанов: к проблеме генезиса “Листвы”» подчеркнул значимость именно черновики «Дневника писателя» при обсуждении темы «Достоевский и Розанов», а не окончательных печатных публикаций. Это позволяет показать безусловную близость тем, затронутых Достоевским и Розановым, и увидеть стилистическое сходство в их текстах.

В докладе «“Нездешние лучи”. К оценке световой символики у Достоевского (В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, С.Н. Дурылин, о. Павел Флоренский, А.Ф. Лосев)» ст. научный сотрудник *Виктор Петрович Троицкий* (Россия, Москва, Библиотека «Дом А.Ф.Лосева») обратился к некоторым исследованиям мыслителей Серебряного века, рассматривающих символику косых лучей заходящего солнца в творчестве Ф.М. Достоевского, для которого это есть символ «касания миров иных».

Доктор филологических наук *Евгения Викторовна Иванова* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН) в докладе «Константин Леонтьев как пророк религиозных исканий Серебряного века» обратилась к работе К.Н. Леонтьева «Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой». По мнению докладчицы, именно К.Н. Леонтьев показал генезис отношения Ф.М. Достоевского к христианству, выразившийся в постепенном сближении «религиозного с церковным», что можно проследить и в его романах.

Председатель вечернего заседания 20 октября доктор филологических наук *Олег Андершанович Лекманов* (Россия, Москва, МГУ) в докладе «Достоевский в “Египетской марке” О. Мандельштама» предпринял попытку выявить в повести О. Мандельштама «Египетская марка» (1928) и классифицировать цитаты из «Двойника» Достоевского, которые составляют целый пласт и становятся своеобразным «сырьем» для О. Мандельштама, который черпает из «Двойника» обороты, эпизоды и даже целые фрагменты.

Своеобразию научного метода и взглядов Николая Павловича Анциферова был посвящен доклад «Петербург Достоевского в литературно-критическом пространстве Серебряного века (на материале исследований Н.П. Анциферова)» доктора филологических наук *Дарьи Сергеевны Московской* (Россия, Москва, ИМЛИ РАН). Докладчица отметила, что Николай Павлович посвятил себя изучению литературного образа города и особое внимание у него вызывал Петербург Достоевского. Научный метод, выработанный Н.П. Анциферовым, по мнению Д.С. Московской, наиболее адекватен языку Достоевского, его фантастическому реализму. Опыт преломления Достоевского в художественной литературе и литературной критике Серебряного века сформировал ключевые понятия, способствовал постижению Анциферовым «души города» через художественные произведения.

Автор доклада «Заупокойная по “Серебряному веку” (Интертекст Ф.М. Достоевского в прозе С.С. Зяяцкого)» доктор филологических наук *Сергей Акимович Кибальник* (Россия, Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) сфокусировал внимание на роли комического в творчестве Достоевского. В первой половине XX века, когда литературоведение начало серьезно заниматься этой проблемой, появился и ряд сатирических романов, отчетливо ориентирующихся на Достоевского-сатирика, одним из которых и является роман московского

писателя Сергея Сергеевича Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова».

Вечером 19 октября состоялся круглый стол «Достоевский и мысль Франции» в рамках общей темы: «2010 год – Год Франции в России и России во Франции». Открывая заседание, профессор *Жорж Нива* поделился с собравшимися личными воспоминаниями о том, как впервые познакомился с романом Ф.М. Достоевского «Бесы», рассказал о тонкостях перевода русского классика на французский язык, а также специально остановился на общем представлении о русской культуре во Франции, нашедшем отражение в работах современных исследователей.

Проблема «Интерпретация роли и значения картины Гольбейна в “Идиоте” Достоевского» стала темой выступления сопредседателя круглого стола профессора *Мариэты Денн* (Франция, Бордо, Университет Мишеля Монтеня – Бордо-3). Указав на противопоставление в современной науке понятия структуры, руководящей организацией романа в целом, понятию об открытом романе (непредусмотренном замысле и непринужденном процессе написания художественного произведения), восходящему своими корнями к эпохе Серебряного века, М.Денн поставила перед собой задачу продемонстрировать на примере романа Достоевского, что эти две концепции не противоречат друг другу.

Славист *Наталья Гамалова* (Франция, Лион, Университет Жана Мулена) в докладе «Достоевский – субъект и объект критики И. Анненского» отметила, что для И. Анненского, Д. Мережковского, А. Белого, Вяч. Иванова произведения Ф. Достоевского представлялись классическим текстом, «ценностью и сокровищем в прошлом» (Вяч. Иванов), своего рода «вершиной» (И. Анненский). Подчеркнув глубокую связь творчества И. Анненского с Ф. Достоевским (герои Еврипида у Анненского «прочитали всего Достоевского») и решая вопрос, является ли «Виньетка на серой бумаге к “Двойнику” Достоевского» И. Анненского в строгом смысле продуктом понимания «Двойника», Н. Гамалова пришла к выводу, что Анненский, используя те же слова и смыслы, что и исходный текст, строит новый текст и выражает совершенно иное.

Сопредседатель круглого стола доктор философских наук *Виктор Павлович Визгин* (Россия, Москва, Институт философии РАН) в докладе «Резонансное движение культуры: Достоевский – Вяч. Иванов – Марсель» на примере указанных трех значимых фигур рассмотрел явление «культурного кроссинга» и диалога. Исходя из анализа рассуждений Вяч. Иванова о Достоевском и Марселя о Вяч. Иванове, исследующем Достоевского, В.П. Визгин поместил в основание этой триады Ф. Достоевского, в центр – Вяч. Иванова, на вершину – Марселя. При этом В.П. Визгин подробно остановился на трактовке понятия «резонанс», в частности прибегнув к помощи метафоры волны, восходящей в пределе к божественному первоисточнику, и человека, в своем культурном сознании находящегося в кругу ограниченного числа таких волн.

В рамках круглого стола «Достоевский и мысль Франции» прошли две презентации. Двухтомник «Евангелие Достоевского» (М.: Русский мир, 2010) представили генеральный директор издательства «Русский мир» *Вячеслав Евдокимович Волков* и вице-президент Международного общества Ф.М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор *Владимир Николаевич Захаров* (РГНФ). О том, как готовился по материалам проходившей в 2008 г. в Бордо лосевской конференции сборник «Творчество Алексея Лосева в контексте европейской культуры» – «L'Œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne» («Slavica Occitania», 2010, Numéro 31 / Édité par Maryse Dennes) рассказали ответственный редактор книги профессор *Мариэта Денн*, проректор по научной работе МГК им. П.И. Чайковского *Константин Владимирович Зенкин* и *Елена Аркадьевна Тахо-Годи*, продемонстрировавшая аудитории небольшой буклет на французском языке о «Доме А.Ф. Лосева», выпущенный Библиотекой.

В этот же день состоялось торжественное открытие бюста А.Ф. Лосева (в холле Библиотеки). Скульптор *Артем Власов* рассказал о возникновении замысла и об этапах работы над лосевским скульптурным портретом. Председатель КПО «Лосевские беседы» профессор *Аза Алибековна Тахо-Годи* поделилась с присутствующими впечатлениями от нового скульптурного изображения философа и предложила свою трактовку этой работы.

В рамках культурной программы для участников конференции были организованы экскурсии в музей «Серебряного века» (Государственный литературный музей) и в Мемориальную квартиру Андрея Белого (Государственный музей А.С. Пушкина), которые любезно провели заведующие музеями *М.Б. Шапошников* и *М.Л. Спивак*; а также экскурсия по мемориальной экспозиции, посвященной А.Ф. Лосеву в стенах Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», которую провел ст.н. сотрудник Библиотеки *В.П. Троицкий*.

Открытие бюста А.Ф. Лосеву

19 октября 2010 г. в Библиотеке прошло открытие бюста А.Ф. Лосева работы скульптора Артема Власова. Мы предлагаем читателям нашего «Бюллетеня» несколько отзывов об этом скульптурном портрете мыслителя.

На XIII «Лосевских чтениях» 19 октября 2010 г. участники конференции присутствовали на открытии бронзового бюста А.Ф. Лосева работы известного московского скульптора Артема Власова. История создания этого бюста

началась давно. Скульптор лично видел А.Ф. Лосева и делал ряд набросков, затем после кончины А.Ф. он воспользовался рядом редких фотографий А.Ф., сделанных в разных ракурсах. Он готовил мемориальную доску на дом, который теперь называется «Дом А.Ф. Лосева», но тут начался капитальный ремонт дома, и было не до мемориальной доски. Однако А. Власов не оставил своей работы, и мы теперь являемся свидетелями его трудов. Скульптурный портрет А.Ф. Лосева, как я его понимаю, не только художественный образ, но и символический. А.Ф., как живой, снисходительно смотрит на нас, ласково, слегка иронически улыбается. Он знает некую тайну, нам неведомую. И руки его, крепко сжатые, – преграда, ограда, чтобы никакая нечисть не проникла в его мир и не нарушила целостность его мысли, его сущности. Эта преграда – настоящий обруч веры. Знание и вера – вот на чем держится Лосев. А художник, которому чужда обычная логика, что характерно для творчества, со своей особой, нам непонятной, логикой показал прекрасно символический образ философа. А поскольку символ многослоен и глубок, надо его разгадать. Я поняла по-своему этот художественно-символический портрет. Теперь очередь за теми, кто его созерцает. Портрет А.Ф. Лосева работы А. Власова я вполне принимаю и одобряю. Ему самое место среди стен, украшенных ликами знаменитых русских философов в «Доме А.Ф. Лосева».

Проф. А.А. Тахо-Годи

Дорогие друзья, сегодняшний день – несомненно торжественный день. Но для тех, кого дарил Алексей Федорович своей дружбой, этот день с оттенком грусти. Он ушел еще дальше от нас. Сначала было три дня, когда он еще пребывал с нами. Потом была горькая тризна – девять дней, а потом сорок дней, когда душа его окончательно покинула этот мир. А потом – юбилеи, которые важны для нас, но не для него: год, пять лет, десять лет, двадцать пять лет, пятьдесят, сто, тысяча и так далее. Людям еще предстоит отмечать эти юбилеи Лосева. Но в то же время он возвращается к нам через свои труды, которые издаются уже после его кончины, через свои книги, которые мы читаем и перечитываем. И возвращается материально. В камне, в металле. Тут обсуждалось, похожа ли скульптура на Алексея Федоровича или нет. Во-первых, конечно, похожа, хотя это-то и не обязательно, ибо есть прекрасные памятник-обелиски. А во-вторых, важно то, что это по сути своей памятник. Казалось бы, тесен мир и тем более тесен мир библиотеки. Но ведь нашлось памятнику достойное место. Поднимаешься по лестнице, а он как небожитель, высоко-высоко. Он снизошел к нам. Снизошел в бронзе. В веществе. Алексей Федорович был удивительно материален и материалистичен, что естественно для православного человека. Он очень любил тварную, сотворенную материю, которую всю освятил своим пребыванием на земле Господь наш Иисус

Христос. И вот еще одно материальное воплощение Алексея Федоровича Лосева. Поздравляю нас всех с новой встречей с ним. Хотя, честно говоря, лично я помню Алексея Федоровича со стаканом чая в одной руке и с другой, обращенной не к вечности, а ищущей ощупью на столе коробку с шоколадными конфетами...

Проф. П.В. Флоренский

...Горечь мудреца (лицо), сила разума (руки), молчаливая вера в свет и добро (общее впечатление). Низкий поклон автору и Библиотеке за этот буют!

С.Х. Лямин (Архангельск)

В.П. Троицкий

Семинар «Русская философия». Хроника: октябрь–декабрь 2010 г.

Отчет о прошедших ранее шестидесяти шести заседаниях Семинара (первое из них состоялось 7 октября 2004 г.) представлен в предыдущих выпусках нашего Бюллетеня. Заседания № 67, 69, 71 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания № 68, 70 – в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына.

Аудиозаписи большинства выступлений на Семинаре доступны для прослушивания в зале медиатеки «Дома А.Ф. Лосева» и на сайте losev-library.ru.

Тезисы докладов даются в авторской редакции. Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией организаторов Семинара.

Заседание № 67 (14 октября 2010 г.)

Выступающие: Мария Васильевна Зубова (МАРХИ), Мария Булева (Великотырновский университет, Болгария), Андрей Владиславович Радзюкевич (Новосибирская ГАХА), Пьер Кэй (CNRS, Париж), Дмитрий Александрович Баяк (ИИЕТ РАН), Александр Михайлович Шишков (МГУ), Мария Анатольевна Солопова (ИФ РАН), Вячеслав Иванович Котюба, Виктор Павлович Визгин (ИФ РАН), Виктор Серафимович Беянин (НИЦ «Курчатовский институт»), Александр Львович Доброхотов (ГУ–ВШЭ), Надежда Подземская (CNRS, Париж), Елена Петровна Гусева (Психологический институт РАО).

Тема: Вечер, посвященный 110-летию со дня рождения Василия Павловича Зубова.

Председательствующие: М.В. Зубова, В.П. Троицкий.

Участовали: Авдеенко А.Н., Аверьянова О.В., Адамия Ю.Л., Александрова Т.Н., Барашков В.В., Белова К.И., Белянина М.В., Белянина М.Р., Буклеева, Вадеев А.В., Веселова А.Л., Взорова Г.А., Видев А.К., Воробьева М.З., Воскобойников, Вялова Е.Б., Голышев Г.А., Горенко И.В., Гусева Е.П., Дамте Д.С., Демидов С.С., Дмитриева Т.П., Дроздова Д.Н., Дубинская, Зайцев О.Ю., Зубова М.А., Иванюк В.Г., Ильина В.В., Калюжная О.В., Карпунин С.И., Кирова М.С., Козлова О.И., Козырев А.П., Кудрин В.Б., Лазарев Д.В., Лебедев Г.С., Ляпичева А.А., Мамлина А.И., Маттон С., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Митрофанов К.А., Михайловский А.В., Мокрова М.В., Мухамеджанова Г.М., Плотников К.И., Подчасов Н.А., Попов Ю.Н., Прозорова Л.Р., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Романович Н.С., Россиус А.А., Русова Е.Н., Рябова А.А., Сиднева Л.Н., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Соколова М.А., Солано П., Тахо-Годи Е.А., Троицкая Т.В., Финикова О.И., Фурлан Ф., Чепуренко Т.В., Шишков А.М., Штритер А.Д., Якутина А.И. Всего: 68 человек.

Резюме вечера, автор М.В. Зубова. Василий Павлович Зубов (1900–1963) – выдающийся русский мыслитель, историк науки, ученый-энциклопедист, переводчик и комментатор архитектурных, математических и философских трактатов средневековых и ренессансных авторов, доктор искусствознания (1946), член-корреспондент (с 1958) и действительный член (с 1960) Международной академии истории науки. Член Шведской Королевской академии истории наук и античности (1963). Его имя хорошо известно как у нас в стране, так и за рубежом историкам науки, архитектуры и искусства по таким его книгам, как «Историография естественных наук в России» (1956), «Леонардо да Винчи» (1961), «Очерки развития основных понятий механики» (1962), «Аристотель» (1963), «Развитие атомистических представлений до начала XIX века» (1965). Большое количество статей и рецензий было опубликовано на русском, французском, немецком и английском языках. В.П. Зубовым переведены на русский язык и написаны комментарии к важнейшим научным трактатам средневековых авторов: Николая Орема, Жана Буридана, Томаса Брадвардина, а также переведены и прокомментированы труды Леона Баттиста Альберти, Леонардо да Винчи и Даниеле Барбаро. Ряд исследований В.П. Зубова посвящен древнерусской духовной культуре, включая работы о русских переводах и переработках сочинений Аристотеля, о философско-богословском трактате Иоанна Дамаскина «Источник Знания», вошедшем в XVI в. в состав «Великих Четий-Миней», статьи «Вопросы о „неделимых“ и бесконечном в древнерусском памятнике XV в.» и «Епифаний Премудрый и Пахомий Серб», публикацию и комментарий трактата Кирика Новгородца «0 числах» и др.

В.П. Зубов получил хорошее домашнее образование: в детстве овладел в совершенстве немецким и французским языками, прекрасно играл на рояле.

Впоследствии выучил латинский, греческий, английский и итальянский языки, а в конце жизни приступил к изучению шведского языка. В 1918 г. он окончил Московскую Флёрдовскую гимназию с золотой медалью и поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, который окончил в 1922 г. Зубову и его сокурсникам посчастливилось услышать лекции И.А. Ильина, И.В. Попова, Г.И. Челпанова, Б.А. Фохта, А.В. Кубицкого, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета.

Большое влияние на религиозно-философские взгляды Василия Павловича, на формирование его как ученого оказало знакомство с отцом Павлом Флоренским и его трудами. Об этом мы узнаем по записям в его дневнике: «Вечером на заседании памяти Лопатина, в круглом зале Университета ... был о. Павел Флоренский, к которому теперь отношусь как к священному авторитету, – с чувством почти таким, как относятся иноки к своему старцу» (16 апреля, четверг, 1920. Дневниковые записи).

Сокурсники В.П. Зубова в шутку, но не без основания называли себя «последними русскими философами», поскольку весной 1921 г. философское отделение было упразднено. Разрушение системы высшего образования началось раньше. Весной 1920 г., проходя службу в Красной армии писарем, В.П. Зубов посетил университет и увидел, какие резкие перемены произошли в нем. Университет... «показался чуждым, мертвым, в особенности студенты-философы. Что такое, как не нуль, философия, не выросшая из правильно воспитанного христианского сознания? И разве страна, оплевавшая собственную религию, может построить прочную философию, не восстановив эту религию? Разве философия не яд – вне Церкви?» (16 апреля. Дневниковые записи).

Целостность религиозного мировоззрения является основой всех трудов В.П. Зубова, чем бы ему ни приходилось заниматься. Темы ранних его сочинений были продиктованы его собственными научными интересами, в отличие от более поздних работ, когда нередко приходилось так или иначе считаться с идеологическими требованиями времени.

С 11 мая 1923 г. по 1 февраля 1930 г. В.П. Зубов был сотрудником философского отделения Государственной Академии художественных наук. ГАХН можно назвать своего рода «Ноевым ковчегом», собравшим выдающихся русских мыслителей начала XX в. – Г.Г. Шпета, Г.И. Челпанова, А.Ф. Лосева, А.Г. Габричевского, М.А. Петровского, А.С. Ахманова и многих других. Здесь разрабатывались проблемы взаимодействия различных видов искусств и науки. Важнейшей частью работы отделения было участие всех сотрудников в пленарных заседаниях – в чтениях и обсуждениях докладов. И в этом можно видеть стремление сохранить атмосферу духовно-интеллектуальной жизни начала XX в.

В.П. Зубов за семь лет работы в ГАХН сделал 15 докладов на заседаниях философского и социологического отделений по истории оптики, теории пер-

спективы и учении о цвете, о русской и немецкой эстетике. Он продолжил начатое еще в студенческие годы изучение творчества Гёте. В статьях В.П. Зубова 1920-х годов обращают на себя внимание идеи, никогда и нигде больше им публично не высказывавшиеся. Они свидетельствуют о тяготении к тому своеобразному философскому взгляду, который был распространен среди философов московской школы, особенно среди наиболее ярких ее представителей 1920-х годов – о. Павла Флоренского и А.Ф. Лосева. «Нет граней между наукой и метафизикой, наукой и поэзией, наукой и религией: человек един и его духовное око едино» – так писал В.П. Зубов в одной из статей о Гёте.

В.П. Зубов, как и многие русские религиозные философы, понимал необходимость сохранения для будущих поколений тех духовных ценностей, которые он воспринял в семье, в годы учения в гимназии и университете.

При жизни автора была издана только малая часть его научных трудов. Со многими трудами В.П. Зубова читатели смогли познакомиться только в последнее десятилетие. Неожиданным для многих было появление в 2001 г. книги В.П. Зубова «Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди», которая была написана в конце 1920– начале 1930-х годов. Здесь автор впервые раскрыл философию русской проповеди, как теорию выражения христианской истины в устном слове.

«Семейная хроника. Зубовы и Полежаевы» написана В.П. Зубовым в период его работы в ГАХН (1927–1930). Она создана на основе чудом сохранившегося семейного архива. Главная тема этого труда – метафизика быта, воссоздающая картину жизни и нравов православной России. «Истинный путь России – то, что венец культуры русской: слава христианства и церкви православной», – писал В.П. Зубов в 12-й главе хроники.

Православному философу трудно было найти работу. После ликвидации ГАХН (1929) научная деятельность В.П. Зубова продолжалась в различных учреждениях. С 1931 по 1935 годы он был старшим научным сотрудником библиотеки Комакадемии. В это время его занятия архитектурной теорией шли параллельно с изучением естественно-научного наследия. При этом во всех своих исследованиях ученый неизменно основывался на методе, сложившемся в ГАХН: систематическая работа с первоисточниками в архиве и изучение всего корпуса библиографии по интересующему периоду.

Универсальность интересов В.П. Зубова, присущая ему энциклопедичность знаний нашли отражение в его глубоких исследованиях, посвященных архитектурному творчеству мастеров прошлого. В начале 1930-х годов В.П. Зубова приглашают в издательство Академии архитектуры СССР для работы по договору над переводами трактатов архитекторов эпохи Возрождения и подготовки комментариев к ним. Здесь он сотрудничает с А.Г. Габричевским, Ф.П. Петровским, И.В. Жолтовским, А.И. Венедиктовым. В 1935 г. в переводе В.П. Зубова опубликован трактат Альберти «Десять книг о зодчестве», а спустя

два года, в 1937 г., вышел второй том сочинений Альберти с комментариями и примечаниями В.П. Зубова, составившими большую часть объема книги. Работа молодого ученого была высоко оценена как отечественными, так и зарубежными специалистами.

В.П. Зубов был приглашен участвовать в работах (1938–1950) по реставрации Троице-Сергиевой лавры, и в 1940 г. по предложению А.В. Щусева занял должность ученого секретаря Ученого совета, созданного для руководства и научного наблюдения за выполнением этих работ.

Во время войны были написаны и затем защищены две диссертации. В 1944 г. ему была присуждена ученая степень кандидата архитектуры за диссертацию «Даниеле Барбаро и его комментарии к Витрувию»; в январе 1946 г. – ученая степень доктора искусствоведения за работу «Архитектурная теория Альберти», опубликованную полностью только в 2001 г.

В середине 1940-х годов произошел «разгром» и закрытие Академии архитектуры СССР, ее издательская деятельность прекратилась. В 1945 г. В.П. Зубов был приглашен на работу в Институт истории естествознания АН СССР, реорганизованный в 1953 г. в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Здесь В.П. Зубов работал до конца своей жизни.

С середины 1950-х годов начинается новый период в научном творчестве В.П. Зубова. После приоткрытия «железного занавеса» стали возможны научные контакты с зарубежными коллегами на международных конгрессах и симпозиумах по истории науки. В эти годы открылся доступ в крупнейшие библиотеки и архивы. Это дало возможность В.П. Зубову обратиться к изучению древних и средневековых рукописей, он всегда любил работать с первоисточниками, обладая редким даром находить и расшифровывать редчайшие древние рукописи, хранящиеся в русских и зарубежных архивах и библиотеках. Именно к 1950-м годам относится большая часть опубликованных им трудов как в России, так и за границей.

В декабре 1963 г. Общество историков науки США посмертно наградило В.П. Зубова медалью имени Джорджа Сартона, а в журнале «Isis» был помещен некролог. В России В.П. Зубов был первым, кто удостоился этой почетной награды, присуждаемой за выдающиеся исследования в области истории науки.

Российская академия наук организовала Международную научную конференцию, посвященную столетию со дня рождения В.П. Зубова, – «Наука и искусство в культуре Средних веков и эпохи Возрождения» (Москва, 5–7 октября 2000). В память В.П. Зубова в городе Александрове с 2000 г. проводятся научные «Зубовские чтения».

Архив В.П. Зубова содержит сотни страниц историко-научных и философских работ ученого, ценных для современных исследователей, но пока еще так и не увидевших свет. Труды В.П. Зубова, оставшиеся долгое время

неизвестными, требуют не просто публикации, но и вдумчивого анализа современных исследователей. Примером может служить изданная в 2002 г. работа В.П. Зубова, сохранившаяся не только в его домашнем архиве, но и в архиве другого выдающегося русского философа – А.Ф. Лосева. Статья «Теория пустоты в физике XVII столетия» побудила издателей высказать мысль, что она – «свидетельство наличия в первой трети XX века в нашей стране целой школы историко-научной мысли»¹, которая в тех общественно-политических условиях не могла стать доступной читателю.

Известный филолог академик В.Н. Топоров (1928–2005) писал: «Фигура Василия Павловича Зубова давно привлекала мое внимание... Удивляло и разнообразие интересов, и новизна концепций, и сам стиль его письма, и острое ощущение “нездешности” этого человека, некоей странности его присутствия в нашей “фельетонной” эпохе, его непривычной серьезности. <...> По созданному Василием Павловичем в науке, по моим представлениям о человеческом образе его – можно догадываться о тех огромных интеллектуальных и нравственных потенциях, которые были присущи русскому обществу на рубеже XIX–XX веков, и о тех великих потерях, которые были понесены Россией в XX веке. Для меня образ Василия Павловича свидетельствует о том и о другом»².

Из выступлений. 1. Первое издание книги В.П. Зубова «Семейная хроника. Зубовы и Полежаевы» (М., 2010) представила собравшимся М.В. Зубова. Это оказалась «очень терпеливая книга», ждавшая своего часа более 80 лет, отметила она. В ходе вечера прозвучали также отрывки из ранних дневников и мемуаров (пока не опубликованных) В.П. Зубова. 2. О музыке в жизни и творчестве В.П. Зубова повествовал текст М. Булевой, специально присланный из Болгарии. Особенно интересно характеризовались пространственно-временные концепции в музыковедческих и архитектурных анализах Зубова. 3. Был представлен также доклад В. Янца (Германия), обнаружившего много переключек в поисках Дм. Чижевского и В.П. Зубова при рассмотрении памятников средневековой русской мысли (солидарно, таким образом, выступили против характеристики «невегласия» ее, по выражению Г.Г. Шпета). 4. О вкладе В.П. Зубова в теорию архитектуры, особенно в связи с так называемой золотой пропорцией, размышлял А.В. Радзюкевич. Выступление П. Кей прозвучало как своего рода благодарственное приношение памяти В.П. Зубова. Образцовые исследования Зубова по истории архитектурной мысли Возрождения составили выдающийся вклад в мировую историю науки, отметил

¹ Троицкий В.П. О неизвестной рукописи В.П. Зубова в архиве А.Ф. Лосева // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 630.

² Топоров В.Н. Письмо к М.В. Зубовой // Зубов В.П. Из истории мировой науки: Избранные труды 1921–1963. СПб., 2006. С. 567.

П. Кей. В свою очередь, Д.А. Байков говорил о творческих методах В.П. Зубова, позволявших в построениях Альберти и Леонардо да Винчи видеть, с одной стороны, многочисленные античные аллюзии и, с другой стороны, следы средневековой физики. 5. О выдающейся роли В.П. Зубова в возрождении отечественной медиевистики высказался в своем докладе А.М. Шишков. Широко представлена в творческом наследии В.П. Зубова античная культура, особенно если иметь в виду его исследование по философии Аристотеля и истории атомизма: этому посвятили свои выступления М.А. Солопова и В.П. Визгин. Выбрав в качестве неких смысловых вех два афоризма Гераклита – «многознание (полипатия) уму не научает» и в то же время «много должны знать мужи-философы», – В.П. Визгин обрисовал творческий путь В.П. Зубова, «историка науки милостью Божией», как движение между этими двумя крайностями, но – в сторону большей «полипатии». 6. Книга В.П. Зубова «Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди», написанная в конце 1920-х г., послужила темой выступления В.И. Котюбы. 7. Интересному гахновскому периоду жизни и деятельности В.П. Зубова были посвящены выступления А.Л. Доброхотова (комментировался доклад 1925 г. Зубова об эстетике Жан Поля и его попытка построить новую гуманитарную дисциплину – «характерологию», учение о личностных типах) и Н. Подземской (прослеживалась линия комплексного исследования творчества Леонардо да Винчи). 8. Облик ученого-полигистора, с успехом работавшего в различных областях знания, обрисовывался далее в выступлениях В.С. Белянина (математические сюжеты в работах В.П. Зубова) и Е.П. Гусевой (сюжеты психологические).

Заседание № 68 (28 октября 2010 г.)

Докладчик: Юлия Биляловна Мелих (МГУ).

Тема: Персонализм и деонтологизация бытия (Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и др.).

Председательствующий: С.М. Половинкин.

Участовали: Атякшев М.В., Березин В.Б., Взорова Е.К., Доля В.Е., Егоров И.П., Ермишин О.Т., Жаданова В.В., Иванова Е.В., Ижэндеев С.Г., Ионин Г.М., Клокова Т.И., Кононов Е.И., Куприянов Ю.Г., Марченко О.В., Маслин М.А., Ментюков Е.А., Подчасов Н.А., Рожнов В.С., Розинкина Е.В., Русова Е.К., Садыкова Л.Н., Сербиненко В.В., Сиднева Л.Н., Ситенко Г.Д., Скрипина О.А., Соколов Б.Г., Троицкий В.П., Удальцова Г.М., Шишкин И.М., Щукин С.В. Всего: 30 человек.

Тезисы доклада. Тема личности является одной из центральных в отечественной философии, интерес к ней особенно вырос в конце XIX в. В разработке персонализма были сделаны некоторые находки, которые отвечали на чаяние о новом человеке и задали направление поиска, а также способ-

ствовали созданию оригинальных концепций. Такими находками для развития персонализма в России становятся идеи «всеединства» и «Софии», введенные в философский дискурс Вл. Соловьевым. Одновременно они приводят к углубленному и всестороннему изучению мистики. Н.А. Бердяев правомерно ставит «вопрос о значении и смысле софианских настроений в русской мистике, русской религиозно-философской мысли, русской поэзии. Ведь софианство Вл. Соловьева влияет не только на А. Блока и А. Белого, но также на П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрн. Культ Софии очень характерен для русских духовных течений»³.

Два положения в философии Вл. Соловьева становятся программными для поиска нового человека и его места в мире. Первое – это утверждение, что только мистически возможно постижение единства человека и мира, то есть всеединства. Второе – неприятие существующей реальности Софии падшей и необходимость ее пересоздания в творчестве. Такие философы, как Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, далее продолжают разработку идеи всеединства, расстраивая ее онтологически, что и становится основанием концепции персонализма. Усиление интереса к гносеологическим взглядам Вл. Соловьева, утверждение мистического познания всеединства приводят к деонтологизации и деперсонализации бытия. Мистическую составляющую можно выделить как у Карсавина в «иррационалистическом расширении диалектики Гегеля», так и у Н.А. Бердяева, Ф.А. Степуна и символистов в «иррациональном расширении Канта».

Мы постараемся проиллюстрировать сделанные выше утверждения и показать, что мистицизм приводит к деперсонализации реальности и что, по замечанию Бердяева, «вместо божественного образа человека повсюду появились маски»⁴. В связи с этим им делается неутешительный тезис о русской литературе – о «растлении», «распадении» и «распылении» в ней бытия, о ее «антионтологичности»: «Космические вихри распылили в ней образ человека, образ мира, образ Бога, образ всякого твердого бытия. Это – не моральная, а онтологическая растленность»⁵. Признавая растление бытия как результат неверно понятого мистицизма и замены Христа Софией, Бердяев, однако, не затрагивает темы личности бытия. В результате такие, казалось бы, непререкаемые персоналисты, как Бердяев и Степун, не являются персоналистами в смысле, придаваемом этому слову в русской персоналистической традиции – традиции в русле так называемого «абсолютистского» понимания персонализма, в основе которого находится христианское понятие личности, являющееся, по мнению М. Тойнисена, наиболее свойственным персонализму;

³ Бердяев Н.А. Мутные лики // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 448.

⁴ Там же. С. 452.

⁵ Там же.

в неперсоналистическом мышлении такого понятия личности нет. Это богословское понятие личности, встречаемое впервые у Тертуллиана, которое применительно к триединству и преображению указывает на «парадокс: триединство божественных Лиц в одной природе Бога и единство божественной и человеческой природ в Личности Христа. Своей антропологической аппликацией христианство стало понимать человека в личностном плане по-новому: будучи, несмотря на свою слабость, абсолютно востребованным, во всей конечности бесконечно значимым, в плоскости времени решающим свое вечное исцеление единичным, человек теперь кажется также воплощением парадоксального единства противоположностей. Соответственно своему первоначальному смыслу, который тоже рефлектируется в театральную ситуацию в качестве суверенитета актера по отношению к его мирским ролям, возможного благодаря диалогу с божественным поэтом, личностная абсолютность является лишь одним моментом этого единства противоположностей, будь она и в своей принадлежности к другой крайности радикальной зависимости по большей части уже не осознанной»⁶.

Данное определение включает положения, которые разрабатываются в русской философии в связи с пониманием личности. Осмысление направлено на связь человека в его «глубочайшем божественном существе» с миром и Богом при одновременной испорченности, неистинности бытия и слабости самого человека, обладающего творческой способностью, раскрывающейся в театре жизненного действия в диалектической динамике, устремленной к совершенству. Познание мира как всеединства осложнено его искаженностью, ложностью: «для истинной организации знания необходима организация действительности. А это уже есть задача не познания, как мысли воспринимающей, а мысли созидающей, или творчества»⁷. Таким образом, Вл. Соловьев формулирует задачу искусства, которая «в полноте своей, как свободной теургии, состоит <...> в том, чтобы *пересоздать* (курсив мой. – Ю.М.) существующую действительность, на место данных внешних отношений между божественным, человеческим и природным элементами, установить в общем и частности, во всем и каждом, внутренние, органические отношения этих трех начал»⁸. Вышеизложенные положения для целой плеяды русских философов и поэтов XX в. представляют собой своего рода манифест. Бердяев провозглашает целью теургического искусства «создание нового бытия, нового

⁶ Cp.: Theunissen M. Personalismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von J. Ritter und K. Gründer. Band 7: P-Q. Lizenzausgabe für die Mitglieder der Wissenschaftlichen Buchgesellschaft. Darmstadt. Basel, 1989. S. 340.

⁷ Соловьев Вл.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев Вл.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философское наследие. Т. 104. М., 1988. С. 743.

⁸ Соловьев Вл.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев Вл.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философское наследие. Т. 104. М., 1988. С. 744.

человечества. Это – практика мистического реализма⁹. Идея пересоздания мира, опирающаяся на творческую способность человека и также допускающая деонтологизацию реальности, а следовательно, и ее деперсонализацию, в богословской плоскости сталкивается с положением о преображении.

Усиливается иррациональная составляющая в философии, но усиливается она по-разному: ударение делается на акте веры или же на мистике. С одной стороны, разрабатывается, отталкиваясь от гегелевской диалектики бытия и ничто, идея всеединства как единства множества, и личности как диалектически развивающейся идеи, а также как идеи конституирования личности через игру на поприще театрального действия, восполняющего цельность и полноту ее бытия и ведущего к ее преобразению. С другой стороны, усиливаются обоснование неприятия бытия и установка творчества на пересоздание реальности и себя к новому человеку. Идею всеединства наиболее однозначно и разработано представляет Карсавин, который создает учение о личности, основанное на последовательной христианской метафизике. Идея пересоздания реальности находит выражение в философии Бердяева, ставшего автором мистического, или анархического, персонализма.

Из вопросов и обсуждений. 1. Основная мысль докладчика о тесной связи мистицизма и деперсонализации в русской философии вызвала при обсуждении вполне одобрительную реакцию (С.М. Половинкин, В.В. Сербиненко). 2. Специально обсуждались особенности эволюции взглядов Л.П. Карсавина, приведшей к учению о «симфонической личности».

Заседание № 69 (11 ноября 2010 г.)

Выступающие: Алексей Вячеславович Зябликов (Костромской ГТУ), Анна Игоревна Резниченко (РГГУ), Александр Николаевич Николукин (ИНИОН РАН), Александр Александрович Бугров (г. Кострома), Алексей Павлович Козырев (МГУ), Людмила Егоровна Артамошкина (СПбГУ), Сергей Михайлович Половинкин (РГГУ), Виктор Петрович Троицкий («Дом А.Ф. Лосева»), Ирина Анатольевна Едошина (Костромской ГУ).

Тема: «Энтелехия как форма бытия в культуре». К 10-летию Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и П.А. Флоренского (Кострома).

Председательствующие: И.А. Едошина, В.П. Троицкий.

Участовали: Авдеенков А.Н., Александрова Т.Н., Атякшев М.В., Басова Н.Ф., Болдырев А.И., Васин В.Г., Взорова Е.А., Гарбовская Е.В., Голубкова А.А., Демидов С.С., Джагарова Г.М., Егоров И.Д., Жаданова В.В., Заварзина Л.Э., Зайцев О.Ю., Зыков М.Б., Ильина В.В., Козлова О.И., Королева Е.Б., Кудрин В.Б., Лазько Н.В., Лесихин М.П.,

⁹ Бердяев Н.А. Декадентство и мистический реализм // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 2009. С. 31–32.

Ломоносов А.В., Маневич Л.И., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Мухамеджанова Г.М., Нефедьев Г.В., Новикова И.А., Панова Л.Е., Пахомова С.Ю., Петрова Е.Ю., Петрова С.С., Кулалин Бранимир, Преве В.Е., Рачкова Н.Б., Резвых Т.Н., Русова Е.Н., Рязанская Л.Н., Сиднева Л.Н., Соколов Б.Г., Смоловик Т.А., Тимашева О.В., Троицкая Т.В., Харламенков Ю.А., Цыльцев А.Н., Чепуренко Т.В., Эдельштейн М.Ю. Всего: 48 человек.

Резюме вечера, автор И.А. Едошина. Слово «энтелехия» известно давно, со времен Аристотеля, который, по всей видимости, является его автором. В понятие «энтелехия» Аристотель вкладывал два основных смысла: потенцию и форму. Энтелехия напрямую связывается философом и с энергией, движением того, что содержит цель в самом себе. Энтелехией именуется те явления, которые развиваются органично, естественно, из самих себя: душа есть энтелехия тела. Аристотелевский контекст определил название журнала и то, что на его обложку вынесен (как эпитафия) фрагмент из «Апокалипсиса нашего времени» В.В. Розанова: «Тогда войдя к друзьям, бывшим у меня в гостях, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросил их:

– Господа, в гусенице, куколке и бабочке – которое же я их?

То есть “я” как бы одна буква, одно сияние, один луч.

“Я” и “точка” и “ничего”.

Каптерев молчал. Флоренский же, подумав, сказал: “Конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки”¹⁰.

Ответ о. Павла содержит аристотелеву мысль: все, что развивается из заложенной природой потенции, стремится к завершенной форме и получает ее. Потому гусеница, куколка отражает этапы в процессе обретения завершенной, а потому и совершенной формы. Ну а если обратиться к тому, что сотворено руками человека, например, к культуре?

Культура – это вторая природа, созданная человеком и необходимая опять-таки только человеку. Без человека культура умирает, ее в прямом смысле слова засыпает землей, песком, на ее месте вырастают деревья, кустарники. И то, что было культурой, исчезает. Следовательно, культура целиком зависит от волонтаризма человека, им же полностью исчерпываясь. Но тогда возникает вопрос, насколько корректно сочетание слов – энтелехия и культура, не есть ли это сочетание пример оксюморона?

Т.Ю. Бородай считает, что в философии Нового времени термин «энтелехия» «высвобождается из контекста учения об акте и потенции, становится одним из ключевых слов телеологического и органицистского понимания, противопоставляющего себя чисто каузальному, механистическому способу объяснения мира»¹¹. Если с этих позиций подойти к пониманию термина «куль-

¹⁰ Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. С. 52.

¹¹ Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 810.

тура», то слово «энтелехия» в приложении к ней будет указывать на приоритет природного начала как органического с его естественным стремлением к завершенности форм. В таком случае человеку остается только объяснение природных явлений, но человек-то жаждет сотворения форм, в которых была бы заложена им самим сотворенная идея. Останется ли в таком случае место для энтелехии?

Судя, например, по названию статьи «Энтелехия культуры», автором которой является Г.С. Кнабе, культура имеет свои органические и завершенные формы, которые обнаруживаются в искусстве. С энтелехией Г.С. Кнабе также связывает способность «занимать определенное место в градации форм культурного взаимодействия»; возможность быть «культурным импульсом» (например, «чувством античности»); проявляться в мироощущении, сквозящем в фактах культуры; усваиваться национальной традицией и становиться ее органической частью¹². Все так, все правильно, все оправданно, но все равно остается вопрос: до какой степени задуманное и полученное совпадают друг с другом? То же «чувство античности» у каждого образованного человека обладает еще и собственным содержанием, потому результат будет всегда разным и не факт, что органичным. А профан этого «чувства античности» вообще лишен. В таком случае как быть с народными умельцами, которые подчас (сугубо по наитию) создают удивительные по своей завершенности вещи?

Постмодернизм итогам (формам) человеческой деятельности придумал два замечательных определения – артефакт и симулякр. Артефакт есть именование произведений современного искусства (инсталляция, ассамбляж, акция и пр.). Симулякр – образ отсутствующей действительности, пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности¹³. Отрица мимесис, на котором основано классическое искусство, симулякр ориентируется на самоё себя, то есть опять-таки человека, чья творческая потенция реализуется в пустой форме. Конечно, это не просто пустота, но пустота с претензией на «заполнение» чужим восприятием, неважно, отрицающим или принимающим эту форму. Но в таком случае пустота перестает быть собой. Художник (в широком смысле) задумал и воплотил пустую форму, а другой человек наполнил ее своим содержанием, а третий эту форму вообще не увидел и никак не воспринял. Между тем артефакт и симулякр – явления культуры. Может быть, эти явления не связаны с энтелехией? Может быть, энтелехия есть нечто особенное, не универсальное?

Вернемся к статье Г.С. Кнабе, которая совершенно справедливо начинается с цитирования статьи о Павла Флоренского «Троице-Сергиева лавра

¹² См.: Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 148, 149, 150.

¹³ См.: Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под. общ. ред. В.В. Бычкова. М., 2003. С. 38, 409.

и Россия» (1921), в которой Лавра понимается как энтелехия русской идеи. И Г.С. Кнабе замечает: «Энтелехия – одно из самых глубоких философских прозрений в единую сущность бытия и познания»¹⁴. В таком случае энтелехия не может не отражать некие общие (универсальные) основы бытия.

Отец Павел связывал культуру со словом «культ», подразумевая в таком случае выход «за пределы культуры, чтобы найти критерии, трансцендентные ей». И далее: «Оставаясь же в ней (в культуре. – И.Е.), мы вынуждены принимать ее всю целиком, всю, как она есть. Иначе говоря, мы должны тогда обожествить ее и счесть ее последним критерием всякой ценности, а в ней – должны обожествить себя как деятелей и носителей культуры»¹⁵. В таком случае энтелехия есть такая форма, в которую человек облек сверхчувственную (вне себя положенную) сущность. Может ли этот процесс быть соотнесен с проблемой, которую в свое время сформулировал Псевдо-Дионисий Ареопагит: как изобразить подобное неподобными средствами? И как дается в таком случае человеку итоговая форма?

На что претендует журнал со столь непростым именованием? Менее всего он претенциозен. Журнал прост в оформлении, хотя выбранная форма – результат поисков, а потому вполне осмысленна. Основное содержание составляют статьи и публикации. Статья есть энтелехия развития мысли автора на определенную тему. Как завершенная форма мысли, статья зеркально отражает самого автора, специфику восприятия текста (проблемы) и способов его передачи. Кроме того, помещенные под одну обложку разные тексты-формы образуют особое культурное пространство, в пределах которого открываются характерные стороны отечественной ментальности конца XX–начала XXI века. Эта ментальность, с одной стороны, вполне традиционна и покоится на понимании, каким путем должна развиваться Россия: самобытным или стать европейским государством. С другой – современное гуманитарное знание уже не отрицает так огульно сверхчувственный мир, как это было, например, в XIX или XX веках, научившись заново писать слово Бог с большой буквы. Влияют ли данные потенции на форму статьи? Не уверена, на содержание, конечно, влияют. И как тут быть с энтелехией? Но журнал бытийствует, вопреки даже тому, что фактически о его существовании знают только авторы и «соседние» с ними.

Из выступлений. 1. Несколько выступлений на вечере было посвящено развитию темы «энтелехийности», с опорой при этом на примеры из творческого наследия различных русских философов; в частности, затрагивались: учение о «внутренней форме», развитое Г.Г. Шпетом вслед за Гумбольдтом как представление об «энтелехии культуры» (Л.Е. Артамошкина); энтелехия как

¹⁴ Кнабе Г.С. Материалы... С. 150.

¹⁵ Флоренский Г.С. свящ. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / Сост. и ред. игумена Андроника (Трубачева). М., 2004. С. 111.

«собственная цель в себе самой» для текстов, причем не обязательно уже вошедших в научный оборот, – пример «Оснований Космономии» П.П. Перцова, до сих пор не опубликованных (А.И. Резниченко); особые приемы пунктуации у П.А. Флоренского, позволяющие определенным образом характеризовать «мировоззренческий стиль» философа (В.П. Троицкий). «Многоименности» энтелехии и энтелехийности жизни как таковой было посвящено эссе А.А. Бугрова «Всё васильки, васильки...». 2. Пример трансформации образа кузнечика от символа высокого искусства (Эллада) до аллегории лености и легкомыслия (в европейской традиции Нового времени) был рассмотрен в докладе И.А. Едошиной «О том, как в басне не случилось энтелехии греческого кузнечика». Основные черты историософии Чехова и Розанова (вот если бы им пришлось написать «Как нам обустроить Россию»...) и их общий идейный «стержень» попытался рассмотреть в своем докладе А.В. Зябликов. 3. Ряд выступающих охарактеризовали основные направления и результаты деятельности Межрегионального научного центра и журнала «Энтелехия» (С.М. Половинкин, А.П. Козырев). Воздавая должное большой научно-исследовательской и культурно-просветительской работе, которую за 10 лет проделал неформальный коллектив, объединенный вокруг журнала, А.Н. Николукин выдвинул несколько полезных практических рекомендаций для «Энтелехии» на будущее. Говоря о специфике и уникальности (по отечественным меркам) этого журнала, специально посвященного изучению творческого наследия П.А. Флоренского и В.В. Розанова, он также не преминул подчеркнуть, сколь далеки мы еще от богатых традиций Западной Европы и США, где подобные специализированные издания, отводимые под то или иное имя, давно стали нормой.

Заседание № 70 (25 ноября 2010 г.)

Докладчик: Яна Владимировна Морозова (МГУ).

Тема: «Путейство» – опыт национального самосознания.

Председательствующий: А.П. Козырев.

Участвовали: Атякшев М.В., Баскакова И.Л., Башев А.А., Березин В.Б., Васильева М.А., Взорова Е.А., Визгин В.П., Волкова О.В., Егоров И.П., Ермишин О.Т., Жаданова В.В., Зазулина О.А., Зайцев О.В., Зайцева И.Д., Иванова Е.В., Ижэндеев С.Т., Кононов Е.И., Куприянов Ю.Г., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Половинкин С.М., Резвых Т.Н., Ретунская Е.Н., Русова Е.Н., Тепеницин Т.И., Троицкий В.П., Фролкин Н.А., Чусовитин П.П. Всего: 28 человек.

Тезисы доклада. В истории русской мысли вопросам национальной идентичности отведена особая роль. Немало споров о судьбе России породила эпоха меж двух революций, одним из самых ярких явлений которой стало религиозно-общественное объединение «Путь».

«Путейство» – общее название религиозно-общественных проектов, инициаторами и руководителями которых являлись М.К. Морозова и кн. Е.Н. Трубецкой. Самые масштабные из них: московское Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева (МРФО), журнал «Московский еженедельник», книгоиздательство «Путь».

Формат еженедельника и философского общества, не отличавшегося идейной однородностью, оказались непригодны для решения задач, намеченных инициаторами, а потому в 1910 г. было учреждено книгоиздательство. Сотрудники «Пути» являлись членами МРФО, принимали участие и в «Московском еженедельнике», но именно издательство дало историческое название религиозно-общественному объединению. Название прижилось, более того, оно прекрасно отражало магистральную линию устроений своего времени. «Путь» оказался наиболее подходящим символом: всякий путь предлагает конечную цель, но вместе с тем является символом поиска. Безусловно, немаловажное значение имел и религиозный контекст данного символа.

«Путейство» – уникальный культурный феномен – объединение ярких, оригинальных, во многом не схожих во взглядах мыслителей. Либеральный консерватизм Е.Н. Трубецкого и «христианский социализм» С.Н. Булгакова, «эсхатологический анархизм» Н.А. Бердяева и унаследовавшее «воинственность» от Христианского Братства Борьбы славянофильство В.Ф. Эрн – все это, приправленное жаждой «теургической работы», «религиозного материализма» М.К. Морозовой, причудливо переплелось в «Пути». Тем общим основанием, на котором сошлись оригинальные мыслители, являлись убежденность в религиозной природе общественного идеала и вера в особую роль России в исполнении Божьего замысла о мире.

Религиозно-общественные проекты М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого представляли собой последовательные этапы, точнее – различные формы реализации программы преобразования России и имели своей предельной целью осуществление религиозно-общественного идеала: преобразование града земного в Град Божий.

Общественный идеал для «путейцев» был неразрывно связан с евангельским Откровением. Политика, равно как и другие сферы общественной жизни, должны быть подчинены религиозной цели. Человек, полагали «путейцы», не может жить одним настоящим, одной «обыденщиной», и по божественной природе своей так или иначе «взыскует грядущего града»¹⁶. Именно поэтому путейцы одной из важнейших задач считали установление истинных оснований для осуществления религиозно-общественного идеала.

Убеждение в особой роли России в реализации Божественного замысла о мире понуждало «путейцев» к поиску идейных оснований для выработки

¹⁶ Булгаков С.Н. Религия и политика // Булгаков С.Н. Христианский социализм. Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 60.

новой формулы национального самосознания. Констатируя крушение старых идеалов, традиционных устоев жизни, «путейцы» разделяли возложенную на русское общество ответственность в разрешении вопросов «что такое Россия, в чем ее святость и задача?». По мнению «путейцев», эти вопросы не ограничивались внешней судьбой России, ее «государственным бытием и экономическим благосостоянием», они должны были раскрыть «духовный облик» России, указать «ее призвание и значение в мировой истории»¹⁷. Таким образом, одной из главнейших задач, поставленных путейцами, являлось углубление национального самосознания.

«В образованном обществе как будто начинает пробуждаться национальное самосознание. Ему приходится прокладывать себе дорогу среди предубеждений, воспитанных нашим официальным национализмом и космополитическими или западными предрассудками, главной же трудностью, – констатировал С.Н. Булгаков, – остается все-таки слабость нашей культурной традиции. Но тем больше мы должны дорожить хотя и слабыми, но своими культурными ростками, ибо только искренно любя родное и стремясь быть ему верным, можем мы плодотворно работать для создания национальной культуры и, насколько есть сил, готовить постановку высоких задач, для которых, мы верим, призван наш великий народ»¹⁸. «Задача определения нашего национального облика есть задача “Пути”», – резюмировала М.К. Морозова¹⁹.

Преодоление кризиса национального самосознания «путейцы» понимали не только как задачу культурно-историческую – решаемую в человеческом измерении истории, но задачу эсхатологическую. Начало национальное, индивидуальное бытие народа, по мнению «путейцев», представляло собой не только «ценность, творимую в истории», но и ценность, за которой «стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель»²⁰.

«Русское самосознание находится в периоде затяжного кризиса... Старые устои жизни и традиционные формы самосознания разбиты или же разбиваются на наших глазах историей, а новое только зарождается в мучительной борьбе... Перед нами ставится вопрос не об одних только внешних судьбах России, не об одном только ее государственном бытии и экономическом благосостоянии, но обо всем ее духовном облике, о ее призвании и значении в мировой истории»²¹. Современность звучания издательской декларации

¹⁷ Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 705.

¹⁸ Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 456–457.

¹⁹ Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 432.

²⁰ Бердяев Н.А. Судьба России. Ростов н/Д. С. 83

²¹ Издательская декларация издательства «Путь» // Взыскующие Града... С. 704.

«Пути» не только свидетельствует о пророческой гениальности ее авторов, но и предостерегает: подмена безусловных ценностей временными «ценностями политического рынка, коим сегодня цена одна, а завтра другая»²², ведет в тупик.

Опыт национального самосознания, аккумулированный религиозно-общественным объединением «Путь», должен быть осмыслен и по достоинству оценен.

Из вопросов и обсуждений. 1. Ставился и обсуждался ряд вопросов биографического характера относительно М.К. Морозовой, особенно в связи с общей атмосферой «путейства» (ее «мистические» увлечения Скрябиным, уникальное положение «музы» философского процесса – в сравнении ситуаций в «Пути» и «Логосе»). Докладчик рассказал также об особенностях и трудностях подготовки полной публикации мемуаров М.К. Морозовой. Эта работа далека от завершения. 2. Среди теоретических проблем относительно подробно была затронута тема соотношения норм, идеалов и ценностей в обществе. Как значительное явление в философии права, развиваемой в России рубежа веков, отмечалось учение о «религиозно-общественном идеале» (здесь вместе с докладчиком активное участие в обсуждении принял А.Л. Козырев), формирование которого начиналось в трудах П.И. Новгородцева, продолжалось авторами известного сборника «Проблемы идеализма» и завершено работами кн. Евгения Трубецкого.

Заседание № 71 (9 декабря 2010 г.)

Докладчик: Александр Владимирович Усачёв (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина).

Тема: Бытие и онтология в идеал-реализме: Н.О. Лосский, С.Л. Франк, С.А. Левицкий.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Волкова О.В., Ершевская С.Н., Жаданова В.В., Зайцева О.Ю., Козлова О.И., Кудрин В.Б., Ласточкина Н.А., Маневич Л.И., Мельникова Н.А., Миргородский В.Н., Митрова Н.Б., Мухамеджанова Г.М., Платонова Л.В., Половинкин С.М., Просецкий В.Ф., Резвых Т.Н., Скурлатов В.И., Судаков А.К., Холопов Е.Д., Шестова Е.А. Всего: 20 человек.

Тезисы доклада. Сегодня говорить и мыслить по-русски – означает решать вопрос о русской национальной идентичности, который захватил целые поколения в России и за рубежом, породил богатейшую и противоречивую палитру мнений, которая мало кого оставляет равнодушной. Есть разные пути

²² Трубецкой Е.Н. Максимализм // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 317.

решения, возможно ценностное деление на хорошие и плохие версии отечественного своеобразия, плодотворные и тупиковые тропы в этом «походе» за истиной. Между тем, конечно, важно обращать внимание на онтологическую сторону проблемы. Решение вопроса о бытии, его вес в философской системе подчас играет значительную роль в понимании истории народа и его судьбы в современном мире.

Что же может стать подспорьем и помощником на сложном пути обретения и возрождения языка культуры, степенного и величавого спокойствия бескрайней Руси, без высокомерия, но со вниманием вглядывающейся в уникальные черты других национальных культурных миров? В первые два десятилетия прошлого века революционный излом отечественной истории разделил русский мир надвое. Русские люди, имевшие во всех перипетиях местом возвращения родную землю, а за границу считавшие «страной святых чудес», от которой отдых нужен и важен, теперь родную землю обрели как метафизику, а обыденность зарубежья поглотила «святые чудеса», сделала их обстоятельствами жизни. Когда М. Хайдеггер писал: «Европа, всегда готовая в неизлечимом ослеплении заколоть самое себя, находится сегодня в тисках между Россией, с одной стороны, и Америкой – с другой. Россия и Америка суть с метафизической точки зрения одно и то же; безысходное неистовство разнужданной техники и построенного на песке благополучия среднего человека», – он уже опоздал с таким категорическим тоном, так как. русское мышление, без импликаций немецкой теории коммунизма, уже мыслила Россию как метафизику. Россия стала метафизикой, а не утилитарно понятым пространством для преобразований. Метафизика стала не внешней точкой интеллектуального суда, а реальностью, отображающей качественно новую идею. Иногда за опытом для вдохновения и плодотворной идеей европейские люди – писатели, поэты и философы – конструируют свой культурный и жизненный опыт, намечая и совершая «паломничество в страну Востока», проникая в «каменные джунгли» городов в поисках феноменов массового сознания. Здесь же все было по-другому. Философы не по своей воле покинули Россию. Судьба сделала их опыт отнюдь не слегка раскрашенным в экзистенциальные тона созданных себе испытаний, но дала им избыточное присутствие, насыщенное переживаниями, лишениями, переосмыслением прожитого. Когда политическая воля, властная необходимость заставила их стать посреди внероссийского мира, тогда Бердяев чуть ли не сразу написал, что противопоставление России и Европы неуместно, так как в Европе больше трех десятков титульных наций, она неоднородна и, соответственно, каждая из них имеет свое мировоззрение, а единства нет. Острым также было равнодушие европейцев к русским проблемам, истлевающая иллюзия о том, что всем интересны русские с их загадочной душой.

На фоне такого отступления эгоцентричного самолюбия на второй план, на первое место выходит необходимость решать проблему по существу: не впуская ставить вопрос о языке идентичности и получать некие неопределенные ответы, но обосновать себя и в философской онтологии, и в социальной реальности. В таком двояком отношении рождается весомое слово, хранящее смысл и дарующее ясность, восстанавливающую через преемственность взаимный интерес поколений к тайне прошлого и контурам уже видимого будущего. Идеальное и реальное являют собой здесь нерасторжимое единство, невозможность однозначных предпочтений между словом и делом. Школой мысли, успешно совместившей восточное и западное, прошлое и будущее, стала линия нескольких крупных русских мыслителей, названная ими идеал-реализмом.

Сам термин появился у Н.О. Лосского и потом нашел подтверждение и дополнительное обоснование у С.Л. Франка. Подводил итоги развитию идей идеал-реализма в 70-х годах XX в. С.А. Левицкий. В качестве определения лучше всего использовать слова самого основателя направления, Н.О. Лосского, который писал: «Такое метафизическое учение о строении мира можно назвать словом идеал-реализм, разумея под этим термином следующую мысль: реальное бытие, т.е. временное и пространственно-временное, существует на основе идеального бытия, т.е. бытия вневременного и непространственного». Расширил понятие С.Л. Франк, в частности отмечая: «Как логический реализм (“рационализм”, “идеализм”), так и эмпиризм обретают подлинное осуществление своего стремления к подлинной реальности лишь в абсолютном реализме, как «идеал-реализме», для которого время и вневременность суть неразделимо связанные между собой измерения всеобъемлющего конкретно-сверхвременного бытия».

Метафизику единства идеального и реального, временного и вневременного разделяли и продумывали многие отечественные философы. Среди них особое место занимают Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др. В этой связи работа по характеристике ключевых моментов этой философской стези, а также ее активизация в условиях современности задает сразу историко-философский, актуальный онтологический и рефлексивный план философской работы. Происходит фактическое включение, – не экстенсивно, а скорее интенсивно – всего богатства русской философии в диалог интеллектуальных позиций. И сама школа в эпоху ее образования и написания программных произведений находилась в диалоге со многими мыслителями и направлениями. Интересным является генезис идеал-реализма. Он в равной мере ярко и существенно схватывает пути русской и западной философии, давая основание для суждений в ряде случаев о со-направленности философского поиска. Беспредпосылочное мышление, вхождение в философскую проблематику без предварительных гипотез и толкований развивал не только

идеал-реализм, но и феноменология, многое было сделано в этом направлении европейским персонализмом. Интуитивизм А. Бергсона приобрел огромную популярность, он же является важной составной частью феноменологии и лежал в основе гносеологии, а точнее, онтологической гносеологии Н.О. Лосского и других представителей идеал-реализма. Были и концептуальные различия в понимании интуиции, например, в идеал-реализме и феноменологии. Так, ее основатель Э. Гуссерль полагал, что у интуиции и разума разные предметы, разные точки приложения, которые не пересекаются друг с другом, в то время как Н.О. Лосский говорил о едином предмете, к которому может быть применена интуитивистская методология, а может – рационалистическая. Ключевой термин для теории познания Лосского «трансубъективность» был заимствован у имманентистской школы В. Шуппе. Термину было придано другое значение, так как русский философ ввел различие, расширяющее значение трансубъективности. В идеал-реализме нашли отклик парадигмальные утверждения рационализма, с одной стороны, и глубокая причастность духу российской культуры – с другой. Например, придание доминирующего значения в познании интуиции есть предметное продолжение тезиса Р. Декарта о том, что все существующие методы поиска истины в науке и философии скрепляются интеллектуальной интуицией. Учение о «субстанциальном деятеле» является концептуальным продолжением монадологии Г. Лейбница, а концепция бытия, скрытого в «иррациональном остатке», являющем себя в результате познания, представляет собой содержательную и продуктивную работу по осмыслению и применению принципа *docta ignorantia* Н. Кузанского. Принципы соборности, всеединства и органического мировоззрения, много обсуждавшиеся в русской культуре XIX – XX веков, получили глубокое развитие у представителей этого направления русской мысли. Идеал-реализм охватывает большинство центральных философских проблем, формально и содержательно связывает прошлое, настоящее и будущее русской философии в единую мыслительную практику, отвечающую на актуальные вопросы современности. Это качество не может быть оставлено без осмысления и должно занять прочное место в неустрашимых попытках страждущего разума понять свои существенные основания сегодня.

Из вопросов и обсуждений. 1. По ходу выступления докладчик продемонстрировал и прокомментировал редкие фотографии из лондонского архива С.Л. Франка. 2. На вопрос о том, как можно было бы кратко очертить оригинальность русской философии в лице «идеал-реализма», докладчик дал следующую формулировку: здесь русская философия имела мужество мыслить классические сущности тогда, когда (на Западе) они уже были подвергнуты остракизму. 3. В ряде замечаний участников обсуждения и последующих репликах докладчика было намечено несколько интересных направлений

для уяснения специфики «идеал-реализма» при сравнительно-типологическом рассмотрении его: в частности, интересно сопоставить учение о «субстанциальном деятеле» (ранний Н.О. Лосский) и представления об экзистенциалах, а также существенно менее широкую теорию «субстанциального деятеля» у позднего Лосского и теорию личности Л.П. Карсавина; закономерен также вопрос о совмещении или сочетании принципа имманентизма (Шуппе) с общим платонизмом у С.Л. Франка, признававшим принцип субординации; интересно было бы проследить возможные корреляции представления о трансубъективности и имманентизме с учением о ноосфере.

В.П. Троицкий

Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: октябрь–декабрь 2010 г.

Осенняя сессия Семинара открылась 12 октября 2010 г. выступлением профессора ГУ-ВШЭ Александра Львовича Доброхотова на тему «“Диалектика художественной формы” А.Ф. Лосева, прочитанная сегодня». Значительная часть этого выступления, в виде статьи под названием «Немецкая классическая эстетика в “Диалектике художественной формы”», публикуется в настоящем выпуске нашего Бюллетеня. Много интересных тем было поднято в ходе обсуждения доклада.

На вопрос К. Плотникова о дискуссиях и внутренних конфликтах в ГАХНе и возможности противопоставления философских позиций Г.Г. Шпета и А.Ф. Лосева, докладчик ответил так: отношения этих философов, насколько можно судить, были действительно напряженными, и прежде всего в идейном плане (при вполне корректном личном общении), ибо Лосев весь, можно сказать, вырос из русской религиозно-философской традиции, которую даже не в Соловьеве, а где-то в эпохе Одоевского следовало бы укоренить, тогда как Шпет, как мы знаем по его работам, просто высмеивал весь этот русский XIX в. – для него только в XX в. начинались первые положительные попытки выстроить научную философию. При этом Шпет в огромной степени идет от Дильтея, а Лосева, по какой-то важной причине, Дильтей вообще не заинтересовал; отчасти же объединяет их то, что оба внимательно прочли Б. Кроче (он и для немецких мыслителей явился большим импульсом), их общее «гуссерлианство», во всяком случае на уровне терминологии, а также одинаково бережное отношение к Гегелю и Шеллингу.

Следующий вопрос задал Б.Г. Режабек: как в принципе совместить святоотеческое богословие и неоплатонизм, который так любил Лосев? Докладчик ответил, что окончательный ответ ему неведом. Однако в истории мысли есть много примеров и попыток подобного совмещения. Парадигмальным тут, безусловно, является опыт богословов Каппадокийской школы (хотя для них философские методы и носили сугубо служебный характер). Далее следует назвать Николая Кузанского и платонические рецепции в пантеизме Нового времени. В конце концов, Шеллинг и Гегель тоже были платониками и аристотеликами. Имеется гигантская, как видим, традиция. Во времена ГАХНа на всех, в том числе и на Лосева, произвел большое впечатление пример Наторпа, который в своей работе «Учение Платона об идеях», можно сказать, по-своему переоткрыл Платона в эстетическом ключе. Да и как обойтись без платонизма, если, как метко заметил А. Уайтхед, вся западная философия есть лишь подстрочное примечание к Платону.

Вопрос Г.В. Зубко касался возможного приложения лосевской теории художественной формы для понимания космологической мифологии разных времен и народов (мифов творения). Ответ: разумеется, у Лосева есть своя философия мифа, можно составить целую библиотеку из его работ на эту тему; миф как способ стихийной эстетизации (оформления) действительности его чрезвычайно интересовал. В той же «Философии имени» Лосевым рассмотрены как раз самые общие типы отношений формы и неформленной материи, причем для разных видов оформляющей энергии. Это имеет прямое отношение и к космогонической мифологии.

Вернуться к вопросу о роли и месте историко-философских экскурсов и развернутых примечаний в «Диалектике художественной формы», уже отмеченных докладчиком предложил П.В. Резвых: в них нужно видеть не только дань академическому интересу, не только понятное философское размежевание с некоторыми конкурирующими концепциями, но и явный историософский прицел. А.Л. Доброхотов согласился: да, априорно ясно, что Лосев не мог писать свои многочисленные экскурсии без выхода в «большой миф», из таких фрагментов вполне выстраивается свой метасюжет; возможно, здесь (пусть и пунктирно) намечалась его любимая вагнерианская идея о «закате Европы», о внутренней самоограниченности европейской цивилизации, о неизбежном завершении цикла и исчерпанности этой «протестантской» культуры.

Довольно подробное обсуждение получили некоторые теоретические проблемы, затронутые в «Диалектике художественной формы»: рассматривались возможные типы личности и автора в «персонных» художественных формах; строение художественной формы и место в ней смысла, мифа, символа и первообраза; содержание антиномии «полной адекватности», по Лосеву, сопоставлялось с учением о чуде из «Диалектики мифа»; роль первообраза

и связь его с (более поздней) теорией А.Ф. Лосева о модели; лосевское представление о первообразе в сопоставлении с такими концептами у Гёте, как первофеномен (первообраз, конечно, никакой не феномен) и энтелехия (гораздо ближе к лосевскому первообразу).

В завершение вечера присутствующие поздравили А.Л. Доброхотова с недавним юбилеем, 60-летием со дня рождения. Был представлен сборник научных статей «Культура и форма», только что вышедший в честь юбилея. Выступили издатель сборника И.А. Болдырев и П.В. Резвых, сказавший слово о Доброхотове-педагоге (подобно музыкантам, которым в процессе обучения необходимо «поставить руку», Александр Львович «поставил нам мышление»). Далее Е.А. Тахо-Годи прочитала отрывок из мемуаров А.А. Тахо-Годи «Жизнь и судьба», посвященный Александру Львовичу.

На Семинаре 9 ноября 2010 г. выступила кандидат филологических наук Надежда Касимовна Малинаускене (Сретенская духовная семинария). Текст ее доклада «Как работал А.Ф. Лосев, или Классическая филология – наука точная» публикуется в настоящем выпуске нашего Бюллетеня. Н.К. Малинаускене работала у А.Ф. Лосева помощником-секретарем в 1973–1975 и 1985–1986 годах. В конце вечера со своими воспоминаниями выступила Татьяна Алексеевна Шутова (МГУ, Сретенская духовная семинария), также в свое время бывшая секретарем у Лосева («Надежда Касимовна трудилась над Аристотелем, а я – с неоплатониками», – отметила она, связывая время своего секретарства с периодами работы Лосева над многотомной «Историей античной эстетики»). По теме, затронутой Н.К. Малинаускене, был обсужден только один вопрос, который поставил В.П. Троицкий: он обратил внимание на необходимость специального изучения одной из особенностей методологии А.Ф. Лосева, которая наиболее четко и последовательно проведена в «Истории античной эстетики», – это воплощение идеала «точности» при использовании резюмирующих «формул» для характеристики того или иного философского учения. Действительно, в этой особенности ярко проявляется исследовательский стиль А.Ф. Лосева, согласилась Н.К. Малинаускене, только не менее характерным для него является и органичное использование художественной образности, понимание самоценности слова: потому именно синтез логики и поэзии был нужен А.Ф. Лосеву для более точной и глубокой характеристики объекта своего исследования.

Философ, писатель, переводчик Владимир Борисович Микушевич (Институт журналистики и литературного творчества) выступил на Семинаре 14 декабря 2010 г. на тему «Философия А.Ф. Лосева: мистический скептицизм».

В выступлении В.Б. Микушевича была предпринята попытка указать и описать то оригинальное положение, которое занимает творчество А.Ф. Лосева в русской философии. Предваряя свой анализ, докладчик постарался

продемонстрировать, что подлинная философия не сводится просто к знанию и не может быть научной, ее интересуется то, что всегда остается за пределами знания, ибо сам универсум, основной предмет философии, всегда остается недостижим и неведом. Путь философии можно разделить на несколько стадий, на примере античной философии: этап высказывания (вспомним изречения Парменида или Гераклита), этап толкования (софисты и с ними взаимодействующие Сократ и Платон), этап анализа (скептики у эллинов). Аналогичен путь русской философии – и этапу анализа как раз соответствует фигура А.Ф. Лосева. И это – этап, аналогичный античному скептицизму, этап сравнительно-исторической морфологии (по Шпенглеру). Опираясь на ключевые положения «Философии имени» и «Диалектики мифа», докладчик охарактеризовал символизм, апофатизм, мифологизм и имяславие в философии А.Ф. Лосева. Если и называть это скептицизмом, то это скептицизм особый, христианский. Такой скептицизм развивается от высших ценностей к низшим, тогда как обычный скептик, наоборот, двигается «снизу» и далеко не всегда предполагает «вверх». Здесь нет агностицизма и нигилизма: «вечный икс» мирового целого разгадывается диалектически.

В вопросах и обсуждениях далее затрагивались следующие темы: ирония и юродство в русской философии; место апофатизма в арсенале скептика; учение об энергиях в имяславии и реализм слова; поиск «подлинных слов» и магизм слова в истории культуры. Присутствующих интересовал также вопрос, не явился ли А.Ф. Лосев прототипом Чудотворова в «романе-предании» В.Б. Микушевича «Воскресение в Третьем Риме», на что автор ответил: нет, только отдельные детали биографии могут тут случайно совпадать (потому слепоту Чудотворова можно соотнести с Лосевым), скорее важно в парадоксальной форме утверждать, что как раз Чудотворов явился прототипом русских философов XX века.

В.Б. Кудрин, А.В. Шамшурин

Хроника научной жизни «Дома А.Ф. Лосева»: сентябрь–декабрь 2010 г.

14, 15 и 16 сентября 2010 года. В рамках VII Международной философской школы прошли заседания Всероссийского научного семинара «Сохранение документного культурного наследия в информационном обществе», организованного Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева» совместно с АПРИКТ, РГБ и управлением культуры ЦАО г. Москвы.

Первый день был посвящен характеристике научных основ сохранения документного культурного наследия. *Татьяна Львовна Ахмадилова*, заведую-

щая Отделом библиотек Министерства культуры РФ, обратилась с приветствием к участникам семинара. *Ромуальд Ромуальдович Крылов-Иодко*, начальник Управления культуры ЦАО г. Москвы, обратил внимание аудитории на уникальные аспекты работы библиотек Центрального округа г. Москвы и поставил вопрос актуальности сохранения фондов. Затем слово было предоставлено *Нине Ивановне Каптеревой*, директору по информационным ресурсам РГБ. Она уже многие годы возглавляет работу по сохранению документного наследия не только в РГБ, но и в рамках всей страны. *Н.И. Каптерева* является одним из ведущих разработчиков раздела «Книжные памятники Российской Федерации и сохранение книжных фондов России». По словам *Нины Ивановны*, должна быть создана «целая индустрия по сохранению библиотечного фонда». *Андрей Игоревич Каптерев*, профессор МГПИ, доктор педагогических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, прочитал доклад «Технологические и профессиональные вызовы информационного общества». Он обозначил «реперные точки, фундамент» данной проблематики. По словам *А.И. Каптерева*, Уэбстер в работе «Теория информационного общества» пытался доказать, будто никакой специфики информационного общества не существует. *А.И. Каптерев* оспорил эту мысль: по его мнению, информационное общество – это специфический тип общества, основой которого является новая инфраструктура. *Светлана Александровна Добрусина*, директор Федерального центра консервации библиотечных фондов РНБ (Санкт-Петербург), доктор технических наук, сделала доклад на тему «Сохранение документов в век цифровых технологий». Профессор *Юрий Александрович Гриханов* выступил с докладом 15 сентября «От симбиоза к синтезу: книга и электронные ресурсы», раскрыв проблемные вопросы сочетания и совместного использования печатных и электронных ресурсов в библиотеках. Заседание 16 сентября было посвящено вопросам сохранения электронной информации на сменных носителях. Эту тему раскрыл в своем выступлении *Евгений Иванович Кузьмин*, руководитель Издательского совета проекта Международной библиотечной философской школы.

Закрывая семинар, руководитель проекта Международной библиотечной философской школы *Татьяна Яковлевна Кузнецова* поблагодарила руководство Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» за гостеприимство, подчеркнув: «То, что Московские философские библиотечные вечера проходят именно в «Доме А.Ф. Лосева», – глубоко промыслительно! Здесь витает дух великого философа. Все, что происходит в «Доме А.Ф. Лосева», приобретает особый смысл».

5 октября состоялась презентация книги профессора МГУ *В.В. Соколова* «Философия как история философии» (М.: Академический Проект, 2010). Вечер открыла директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *В.В. Ильина*, поздра-

вившая В.В. Соколова с выходом новой книги. Е.А. Тахо-Годи кратко остановилась на отдельных биографических деталях и взаимоотношениях В.В. Соколова и А.Ф. Лосева, что с очевидностью объяснило выбор «Дома А.Ф. Лосева» в качестве места презентации новой работы заслуженного профессора Московского университета, и прочла поздравление юбиляру от доктора филологических наук, заслуженного профессора Московского университета *Азы Алибековны Тахо-Годи*. В своем выступлении академик РАН, директор Института философии РАН *Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов* высказал мысль, что «В.В. Соколов, подобно Гегелю, видит в истории философии некую достаточно жесткую внутреннюю логику, как если бы ее писал один человек». А.А. Гусейнов специально остановился на характеристике «субъект-объектного» подхода В.В. Соколова к истории философской мысли, который, по его мнению, особенно ярко представлен на страницах новой книги. Член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ *Владимир Васильевич Миронов* подчеркнул актуальность тезиса «Философия как история философии» и интерпретации мифа как особого культурного явления. В частности, В.В. Миронов провел некоторые параллели между отношением к мифу в античной культуре и современным аудиовизуальным мифотворчеством в мультимедийном пространстве с целью манипуляции человеческим сознанием. *Вадим Валерьевич Васильев*, доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ, обратил внимание присутствующих на то, что для понимания значимости новой работы В.В. Соколова чрезвычайно полезно сопоставить ее с аналогичными современными исследованиями в этой области, такими как: Anthony Kenny «A New History of Western Philosophy» («Новая история западной философии»), Иоганн Хешбергер «История философии», Бертран Рассел «История западной философии». Доктор философских наук, профессор МГУ *Михаил Александрович Маслин*, развивая мысль В.В. Васильева, указал на большую работу «История философии» Фредерика Коплстона, а также акцентировал значимость исследования западной философии в трудах В.В. Соколова для философии русской. *Нелли Васильевна Мотрошилова*, доктор философских наук, профессор, заведующая отделом историко-философских исследований ИФ РАН, рассказала о роли В.В. Соколова в деле изучения и преподавания истории зарубежной философии. Как отметил *Геннадий Георгиевич Майоров*, доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН, книга В.В. Соколова представляет редкое сочетание богатства фактологического материала и оригинального личного взгляда автора на многочисленные проблемы истории философии. Доктор философских наук, профессор МГУ *Владимир Федорович Титов* оценил книгу В.В. Соколова как «своего рода научный подвиг, поскольку она вооружает и студентов, и преподавателей философии действительным содержанием истории философии». Профессор кафедры социальной философии философ-

ского факультета МГУ *Иван Аршакович Гобозов* указал на опасность забвения истории философии и в связи с этим особое значение книги В.В. Соколова. В подводящем итог вечера выступлении *В.В. Соколов* постарался кратко прокомментировать те положения своей книги, которые нашли наиболее оживленный отклик у аудитории.

14 октября в вечере, посвященном 110-летию со дня рождения историка науки, философа, музыканта и музыковеда В.П. Зубова, участвовала дочь Василия Павловича, *Мария Васильевна Зубова*. Была представлена книга о роде Зубовых–Полежаевых, написанная В.П. Зубовым в 1927–1930 гг. Подробный отчет о вечере памяти В.П. Зубова помещен в нашем «Бюллетене» в хронике Семинара «Русская философия».

16 октября, в рамках «Года Франции – России» состоялось заседание семинара «Доклассическая наука». С докладами, объединенными общей темой «Научная революция XVII века. Философия познания», выступили профессора П. Кей и С. Маттон (CNRS, Франция). Доклад *Льера Кея* «Василий Павлович Зубов как теоретик архитектуры» явился естественным продолжением вечера, состоявшегося 14 октября. Выступление *С. Маттона* было посвящено новому подходу осмысления серии физических опытов Паскаля, оказавших серьезное влияние на ход развития естественных наук.

18–20 октября прошла Международная научная конференция (XIII Лосевские чтения) «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации», организованная КПО «Лосевские беседы», Научным советом «История мировой культуры» РАН и Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева» при участии Управления культуры ЦАО г. Москвы, Университета им. Мишеля Монтеня (Франция, г. Бордо), музея «Мемориальная квартира Андрея Белого» и Музея Серебряного века (филиала ГЛМ). Подробный отчет о конференции, а также ряд прозвучавших докладов помещены в данном выпуске «Бюллетеня».

19 октября на заседании круглого стола «Достоевский и мысль Франции» состоялись две презентации. Книгу «Евангелие Достоевского» (двухтомник, выпущенный издательством «Русский мир» в 2010 г.) представили профессор *Владимир Николаевич Захаров* и генеральный директор издательства *Вячеслав Евдокимович Волков*. О сборнике «L'Œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne»: «Творчество Алексея Лосева в контексте европейской культуры» («Slavica Occitania», 2010, № 31), изданном в Тулузе (Франция), рассказала его редактор профессор *Мариза Денн*.

В этот же день, 19 октября, в присутствии участников «Лосевских чтений» в холле Библиотеки состоялось открытие бюста А.Ф. Лосева, выполненного московским скульптором *Артемом Власовым*. Отзывы об этой работе смотрите в настоящем номере «Бюллетеня».

16 ноября прошел вечер под общим заглавием «*Varia Historia*», приуроченный к 70-летию со дня рождения Виктора Павловича Визгина. Открывая вечер, директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» В.В. Ильина поздравила Виктора Павловича с юбилеем. Доктор философских наук, профессор ГУ-ВШЭ Александр Львович Доброхотов посвятил свое выступление литературному аспекту темы, тонко разработанной В.П. Визгиным, – темы рождения науки из гностико-герметического комплекса идей и переживаний (на примере творчества Гёте). Доктор философских наук Ирина Игоревна Блауберг (ИФ РАН) в докладе «А. Бергсон и Г. Башляр. Интуиция длительности или интуиция мгновения» сравнила двух философов, критиков научного догматизма (чьим взглядам В.П. Визгин посвятил ряд статей), выбрав для этого как критерий их отношение к проблеме непрерывности времени. Альберт Васильевич Соболев (ИФ РАН) выступил против научной всеядности, стремящейся любой ценой сохранить научную «объективность» в области истории философии, тем самым утрачивая собственную творческую индивидуальность, что, к счастью, абсолютно чуждо юбиляру. Виктор Петрович Троицкий, старший научный сотрудник Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», обратился к теме «золотого списка» из 30 книг, необходимых к прочтению, который в 1990-х годах был составлен В.П. Визгиным для одного интернет-ресурса; было отмечено, что этот список любопытно характеризует литературные и научные предпочтения нашего юбиляра. Главной темой выступления Олега Константиновича Румянцева (Институт искусствознания) стали размышления о том, какое место, на примере работ В.П. Визгина, занимает философский подход и историко-философская методология в культурологических исследованиях. Завершая вечер, В.П. Визгин поблагодарил всех выступивших коллег и прочел собственное эссе-мемуар: «Оглядываясь назад с томом В.П. Зубова в руках. Опыт интеллектуальной автобиографии». Текст этого выступления публикуется в нашем «Бюллетене».

22 ноября в цикле лектория «История мировой культуры» с лекцией «Греческая демократия – величайший прорыв в развитии мировой политики» выступил В.И. Кузищин, доктор исторических наук, автор более 220 научных работ, профессор кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, автор курсов лекций по истории Древнего Востока, Греции и Рима, спецкурсов по истории античной культуры, историографии, римскому праву.

23 ноября в «Доме А.Ф. Лосева» состоялась презентация журнала «Север» (Петрозаводск). Журнал представили: главный редактор Елена Евгеньевна Пиетилляйнен, автор книги «Беломорканал: времена и судьбы» Константин Васильевич Гнетнев, директор Медвежьегорского краеведческого музея Сергей Иванович Колтырин, преподнесший для мемориальной экспозиции Библиотеки ценный подарок – колесо от тачки строителя Беломорканала. Е.Е. Пиетилляйнен отметила, что журнал «Север» пережил несколько периодов

расцвета и упадка. Пик славы «Севера» пришелся на 1970-е годы (тогда главным редактором был Дмитрий Яковлевич Гусаров), но к концу 1990-х годов начало казаться, что провинциальный журнал вот-вот прекратит свое существование. Однако в 2001–2005 годах. (главный редактор – Станислав Александрович Панкратов) количество читателей вновь увеличивается, журнал меняет свое оформление, становится цветным и многостраничным. На сегодняшний же день главной проблемой остается распространение журнала: едва ли не единственная возможность популяризации – это самостоятельный поиск читателя. В настоящее время редакция журнала проводит до 5 презентаций каждого номера «Севера» в месяц в самых разных аудиториях – в школах, вузах, рабочих коллективах, библиотеках, – и не только в Петрозаводске, но и в районах республики. Анонсы номеров рассылаются по библиотекам России. И результаты не заставляют себя ждать: в год 70-летия перспективный тираж журнала «Север» составляет 3000 экземпляров. Журнал востребован читателями не только в Карелии – он поступает по подписке в 40 регионов России.

30 ноября в Библиотеке проходила пресс-конференция участников экспедиции на гору Фавор, организованной Рабочей группой по необъяснимым явлениям при Богословской комиссии Русской православной церкви. На вечере был представлен научный отчет об экспедиции, состоявшейся летом 2010 г. при содействии частного российского мецената. Целью экспедиции стала фиксация и описание удивительного явления, происходящего на горе Фавор в день праздника Преображения Господня: 19 августа в сухую и, как правило, безоблачную жаркую погоду на гору вдруг спускается облако, которое могут лицезреть тысячи паломников, пришедшие в этот день вознести молитвы ко Господу в православном греческом монастыре Преображения Господня, расположенном непосредственно на вершине горы. Экспедицией использовалась современная измерительная техника. На пресс-конференции были продемонстрированы фото- и видеоматериалы, полученные в этот день, показаны фрагменты документального фильма «Свидетели чуда», обнародованы дальнейшие перспективы деятельности и планы работы Комиссии. В пресс-конференции приняли участие: профессор Павел Васильевич Флоренский, председатель группы по необъяснимым явлениям; Татьяна Шутова, журналист, филолог; Марина Макарова, метеоролог, научный сотрудник Гидрометеоцентра РФ; Сергей Милов, журналист и общественный деятель, координатор экспедиции.

2 декабря в «Доме А.Ф. Лосева» открылся вечер под названием «...О том, как невыгодно быть талантливым», посвященный памяти философа и писателя С.Д. Кржижановского. Ведущий вечера Виктор Петрович Троицкий обратил внимание аудитории на некоторые интересные детали биографии С.Д. Кржижановского, долгое время жившего на Арбате. Затем был продемонстрирован

слайд-фильм, подготовленный сотрудниками Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», в котором об этом мыслителе и писателе, теоретике литературы и театра рассказывалось языком фотографий и рукописей из собрания исследователя и издателя творческого наследия Кржижановского В. Перельмутера. Далее *Вадим Перельмутер* (Германия, Мюнхен) рассказал о работе над Собранием сочинений писателя и поделился наблюдениями и обобщениями относительно некоторых загадочно-мистических биографических черт и оригинальных идей этого удивительного «прозванного гения» (определение Г.А. Шенгели). Доктор философских наук *Валерий Валентинович Петров* (ИФ РАН), принимая попытку описания особенностей мировоззрения Кржижановского, обратился к рассмотрению недавно обнаруженной новеллы писателя «Красный снег» в ее историческом и философском контекстах. На вечере поэт и издатель *Максим Амелин* представил новый, только что вышедший в «Согласии» (СПб.) пятый том Собрания сочинений С.Д. Кржижановского. Разумеется, книга была подарена Библиотеке.

21 декабря состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня кончины Льва Николаевича Толстого, организованный Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева» при участии Московско-Петербургского философского клуба. С докладами, объединенными общей темой «Лев Толстой: в поисках смысла жизни», выступили: директор музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» *Владимир Ильич Толстой*, литературный критик *Валентин Яковлевич Курбатов*, писатель *Павел Басинский* («Российская газета»), о. *Георгий Ореханов* (ПСТГУ). В своем выступлении *Владимир Ильич Толстой* рассказал о том, как вокруг Ясной Поляны продолжает формироваться творческое пространство современных деятелей отечественной культуры, что превращает музей из статичного компендиума вещей, хранящих память о Л.Н. Толстом, в динамичный, «живущий» организм. Литературный критик *Валентин Яковлевич Курбатов* провел аналогии между судьбами Надежды Яковлевны и Осипа Эмилевича Мандельштам и Валентины Михайловны и Алексея Федоровича Лосевых, отметив, что «все счастливые семьи в первой половине XX столетия были несчастливы одинаково», и сделав гипотетическую проекцию этих судеб на семью Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. *Павел Валерьевич Басинский* отдельно остановился на рассмотрении поздних дневников Софьи Андреевны Толстой. Кроме того, он отметил, что не может представить себе Л.Н. Толстого после революции 1917 года, связав это с темой демифологизации «ухода» Л.Н. Толстого. «Вряд ли у писателя нашелся бы язык для описания той страшной действительности, когда заключенных на Соловках расстреливали сотнями», – подытожил докладчик. Отец *Георгий Ореханов* (ПСТГУ) в своем выступлении обратился к феномену утраты исторической памяти и отсутствия духовной памяти в современной культуре. Ведущая вечера *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* в кратком заключительном слове остановилась на отношении к Толстому и его смерти

участников Петербургского Религиозно-философского общества. Трехтомник протоколов заседаний РФО был подарен на память о вечере В.И. Толстому вице-президентом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Председателем Попечительского совета и членом Управляющего совета Московско-Петербургского философского клуба *Александром Владимировичем Захаровым* совместно с директором «Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына», генеральным директором издательства «Русский путь» *Виктором Александровичем Москвиным*.

23 декабря прошло очередное заседание «Московских философских библиотечных вечеров». Профессор *Константин Константинович Колин*, главный научный сотрудник Института проблем информатики, доктор технических наук, выступил с докладом, посвященным актуальным вопросам развития информационного общества. По мнению Константина Константиновича, процесс развития информационного общества России напрямую зависит от расширения возможности использования широкополосного доступа в Интернет. Это напрямую связано с ходом инновационного развития страны, повышения качества жизни населения и обеспечения национальной безопасности. К.К. Колин подчеркнул, что технологии широкополосного доступа должны быть включены в состав перечня критических технологий России на ближайшие годы.

29 декабря открылся цикл лекций «История русского православия». Диакон *Сергей Зверев*, кандидат исторических наук, и.о. руководителя секретариата научно-богословского рецензирования и экспертной оценки аппарата Издательского Совета РПЦ, клирик храма пророка Божия Илии в Обыденском переулке Москвы, прочел лекцию на тему «Киевская митрополия». Отец *Сергий* представил сжатую историю русской церкви киевской эпохи в лицах 23 митрополитов, занимавших киевский престол от Крещения Руси до перенесения митрополичьей кафедры во Владимир.

Продолжалась работа лектория «История мировой культуры», организованного Библиотекой совместно с Греческим культурным центром. Профессором *Василием Ивановичем Кузициным* (МГУ) были прочитаны две лекции: «Чем интересна греческая история и культура для современного человека» и «Греческая демократия – величайший прорыв в развитии мировой политики».

В.Б. Кудрин

«Музыкальная гостиная» Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»: август–декабрь 2010 г.

Очередной осенне-зимний сезон Музыкальной гостиной «Дома А.Ф. Лосева» начался необычно рано, еще в разгар лета. 6 августа 2010 г. в рамках 2-го Международного фестиваля «Музыка в изгнании» состоялся концерт фортепианной музыки. Заслуженный артист России, заслуженный маэстро Венесуэлы, профессор Государственной консерватории Венесуэлы Игорь Лавров и пианистка Елена Лаврова исполнили произведения И.С. Баха, Р. Шумана, Ф. Шопена, С. Рахманинова, Ф. Шопена, И. Альбениса.

20 августа прошел вечер русского романса. Татьяна Осипова (сопрано) в сопровождении Александра Рудакова (фортепиано) порадовала ценителей музыки своей интерпретацией романсов М. Глинки, А. Гулирева, А. Варламова, Ц. Кюи.

4 сентября прошли сразу два концерта, посвященные Дню города: в полдень – концерт «AMADEI-TRIO» в составе Элеоноры Мартьяновой (фортепиано), Ульяны Кислицыной (скрипка) и Юлии Никольской (виолончель), сыгравших произведения П. Чайковского, А. Рубинштейна и М. Ипполитова-Иванова, а во второй половине дня – концерт исполнителей авторской песни Александры Тая и Ольги Троицкой.

С 8 по 23 сентября прошел V Фестиваль камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева» под девизом «Музыка как особое мироощущение», объединивший шесть концертов.

8 сентября фестиваль открылся концертом Ансамбля солистов Московского Государственного академического камерного хора под управлением Владимира Минина. Прозвучали церковные песнопения А. Архангельского, Н. Голованова, Н. Кедрова, Ф. Иванова, Ф. Львова, А. Веделя, Д. Бортнянского, П. Чеснокова, а также русские и украинские народные песни.

10 сентября – Государственный квартет имени Петра Ильича Чайковского в составе Алексея Лунина (1-я скрипка), Захара Малахова (2-я скрипка), Сергея Батурина (альт) и Кирилла Родина (виолончель). Прозвучали квартеты № 4 и № 11 Л. Бетховена.

13 сентября – «Лундстрем трио». В программе – Р. Шуман, П. Чайковский.

17 сентября – К 100-летию Дягилевских сезонов и балета «Жар-Птица» И. Стравинского. Вступительное слово и комментарии – председатель правления Благотворительного фонда имени Мариса Лиепы, народный артист России Андрис Лиела.

20 сентября – К 135-летию со дня рождения А.Б. Гольденвейзера. Вице-президент Международного союза музыкальных деятелей, старший научный

сотрудник Государственного Центрального музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки, кандидат исторических наук, доцент А.С. Скрябин.

23 сентября концерт фортепианной музыки был посвящен дню рождения Алексея Федоровича Лосева. Произведения Л. Бетховена, С. Рахманинова, К. Сен-Санса, П. Чайковского, Ф. Мендельсона играл лауреат международных конкурсов Дмитрий Маслеев.

15 октября гостями «Дома А.Ф. Лосева» были молодые исполнители камерной музыки – лауреаты международных конкурсов Семен Шмелько – баян, Филипп Толич (Сербия) – виолончель, Го Ци (Китай) – флейта, Наталья Белоколенко – флейта, Мария Шавина – флейта, Ксения Барчугова-Родченко – флейта. Прозвучали произведения Р. Шумана, М. Мусоргского, Э. Гранадоса, О. Леденева, О. Чистохинной.

29 октября музыкальный театр «Амадей» представил Фантазию для музыкального театра «Портрет Рыцаря Бедного и кое-что еще о музыке Достоевского». (Замысел и постановка Олега Митрофанова.) Прозвучали произведения С. Прокофьева, А. Шнитке, Ф. Пуленка, В. Ребикова, «Баллада» А. Пушкина, глава из романа Ф. Достоевского «Идиот», сценическая фантазия на тему рассказа Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». В спектакли приняли участие: Мария Батова (фортепиано), Наталия Фролкина (скрипка), Ульяна Кислицына (скрипка), Михаил Полежаев (Рыцарь Бедный), Люция Итальянская (Настасья Филипповна), Ольга Шошина (Аглая Епанчина), Ирина Петруничева (искусительница), Ольга Белохвостова (Девочка), Алла Маркова (Тень Матери).

1 ноября гитарист, лауреат международных конкурсов и премии Президента России Константин Окуджава порадовал слушателей произведениями И.С. Баха, Ф. Сора, Х. Турины, П. Лусии, К. Доминикони.

12 ноября в рамках «Года Франции – России» музыкально-поэтический театр «Вдохновение» представил программу «Судьбы французской комической оперы в России XVIII века». Солистка Коллегии старинной музыки Александра Сафонова (сопрано) в сопровождении Виолетты Лариной (фортепиано) исполнила арии из оперы Андре Гретри «Самнитские свадьбы».

19 ноября гостем «Дома А.Ф. Лосева» вновь был музыкальный театр «Амадей», представивший спектакль «Музыка и театр в доме Л.Н. Толстого». Вальс, написанный самим Л.Н. Толстым (Court Leo Tolstoy), вариации для фортепиано Andante favori и Крейцера соната Л. Бетховена, ария «Heil und segen» для сопрано, скрипки и клавира И.С. Баха, сцена и ария Наташи из оперы «Война и мир» С. Прокофьева чередовались с чтением воспоминаний А.Б. Гольденвейзера и литературных произведений, посвященных Л.Н. Толстому. Автором идеи и комментариев вновь был Олег Митрофанов. В спектакле приняли участие: Элеонора Мартьянова (фортепиано), Ульяна Кислицына (скрипка), Тамара Завальная (сопрано), Анна Малышева (фортепиано), Александра Башилова (сопрано), Константин Иванов (баритон).

6 декабря состоялся вечер камерной музыки. Лауреаты всероссийских и международных конкурсов Елена Корженевич (скрипка) и Андрей Ярошинский (фортепиано), дипломант международных конкурсов Алена Кожевникова исполнили произведения Ф. Мендельсона, Г. Венявского, Н. Паганини, С. Франка, М. Равеля, Л. Бетховена, Ф. Листа.

24 декабря Государственный ансамбль солистов «Орфарион» представил в «Доме А.Ф.Лосева» концерт-спектакль «Пред троном, Господи, Твоим...» по мотивам книги Эстер Мейнел «Иоганн Себастьян Бах. Хроника жизни, изложенная Анной Магдаленой Бах». Художественный руководитель концерта-спектакля – Олег Худяков. В роли Анны Магдалены Бах – заслуженная артистка России Марина Иванова. В постановке участвовали: Олег Худяков (флейта), Марина Слуцкая (скрипка), Андрей Спиридонов (виолончель), Олег Бойко (киттарон, лютня, гитара), Вероника Лебедева (скрипка), Маргарита Спиридонова (альт), Василий Зацепин (контрабас), Юрий Мартынов (соло на клавесине).

Из архива

А.Ф. Лосев

«Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм

1. Чистое мышление

Логика Когена начинается с установления понятия познания. Познание бывает четырех родов. 1) Познание есть отдельное достижение эмпирически-индуктивного исследования. Сюда относится и знание в качестве юридического употребления слова в целях вынесения того или другого суждения. 2) Познание означает, далее, в отличие от единичного, нечто общее в знании. 3) Познание означает в дальнейшем *познавание*, когда имеются в виду те или иные процессы, и прежде всего чисто психологические. 4) Четвертый тип познания есть *чистое* познание, когда единство его объединяет в себе, на манер платонизма, чистое мышление с чистым созерцанием¹, что, однако, не есть выход из сферы чувственного, но лишь пластическое изображение его. «Идея» и есть это соединенное с видением мышление. «Она обозначает и значит все-таки, и только она – истинное *бытие*, истинное содержание познания. Разумеется, она достигается в чистом созерцании, и *это чистое созерцание есть чистое мышление*. Однако правильно, конечно, также и обратное – что чистое мышление есть чистое созерцание»². Становясь на эту последнюю точку зрения, Коген отмечает т-ак> н-азываемую> формальную логику, потому что для него всякая форма есть форма познания, т.е. тем самым бытия, ибо бытием для познания является только познанное бытие³, и на первых же страницах своей Логике бесповоротно и решительно, раз навсегда, устанавливает *полное тождество бытия и познания*. «Бытие есть бытие мышления. Поэтому мышление, как мышление бытия, суть мышление познания»⁴. Отсюда великое значение *идеи*. Она есть ответ на вопрос: что такое? (τί ἔστι ;). Если понятие есть тоже ответ на этот вопрос, то «идея есть самосознание понятия; она – логос понятия, ибо она дает отчет (Rechenschaft) о понятии». «Идея есть отчетность понятия»⁵. В этом – подлинный смысл категории «сознания», развивавшейся под влиянием Декарта, Лейбница и Канта. Коген, однако, предпочитает этот термин оставить в той части философии, которая является в его системе четвертой (после логики, этики и эстетики) и которая образует сферу

¹ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII, 520 S. – S. 1–4.

² Ibid. S. 5.

³ Ibid. S. 13.

⁴ Ibid. S. 14.

⁵ Ibidem.

культуры, с ее исключительной отнесенностью к субъекту и его культурно-историческими судьбам. В отношении *логики* Коген предпочитает говорить не об «единстве сознания», но – об «единстве мышления»⁶. Это значительно сужает сферу мышления в собственном смысле этого слова. Мышление, изучаемое в логике, не есть, напр<имер>, мышление музыкальное или поэтическое, ибо это относится совершенно к другим сферам сознания. «*Мышление логики есть мышление науки*». Это – первое и наиболее существенное понимание логического мышления. Хотя мы еще не определили, что такое наука, и хотя всяких наук очень много, тем не менее *метод* науки совершенно единообразен, и вопрос о связи наук есть в сущности своей вопрос о связи их *методов*. Ясно, кроме того, что наиболее точной, наиболее *научной*, так сказать, наукой является *математическое естествознание*, и хотя конкретные черты его были намечены только у Ньютона, принципы и главные логические мысли науки были известны человечеству издавна. Пифагор видел в бытии лишь число, Парменид прямо отождествлял мышление и бытие, Платон видел истинное бытие – в идее. И всем этим мыслителям обще одно общее учение, а именно, что «*мышление создает основания для бытия*». «Идеи суть эти основания, эти самосозданные основоположения». А отсюда «*логика есть логика математического естествознания*»⁷.

Итак, логика есть наука о чистом познании. Чистое познание есть в ней чистое мышление. Чистое мышление есть чистое созерцание. Чистое мышление и созерцание есть чистое бытие. Чистое бытие есть чисто мыслительное, т.е. чисто научное бытие. Чисто научное бытие есть математическое естествознание. Логика, стало быть, есть наука о науке, т.е. наука о математическом естествознании. Логика есть составление отчета о математически-естественнонаучной методике.

Можно сказать, что все здесь с самого начала до самого конца есть чистейший платонизм, за одним только исключением. Понятие «чистоты» мышления, отождествление мышления с бытием и мышления с созерцанием, видение в бытии вечных смысловых устоев и базирование на математике – все это в одинаковой мере свойственно и Платону, и Плотину, и Проклу. Однако единственное исключение является здесь решающим – это *характер и свойства* утверждаемого там и здесь бытия, или мысли. *Единственное вечное бытие, приемлемое для Когена, это – бытие математического естествознания*, в то время как в классическом платонизме это только один из многочисленных видов бытия-мысли. Однако, заметивши это коренное и абсолютное различие обеих систем, отложим пока обсуждение его на последующее время и продолжим изложение Логики Когена далее.

⁶ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 16.

⁷ Ibid. S. 18–19.

2. Принцип происхождения

Итак, логика есть логика чистого мышления. Попробуем теперь охарактеризовать мышление подробнее. Что мышление принимается в логике не как психический процесс, это нам уже ясно. Мышление не есть представление. «Созидательная сила мысли проявляется в подлинном смысле только тогда, когда мы начинаем смотреть на нее с чисто логической точки зрения. Поэтому *собственная ценность мышления заключается в познании*, которое есть основание или принцип науки. И тут – беспредельное расхождение с психологией»⁸. Коген перечисляет основные термины, относящиеся к мышлению. Прежде всего, он отвергает в качестве исключительно важного термина – «*связь*». Часто ведь говорят, напр<имер>, о *связи* ассоциаций и прочее. Не исключительна эта категория хотя бы уже по одному тому, что для мышления не менее важно также и *различие*, разъединение. Было бы чистейшей иллюзией видеть основную сторону мысли в связывании. Далее, Кант определял мышление как *синтез*, как синтезирование. Однако это удается ему сделать только путем сведения мышления к механической связи. Само объединение и соположение не есть синтез, но скорее его результат означает синтез. В настоящем смысле слова под синтезом надо понимать *синтез единства*, потому что как раз единство противоположно всякому ряду соположения. Таким образом, о синтетичности мышления можно говорить только в смысле синтеза единства⁹. Но, далее, что такое это единство? Уже греки, говорит Коген, различали «единство» и «монаду». Первое есть начало числового ряда, вторая – лежит вне его. Первое, кроме того, предполагает множественность, как и эта последняя предполагает единство. Однако отнюдь нельзя думать, что единство есть функция мысли, а множественность дана ей откуда-то извне. Эта ошибка, которой не избег и Кант, должна быть осознана и исправлена. Понятие «данность», которое бы противостояло мыслительным операциям единства, должно быть совершенно переработано, и только тогда понятие синтеза станет действительно характеризовать собою чистую мысль¹⁰. Но тут мы переходим еще к одной категории, вскрывающей своеобразие мысли. Это – «порождение». Разумеется, о каком-нибудь психическом процессе тут не может быть и речи. Надо уметь понимать подлинный смысл этого образного выражения. Прежде всего, надо помнить, что в мысли речь может идти только о *единстве*, т.е. о порождении *единства*. И поскольку единство предполагает множественность, необходимо думать, что *вместе с единством порождается и множественность*. Кроме того, это такое порождение, которое *совершенно тождественно с порожденным*. В мысли нет никаких целей и никакого предмета, кроме него самого. Деятельность порождения не переходит на какую-нибудь

⁸ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 19–20.

⁹ Ibid. S. 23.

¹⁰ <...>

вещь. Она вращается сама в себе. Мысли нет вне мышления. Эти две особенности логического порождения – взаимосвязанность единства и множественности и тождество порождения и порожденного – нужно иметь в виду, что <бы> образный характер самого этого выражения не ввел нас в недоразумение¹¹. Наконец, Коген выставляет еще один термин, характеризующий собою стихию мышления. Мы уже говорили о тождестве бытия и знания и о понятии как об «отчете». Отсюда Коген выводит теперь понимание идеи как гипотезиса. Понятие отвечает на вопрос: что это такое? В логике *этот вопрос должен быть одновременно и ответом*. Идея как гипотеза и есть это бытие, которое сразу и логически знаменовано и логически не озаменовано. Но это ведет нас к фундаментальному принципу всей логики и бытия, – к принципу «происхождения» (Ursprung). Чистая логика должна быть, прежде всего, логикой происхождения. Упомянутые установки, характерные для мысли, – единство и интегрирование в единство, взаимоотнождество единства и множественности и порождение того и другого чистой мыслью, – все это объяснимо и имеет смысл только в связи с «логикой происхождения».

Что такое «происхождение»? Можно строить науку на основе атомизма, думая, что бытие действительно состоит из каких-то неделимых тел и пустоты. Но математическая наука издавна пошла по иному пути. Она стала исходить не <из> каких-то мало разработанных физико-химических гипотез, но из чисто математической гипотезы *бесконечного*. Анализ бесконечно малых явился *законнейшим орудием математического естествознания*. На нем основываются все методы последнего. Тут встречается чистое бытие и чистое мышление. «Это математическое порождение движения и через него – природы, есть триумф чистого мышления»¹². Тут лишний раз подтверждается то, что логика есть не только логика математики, но именно – математического естествознания, и что логика еще не вполне осознала свою собственную задачу. В самом деле, как логика относится к принципу исчисления бесконечно малых? Объяснила ли она этот принцип и дала ли ему подобающее место? Конечно нет. Даже Кант ничего не сделал на этом пути. Должно быть найдено то его свойство, которое является основанием для анализа бесконечно малых. Это и есть проблема. И этот пробел необходимо возместить в мышлении происхождения¹³.

Познание необходимо содержит в себе принцип. Принцип и есть познание. Но принцип должен быть теперь *происхождением*. Именно порождение делает принцип принципом, т.е. основоположением. Можно прямо сказать: *«мышление есть мышление принципа»*, и только как таковое оно достигает своей полной чистоты. Но это значит, что и подлинная логика есть логика про-

¹¹ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 26.

¹² Ibid. S. 30.

¹³ Ibid. S. 31.

исхождения. «Происхождение ведь не есть только необходимое начало мышления, но во всем движении вперед оно должно действовать в качестве побуждающего принципа. Все чистые познания должны быть модификациями принципа происхождения. Иначе они не имели <бы> никакой самостоятельной, чистой ценности. Логика происхождения, поэтому, должна быть выполнена как таковая во всем своем строении. Во всех чистых познаниях, получающих достоверность в качестве принципов, должен господствовать принцип происхождения. Так логика происхождения становится логикой чистого познания»¹⁴. В этом принципе мы имеем и новую форму логики, и новый ее фундамент вместо неясных точек зрения, господствующих в современных «теориях познания», не отражающих к тому же всей силы и значимости в науке метода исчисления бесконечно малых.

3. Три свойства «происхождения»

Установивши принцип происхождения, Коген приходит и к более подробной характеристике «происходящего» бытия, или знания. Так как о бытии мы судим только по знанию о нем, то виды бытия можно установить в соответствии с видами познания. Тут нас ожидают старые учения о «категориях», «понятиях», «суждениях» и пр. Коген отвергает абсолютную раздельность категории и суждения. Для него нет ни категории, которая не содержала бы в себе определенных суждений, ни суждения, в котором не находились бы определенные категории. Между ними существует и взаимная корреляция. «Категория есть цель суждения, и суждение есть путь категории»¹⁵. Это и дает нам возможность ближе подойти к существу мышления и глубже формулировать его предмет. Если мы усвоили то учение, что мышление не есть представление и не есть связывание представлений, не есть нечто данное ощущениями, то вопрос о *множественности* мысли, как уже было сказано раньше, может быть вопросом только чистого мышления и его порождающих функций. *Мысль сама из себя порождает свою множественность, т.е. свое содержание*. «Целостное, неделимое содержание мышления должно быть порождением познания. Это единство порождения и порожденного требуется понятием чистого мышления. Отношение мышления к познанию потребовало такого значения мышления и осуществления его»¹⁶. Но это значит также и то, что мышление само из себя порождает свой *материал*. «Материю» оно порождает так же, как и «форму», так что отпадает всякая возможность и надобность отнести «материю» к ощущению. И эта «материя», этот материал ни в каком смысле не есть психологический материал. Это – материал *чистой* мысли и его *единства*. Материал, множественность мысли и есть ее подлинное един-

¹⁴ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 33.

¹⁵ Ibid. S. 47.

¹⁶ Ibid. S. 49.

ство. Сама мыслительная «*деятельность есть содержание*». «Порождение само есть порождаемое. Объединение есть единство». Но тогда надо считать, что «*деление*», «*отделение*» и «*объединение*» суть наиболее первоначальные акты мысли, первичная ее характеристика. «Отделение (Sonderung) должно предшествовать объединению (Vereinigung); скорее же оно само есть род единения. Однако еще недостаточно мыслить множественность в качестве единства. Необходимо требование также и того, чтобы не менее и единство мыслилось как множественность. Также недостаточно объединение мыслить в качестве отделения. Отделение должно с такой же силой и с такой же определенностью мыслиться в качестве объединения. Деятельность чистого мышления не может прийти без этой корреляции к обозримой определенности. Соответственно же этой корреляции такая деятельность оказывается расколовшейся, раздвоенной. И все-таки мы называли ее неразделенной»¹⁷. Это замечательное единство и в то же время раздельность мысли требует полного уяснения. Тут не может идти речь о «произвольном чередовании отделения и объединения», о том, что «мышление перескакивает от одного образа деятельности к другому». Тут вовсе дело не происходит так, что сначала имеется разделение, потом, по его уничтожению, появляется объединение. То и другое сохраняется, и этот термин *сохранение, пребывание* (Erhaltung) является характерным наравне с этими двумя¹⁸. «В отделении сохраняется объединение, и в объединении сохраняется отделение». «В деятельности это можно легче понять, так как ведь само отделение есть объединение, только другое его направление. Так, конечно, может сохраняться в нем объединение, раз оно само есть объединение. И все-таки объединение, как некое собственное направление, должно от него отличаться. Следовательно, утверждается только другое направление, если выполняется какое-нибудь одно. Это значение удержания скорее понятно для деятельности в виде суждения, и требование его не является неисполнимым. Наоборот, иначе обстоит дело, если удержание относится к *содержанию*. И это отношение неизбежно. Соответственно с этим требуется, чтобы *единство утверждало сохранение во множественности и множественность утверждала сохранение в единстве*»¹⁹.

Естественно, что одновременное признание обеих сторон в мышлении содержит в себе большие трудности. Однако только разрешение этой трудности способно приблизить нас к пониманию существа мышления, в связи с намеченной выше проблемой суждения и категорий, связанной, в свою очередь, с проблемой происхождения. Трудность заключается в том, что множественность не совпадает с единством и в то же время отличается от него. То и другое остается самим собою, несмотря на все отождествления. Тут, говорит

¹⁷ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 51–51.

¹⁸ Ibid. S. 51.

¹⁹ Ibid. S. 59.

Коген, возникает какое-то взаимопроникновение (Durchdringung) обеих сторон, и нужно решить вопрос: как можно было бы сделать понятным одновременное требование того и другого? Мы приблизимся к разрешению этого вопроса, если примем во внимание, что настоящее должно становиться будущим и что требуемое взаимосохранение *должно осуществиться в будущем*. Однако это – исключительно *логическое* будущее. *Множественность должна мыслиться нами отнесенной в будущее*²⁰. Отделение есть определенный акт, объединение есть тоже определенный акт. И то и другое мыслится как совершающееся. В *содержании* же акт постоянно мыслится совершённым, почему и мы думаем, что содержание есть нечто законченное. На деле же и содержания нужно мыслить как только еще совершающиеся, и объединение нужно мыслить не как некий результат, но лишь как *задачу* (Aufgabe) и как идеал задачи. «Задача, поставленная мышлению в суждении, никогда не может рассматриваться как пришедшая к покою, к свершению». Но это же надо сказать относительно отделения. Оба направления вносятся в будущее, и оба они, *сохраняясь, суть задачи и должны непрерывно* оставаться задачами. Только логика может ставить и решать такие задачи²¹.

4. Резюме предыдущего и сравнение с платонизмом

Только теперь мы можем дать более или менее полную характеристику мышления. Выше мы констатировали в качестве существенного пункта мышления – его единство. Теперь мы видим, что *это единство не есть просто единица* (die Einheit ist nicht die Eins). Она не вещь, но деятельность, единственная деятельность суждения. Все функции суждения основываются на этом характере действия. И потому *единство* это мы должны отличать <от> объединения как одного из коррелятивных направлений. Отделение и объединение дают вместе суждение. Но в своем объединении они дают также и *единство*. «Суждение, поэтому, надо мыслить как единство суждения». Отделение и объединение, взаимопроникаясь и давая единство, вскрывают самое основу суждения, а вместе с тем и познания. «Познание есть единство познания»²². В связи с этим вскрывается также и существо «предмета». Что такое *вещь*? Это ведь не просто данность ощущения, так как тогда для ее открытия мы не нуждались бы в физике и математике. Раз вещь впервые только открывается в науке, то должна подпадать под те определения, которые мы только что вскрыли для суждения и познания. Только «*в этом единстве познания должно состоять то единство, которое образует проблему вещи*». И если в вещи мы видим не только деятельность, то вышеупомянутое «сохранение», «удержание» должно быть определенным *состоянием* вещи, *сопро-*

²⁰ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 53.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. S. 55.

тивлением этой деятельности. Так из вещи появляется предмет, то, что можно *метать* перед глазами. Единство суждения, отсюда, есть единство предмета. «Единство суждения порождает единство познания, и нет никакой другой возможности открыть предмет, кроме как той, которая доставляет единство познания. И единство познания созидается в единстве суждения. Так получаем мы определение суждения: *единство суждения есть порождение единства предмета в единстве познания*»²³.

Здесь можно считать у Когена законченной общую характеристику мышления в его существе. Резюмируя, можно сказать, что *оно есть единство раздельности и объединенности, данное, согласно принципу чистого происхождения, как задача и тем самым как суждение в его единстве*. Остается сказать только о видах суждения в связи с единством познания, и все разъяснительные и вводные замечания будут исчерпаны. В связи с изложенным выше, возможно единство трех типов: единство суждения, познания и предмета. Отсюда возможны три точки зрения на суждение вообще, или, вернее, три типа суждения. Одно, суждение о суждении есть, очевидно, то, что обычно называется «формальной логикой». Однако «логика чистого познания» углубляет и обосновывает эту «формальную логику», обогащая ее принципом «происхождения». Потому лучше такой тип суждения называть просто «*суждением о мыслительных законах*». Второй тип суждения есть суждение познания. Сюда относятся суждения математики, где впервые конструируется цельное познание. Тип суждения о предмете есть тип математически-естественнонаучный, и прежде всего *механический*. Это – суждения механики и математического естествознания. К этим трем типам суждения Коген прибавляет еще суждения, относящиеся к обработке и методическому уяснению самого *исследования*. Это – суждения, *критикующие* разные ступени развития научного исследования. Это, следовательно, «суждения методики»²⁴.

Заклячая эту общую, вводную часть Логике Когена, можно снова повторить то, что я уже высказал, а именно что все это есть чистейший платонизм, за одним исключением, которое, однако, настолько универсально, что в корне изменяет решительно всю систему платонизма целиком. Учения о единстве, о творческом порождении мысли, о «происхождении» – вполне платонические учения. Учение о «задаче» – вполне платонично, как бы ни восставали против этого мнимые защитники классического платонизма, видящие в последнем только нечто отличное от неокантианства и не находящие тут никакого сходства. Только надо термин Когена *Aufgabe* переводить не через «эйдос», но через «логос». Логос есть ведь как раз, по Плотину, вне-натуралистическое истечение из мировой души и ума, т.е. это есть ум и эйдос, но – данные в аспекте осмысления меона, а не в аспекте самостоятельной созер-

²³ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 56.

²⁴ Ibid. S. 64.

цательной завершенности. Наконец, в учении об «отделении», «объединении» и «удержании» мы также находим несомненный аналог платонических умных категорий, хотя уже тут становится ясной вся взаимная несводимость обеих систем. Зная учение Плотина об умных категориях (VI 2), развиваемое им на основе платоновского «Софиста» (сущее, тождество, различие, покой и движение), мы сразу видим, что Коген, задавшийся целью охарактеризовать сферу чистой мысли в ее существе, наталкивается на нечто схожее с тем, что формулировал и Плотин. Однако гипноз «математического естествознания» был у него настолько велик, что Коген никогда не смог расстаться с методами формально-логического мышления (характерного как раз для «математического естествознания») и никогда не смог <в>стать на откровенную диалектическую позицию. В результате этого три момента Когена остались диалектически не выявленными, хотя, казалось бы, он и сам уже стоит на почве полной антиномики и синтетике, когда говорит о «сохранении» «разделения» в «объединении» и «объединения» в «разделении». Мы видели, что коллизия противоречащих понятий у него разрешается тем, что он выводит категорию «задачи». Но это и значит, что Коген отказывается от подлинного и полного отождествления «объединения» и «разъединения». Если это – только задача и притом бесконечно становящаяся и, по-видимому, надо сказать, никогда не решаемая, то какой же это синтез? Вместо умного, смыслового узрения этого тождества противоречий как осмысленно<й> и интуитивной завершенности структуры, что и дало бы подлинный диалектический синтез, Коген отодвигает разрешение противоречия в бесконечность и интерпретирует его как только задачу. Ясно, что это – отказ от синтезирования. Тождество противоречий, характерное для классического платонизма, мерещилось Когену как некая стародавняя, догматическая метафизика, и он никогда не согласился бы ввести его в свою систему, несмотря на то что фактически был к ней весьма близок и давал формулировки, понятные только с точки зрения этого антиномического синтетизма. Впрочем, достаточно вспомнить его собственное понимание диалектики, чтобы убедиться, что никакой диалектики у него не может быть ни с какой стороны. Во-первых, Коген видит у Платона диалектику как нечто существенно связанное только с *математикой*, с дианоией, опираясь на то, что математика у Платона и есть главная область идей. Во-вторых же, в приставке *διὰ* он видит трактование мышления как находящегося в борьбе за ясность, аналогичной борьбе во время диалога между лицами спорящими. Хотя это и не мешает, по мнению Когена, тому, чтобы мышление было «чистым созерцанием», тем не менее такое трактование диалектики надо назвать в прямейшем смысле формально-логическим, и Коген не увидел в платонической диалектике самого главного, это – интуитивно-интеллектуального проведения границы вокруг «одного» и – тем самым – различия и отождествления взаимопорождающих противо-

речий²⁵. Заявления о тождестве мысли и видения остаются у Когена, как видим, реально на бумаге, ибо не что иное, как именно интеллектуальная интуиция (против которой, кстати сказать, Коген яростно восстает) и приводит к необходимости диалектического сопряжения понятий. Кроме того, в выведении существа чистой мысли Коген отличается от Плотина – Платона тем, что не выставляет специально категорий движения и покоя или, вернее, дает такие понятия, которые не дают в отчетливой форме отличия покоя от «объединения» и движения от «отделения». Самые термины «Vereinigung» и «Sonderung» говорят как о статическом тождестве и различии, так и о динамическом движении и покое. Нерасчлененность этих категорий сказывается и в «Erhaltung», которое, конечно, соответствует пятой платонической категории – «сущему» (или «одному»), в которой, таким образом, оказывается подчеркнутым момент не «сущности», «нечто», но – все той же смысловой процессуальности, что и в предыдущих категориях. Нельзя не заметить, что и это вызвано у Когена недостаточной методической опорой на интеллектуальную интуицию. Именно последняя заставляет старых платоников говорить о таком движении, которое устойчиво, и о таком различии, которое самотождественно, и о таком самотождественном различии, которое стационарно и устойчиво пребывает и видится в сплошной подвижной текучести и подвижном покое. Коген же рассматривает мысль не в ее самостоятельной завершенности, но в ее функциональных следствиях; он изучает не ее самое, хотя об этом он и любит говорить, а <заботится> об ее применении в инобытийной сфере. И тут уж не до таких утончений, которые нужны были Плотину; здесь сливаются и смешиваются детали в структуре чистой мысли, и только спрашивается, как эта чистая мысль, независимо от ее возможных диалектических утончений, действует в инобытии. Если и принять во внимание, что инобытие мыслится Когеном только в области того, что охватывается «математическим естествознанием», то легко понять то невероятное сужение платонизма, которое представляет собой неокантианство, хотя и ясно, что это – стадия именно платонизма, а отнюдь не метафизики XVII – XVIII в<еков>, не английского эмпиризма и т.д.

5. «Суждение происхождения» (системная формула)

Прежде чем формулировать философски-математическое учение Когена, необходимо ясно представлять себе «суждение происхождения», лежащее в основе и суждений математики. Общие черты его были намечены выше. Сейчас же необходимо это учение развить, и мы увидим, как мысль Когена все время движется на острие между формальной логикой и диалектикой, причем последней все время продолжает здесь не хватать всей той же ясно проведенной антиномики, о которой было сказано выше.

²⁵ <...>.

Коген еще раз напоминает, что его теория «происхождения» не имеет ничего общего с учением о *данности*. Быть данным значит – в логике – быть осмысленным, быть выведенным, отнюдь не просто – находиться в ощущении. «Для мышления может иметь значение данного только то, что оно само (мышление) может найти»²⁶: происхождение всякого содержания должно находиться в чистом мышлении как таковом, в самом мышлении. Мышление само порождает из себя это происхождение, мышление само из себя происходит. Математика хорошо знает эту особенность мысли, когда пользуется своим значком χ . «Такой знак χ не имеет значения неопределенности, но – *определенности*. Он, поэтому, однозначен с подлинным смыслом данного, ибо в χ уже лежит вопрос, откуда он появляется и из чего происходит. χ , поэтому также и для чистой логики, можно употреблять в качестве правильного символа элемента чистого мышления»¹. Сократовский вопрос: «что такое» (τί ἔστι) и есть характеристика мыслительного «происхождения». *Вопрос и есть начало знания, начало суждения*. Вопрос есть основание суждения. Вопрос и открывает для всякого «нечто» его «происхождение»²⁷. Но тут мы сталкиваемся с новой проблемой.

Вопрос задан. Вопрос предполагает ответ. Но каков же *путь* от вопроса к ответу, каков *путь* «происхождения»? Этот путь не легкий и не краткий. Суждение должно испытать много разных приключений, пока не дойдет до своего конца. И суждение не должно особенно бояться этих приключений. Это и есть его подлинный путь. Но что же такое все эти приключения? Это есть – *нечто* (das Nichts). «На окольных путях это не-нечто суждение рисует происхождение [всякого] нечто (Etwas)»²⁸. Коген знает, что обыденному сознанию покажется абсурдным обращение к не-нечто, к *ничто*, для того чтобы найти *нечто*. Между тем в этом испытывается глубочайшая необходимость. Из нечего не может породиться нечто же. Тут справедливо старое изречение: «ex nihilo nihil fit», которое, быть может, лучше было бы читать как «ab nihilo nihil fit». Вот чтобы получить из одного нечего другое нечто, и необходимо ничто. Ничто есть как бы путь от нечего к другому нечему, логическая возможность перейти от одного к другому. Тут вспоминаются Когену греческие частицы οὐ и μή, из которых, как известно, первая указывает на отрицание реального факта, другая – на логическую возможность отрицания или, что то же, на логическую возможность нового утверждения²⁹.

Но путь к открытию «происхождения», для которого столь характерны многочисленные приключения мысли, блуждающей в сфере не-нечто, «нуждается в компасе». «Таковой представляется в понятии *непрерывно-*

²⁶ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntniss. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 68.

²⁷ Ibid. S. 69.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. S. 70.

сти»³⁰. Конечно, и непрерывность тут чисто *мыслительная*. В самой мысли мы должны найти непрерывность. «Поэтому мы рассматриваем непрерывность не как категорию, которая порождалась бы бесконечным суждением происхождения, но за ней должно быть признано более глубоко и широко распространенное значение, в соответствии с <о> значением суждения происхождения. Таковое издавна утверждает закон мысли, в противоположность категории. Непрерывность есть закон мысли»³¹. Таким образом, можно сказать так. «Мышление порождает единство и связь единств. Отсюда мышление, как мышление единства, обусловлено связью. И так как мышление есть порождение происхождения, то происхождение обусловлено связью. Никакое пугало того или иного ничто не прерывает связи долженствующих породиться единств происхождения. Нигде не зияет никакая бездна. Ничто везде образует [только] истинный переход, ибо оно есть защита [всякого] нечто от данного, будь то в ощущении или еще где. Только эта защита и приводит к происхождению»³². Вопрос «что такое?» означает «основоположение бытия в мышлении». Отсюда вопрос «что это не есть?» в смысле греческого $\mu\acute{\iota}$ есть путь всего того же основоположения, и тут-то и вскрывается вся сила этой связи. Именно непрерывность проходит сквозь это ничто. Поэтому нечто и связано непрерывно с другим нечто, через нечто, через отрицание себя как себя. Отдельные элементы мысли оказываются не «данными», а именно *порождающими* друг друга в этом непрерывном самоутверждении и самоотрицании. «Непрерывность есть, поэтому, мыслительный закон (Denkgesetz) той связи, которая делает возможным порождение единства *познания* и через то единство *предмета* и приводит к непрерываемому проведению»³³. Именно в силу непрерывности все элементы мышления как элементы познания «порождаются из происхождения». Непрерывность в этом смысле содержит в себе связь всех методов и дисциплин математического естествознания. Наконец, непрерывность есть то самое, что нужно иметь в виду при анализе тех трех сторон чистой мысли, о которых мы говорили выше. Когда X порождается своим происхождением, то это происходит благодаря именно *отделению* его от всего прочего. Тут как раз и становится понятной подлинная природа «ничто», которое отнюдь не имеет равноценной значимости с «нечто», но которое имеет значение скорее *прохода*, того, что проходимо в силу *непрерывности*. «Бытие должно само воспринять свое происхождение через не-бытие». Понятым делается тогда и «объединение», ибо именно непрерывность мысли приводит к тому, что «разъединенное» «объединяется». Наконец, особую значимость получает в свете непрерывности и момент «сохра-

³⁰ Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. – Berlin. 1902. – XVIII. S. 75.

³¹ Ibid. S. 75–76.

³² Ibid. S. 76.

³³ Ibidem.

нения», «удержания» «объединенных» «раздельностей». Получается, таким образом, более полная характеристика как этих трех моментов чистой мысли, так и самой непрерывности. И «суждение происхождения» в итоге оказывается (если сформулировать все, что Коген до сих пор говорил на эту тему) 1) *порождением (самопорождением)* 2) *чистой мыслью* 3) *раздельности*, 4) *объединяемой как* 5) *непрерывное* 6) *определение в сфере* 7) *ничто (не-нечто)* в 8) *некую сохранность этого раздельного* 9) *единства*.

6. Коген, Натоп и платонизм – о «суждении происхождения»

Сравнение этого учения о «происхождении» с платонизмом дает несомненно положительный результат. Всем известно учение Плотина: о непрерывном становлении единого, о том, что потому оно и считается абсолютно единым, что оно – «везде», т.е. нигде не прерывно; о том, что самоопределение единого происходит через самопротивоположение, самосоотнесение, и что это возможно только при наличии меона, «ничто», «не-нечто», которое не есть просто фактическое отсутствие, но – лишь потенция единого к множественности, к самоотрицанию (и, следовательно, самоопределению) себя во множественном; о том, что самое объединение единого с меоном порождает, прежде всего, категории различия и тождества, непрерывно переходящие одна в другую и в то же время абсолютно нетекучие; и т.д.

Однако, ради исторической точности, необходимо отметить и пункты глубочайшего расхождения Когена с классическим платонизмом. В излагаемом нами построении я нахожу две важнейшие черты, отличающие Когена от Плотина. Во-первых, Коген считает возможным говорить о «суждении происхождения», в то время как в сущности он говорит тут о происхождении самого смысла, о происхождении самого суждения, о происхождении самого *происхождения*. Коген рисует тут же первоначальные установки мысли, которые предшествуют еще всякому учению о суждении как о законченной структуре. Здесь имеем – *происхождение* чистой мысли, рождение первых мыслительных движений как таковых. Поэтому нельзя говорить о *суждении* происхождения, но – только лишь о самом *происхождении* и притом только лишь как о *принципе*, как о *задании*, как о *гипотезисе*. Это принцип всех принципов, принцип самого принципа как такового, смысл самого смысла. Суждение же есть последующая структура, не первоначальная, и ее нельзя ставить в самом начале принципиального происхождения знания. Это великолепно понял Натоп и в этом отношении, несомненно, гораздо ближе подошел к неоплатонизму, чем Коген. Рассуждая о принципе происхождения, он утончает это понятие в том смысле, что в нем мыслится не просто некое логическое единство, которое можно было бы получить путем обобщения множества отдельных логических моментов или которое могло бы входить в систему в качестве одного из ее членов. «Нельзя начинать с этого единства так, как будто бы оно было *дано*, но начи-

нать можно с него только в том смысле, что им предварительно обозначается вся сфера логической задачи. Это, тем не менее, не мало, потому что постановка задачи остается направляемой для всего строения логической системы. Но мысль, требование системы, вопрос о ней – *сами по себе не есть система и также не ее первый член, но целиком предшествует ей*. Это, следовательно, само по себе уже не принадлежит, собственно говоря, системе³⁴. В другом месте Наторп пишет: «Только о “суждении” происхождения, как некоем основном логическом суждении... именно поэтому и не может идти речи. Тогда суждение вообще было заранее установлено уже в основе. Но суждение, согласно защищаемому здесь воззрению, скорее впервые только образуется через объединение всех основных конституирующих моментов (Grundkonstituenten) логического, из которых каждый сам по себе именно поэтому и не может считаться суждением, но только конституирующим началом (ein Konstituens) суждения. Только последовательно может каждый из них выражаться в форме суждения, но [и это –] только впоследствии. В первичном же смысле надо говорить о факторах или, еще лучше (с Кантом), о функциях (отдельных действиях) суждения. Но это еще не самый тяжелый упрек, который заслуживает “суждение происхождения”. Если происхождение заступает место первоначальной корреляции всех элементов мысли, то именно этим самым заступает оно также и схождение всех конституирующих моментов не к одному какому-нибудь моменту, но – к суждению, т.е. само происхождение есть, собственно говоря, суждение суждения. В существенном смысле оно не есть также и координация с прочими основными логическими суждениями, что мы отвергаем, потому что это и для самого Когена фактически существует только по видимости; все его расположение основных элементов мышления скорее требует понимания его как “концентрического”, так что постановка суждения происхождения в начале скорее становится постановкой в центре. Но, по-видимому, и эта постановка должна, тем не менее, быть некоторым видом выделения этой категории, которое я не могу принять как обоснованное. Происхождение должно находиться не в пункте центра, но только в отношении к центру, скорее – во взаимоотношении между центром и периферией или, еще точнее: во взаимоотношении центрального и периферического направления познания. А это содержит в себе скорее уже всю сферу законов круга, изображающего совокупность логического вообще. Тогда оно уже не есть логическое просто, но – конституирующее его начало. Так мог бы я когеновские основные мысли, все равно – объяснить ли, исправить ли, – или, чтобы выбрать наименее предвещающее выражение, сделать мне доступными. Это, однако, требует того, чтобы я оставил внешнюю форму его системы, ибо этот принцип не может быть уже поставлен в один ряд с теми или другими от-

³⁴ Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig Berlin, 1910.– XX, 416 S.

дельными конституирующими моментами. Фактически это то же самое, как если мы говорим о методе, о процессе, о самом логическом как о свободной от предпосылок предпосылке или, наконец, о необходимой корреляции основных логических моментов, что в основе опять покрывается каждой из вышесказанных установок. Это многоименное “одно” предшествует, следовательно, всему этому ряду, не как первое в ряду, как не стоящее на вершине логических конституирующих моментов, но – как необходимое, насквозь проходящее единство логического вообще³⁵. Кто знаком с Платином, тому не надо доказательств того, насколько близко в этом учении Наторпа о происхождении неокантианство к неоплатонизму. Я напомним только VI 2 из Платина, где трактуется о том, почему «единое» не есть категория среди прочих категорий и почему она выше их, им предшествует и их порождает.

Во-вторых, учение Когена о происхождении расходится с неоплатонизмом в том отношении, что неоплатонизм мыслит себе единое, или первичное, происхождение как тождество всего логического со всем алогическим. Единое потому и есть абсолютно единое, что оно ни от чего не отличается. А это значит, что оно все раздельное объединяет в себе в одной неразличимой точке. Другими словами, «меон», «иное», как начало раздельности, тоже целиком погружено и потушено в этой одной неразличимой точке. Плотин ведь отличает абсолютное единое от объединенности многого. Первое есть единство всего логического и алогического, раздельного и нераздельного во всех, какие только могут существовать, смыслах. Второе же есть объединенность только определенного числа логически-расчлененных моментов. Так вот, Коген мыслит себе в своем принципе порождения если не просто принцип объединенности множественного, то, во всяком случае, и не принцип тождества всего логического с алогическим. У Наторпа, в его прежних трудах, эта сторона также не отличалась большой отчетливостью. В цитированном только что мною труде «Логические основания точных наук» говорится все время о принципе происхождения логического, о принципе логического как такового. Но уже и здесь у читателя, штудированного на неоплатонизме, появляется вопрос: как же можно говорить не о factum, а о fieri логического как такового, о принципе логического как такового, не вводя сюда рассуждений об алогическом? Ведь логическое становление логического предполагает уже с самого начала некий алогический процесс в логическом. Текучесть логического, и притом логическая, а не натуралистическая текучесть логического – не требует ли внесения в самые недра логического некоего принципа, который уже объединял бы и логическое и его текучесть, его алогическое становление. Ни Коген, ни Наторп прежних лет не подошли к этому вопросу вплотную, и платоновское ἄνυλθῆτον, что и есть (в «идее блага») подлинное тождество

³⁵ Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig Berlin, 1910.– XX. S. 28–29.

логического и алогического, все время продолжали принимать то в смысле «примата практического разума перед теоретическим», то в смысле некоего неопределенного выхождения за пределы гипотезиса, обосновывающего «бесконечное суждение» в этике³⁶. Однако и тут Наторпу принадлежит честь последнего осознания всей глубины залегающей здесь проблемы. Он не только в старых своих трудах понял, что подлинное значение «происхождения» не в суждении, но в конституировании логического, но – в последних своих трудах – с полной отчетливостью и великолепием выражения – понял, что «происхождение» есть конституирование логического *в его тождестве с алогическим*. Если Коген и Наторп в старых своих трудах не имели тут ничего общего с полунатурализмом, полутрансцендентализмом Канта и их система была гораздо ближе к Гегелю и к неоплатонизму, то последние труды Наторпа просто тождественны, а не сходны с неоплатонизмом, и фактически это есть, конечно, смерть неокантианства и переход его к чистому неоплатонизму в сфере логики и теоретической философии. И нельзя не отметить отсталость Когена в сравнении с Наторпом. Наторп – первоклассный мыслитель, не побоявшийся продумать до конца и честно формулировать все выводы, которые сами собой вытекали из посылок того чистого трансцендентализма, без «вещей в себе», без «субъекта» и «субъективности», без ненависти к «интеллектуальной интуиции», с абсолютным отождествлением «бытия» и «знания», «мышления» и «созерцания», на каковой почве Коген и Наторп стояли уже давным-давно.

<...>

Примечания

В предыдущих выпусках нашего Бюллетеня были впервые опубликованы некоторые части из большой, частично сохранившейся в рукописи работы А.Ф. Лосева под условным (дано публикаторами) названием «О единстве онтологии». Рукопись не датирована, вероятнее всего, ее следует относить к первой половине 1920-х годов.

Продолжаем публикацию, предлагая читателям новую главу «“Логика чистого познания” Г. Когена и неоплатонизм» из состава указанной работы. Заголовок этой части не сохранился и дан при публикации исходя из содержания текста. По возможности реконструированы и сноски: номера их проставлены автором в рукописи, но сам текст сносок не сохранился. При публикации во всех случаях сохранялась орфография оригинала. Подчеркивания в рукописи переданы при публикации курсивом. Немногочисленные конъектуры помещены в угловые скобки вида < >. Использование прямых скобок [] в ряде цитат принадлежит автору.

*Публикация А.А. Тахо-Годи,
подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого.
Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 11-03-00408а*

³⁶ <...>.

<Заметка о мифе>

Мифология 19 14 /V 18 ... основная ошибка «философии религии» в том, что здесь мифологическое содержание мифа (миф, как миф) подменяется философским. На самом деле миф не был философичным (миф – до философии) и влагать в миф философское содержание значит исказить и насиловать сущность мифа. Этой ошибки не избежали немецкие идеалисты (Шеллинг, особенно Гегель: «религия – дурная философия»). Ратуя против астрономического, метеорологического, эвгемеристического толкования, они не усмотрели того, что «философичность мифа» есть такой же неадекватный перевод его на чуждый язык философии, как перевод на язык астрономии, метеорологии, истории.

Когда мы говорим, возможно ли теперь возрождение мифа, то мы имеем в виду именно миф, как *религиозный* миф – миф, не как богатый материал для поэзии, не как удобную образную схему для отвлеченных философских систем, – имеем в виду возрождение мифа, а не «мифо-логию».

Примечание. Рукописная заметка на блокнотном листе с сигнатурой «М», датирована 14 мая 1918 г., исполнена в старой орфографии. На обороте листа содержится начало статьи «Молитвы христианские и языческие». Подчеркивания в рукописи переданы при публикации курсивом.

В.П. Зубов

Протокол

заседания комиссии по истории эстетических учений при философском отделении Р.А.Х.Н. от 13 / XI 1924 г.

Присутствуют: Н.Н. Волков, А.Г. Габричевский, Б.В. Горнунг, А.А. Губер, В.П. Зубов, М.И. Каган, А.Ф. Лосев, П.С. Попов, А.Л. Саккетти, <Б.Г.>Стоппнер, <О.А. – ?>Шор.

Председатель П.С. Попов. Секретарь Зубов.

Доклад А.Ф. Лосева: «Учение Аристотеля о трагическом мифе» (тезисы прилагаются).

В прениях участвуют А.Л. Саккетти и П.С. Попов.

А.Л. Саккетти ставит (1) вопрос о возможности выведения понятия трагического у Аристотеля из (отмечавшегося в докладе) отсутствия в его системе диалектики и возникающей отсюда (2) несвязанности понятий $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ (= незавершенная бесконечность определений) и $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\theta\upsilon\gamma\epsilon\iota\alpha$ (= актуальная бесконечность).

П.С. Попов возражает (3) против перенесения в систему Аристотеля современных различий и определений. В частности, такая модернизация скандывается у докладчика в определениях (а) потенции (осмысление становя-

щейся вещи), (b) μή ὄν 'а (смысл становящегося тела) и (c) самого понятия трагического (цельное эйдетическое оформление чувственного мира). При первом определении (потенции) не затронут вопрос об отношении потенции к материи (ὑλη); между тем при подобном сближении вскрылся бы реальный (онтологический), а не только формалистический аспект потенции. (4) Вопрос о катарсисе не может быть обойден, хотя докладчик и сделал это сознательно: именно вследствие недостаточно детального анализа этого понятия, не мог быть найден *сресіfісит* в понятии трагического, и трагедия сближалась с эпосом, несмотря на те различия, на которые указывал сам Аристотель.

А.Ф. Лосев отвечает на возражения. 1) Нельзя сводить трагическое к неразрешенности проблем в логике и диалектике (у Платона, напр<имер> – и трагическое, и диалектика). 2) Нельзя утверждать отсутствие всякой связи из полной разобщенности δύναμις и ἐνέργεια у Аристотеля. Связь *есть*, но не связь диалектическая (δύναμις *есть* ὑλη ὑποκειμένη для эйдоса). 3) Модернизации Аристотеля нет: ἐνέργεια, δύναμις – смыслы. Аристотель говорит сам: δύναμις – не тело. В I кн<иге> Физики γένεσις устанавливает связь между эйдосом и μή ὄν 'ом. Говоря в общей форме: феноменология *есть* рассмотрение предмета в его эйдосе, учение Аристотеля *есть* не натурализм, а именно учение об эйдосе. 4) Вопрос о катарсисе не был разработан детально, ввиду того что доклад ставил целью выделить конструктивно-логические моменты, а потому детальное исследование таких моментов, как страх, сострадание, катарсис, естественно оставалось в стороне, хотя определения их и были даны.

Примечание. Черновая рукопись протокола. На свободной части страницы рукописи имеется крупная надпись цветным карандашом: Трагическое. Конъектуры и расшифровки ряда сокращений заключены в скобки вида <...>. Подчеркивания в рукописи, а также греческие и латинские слова переданы здесь курсивом. Выражение ὑλη ὑποκειμένη можно перевести как *лежащая в основании материя, субстрат*. Машинописная копия текста протокола заседания от 13 ноября 1924 года представлена в фонде ГАХН (Государственная академия художественных наук, первоначально – РАХН) в РГАЛИ: ф. 941, оп. 14, е.х. 14, л. 11.

Континуум
(Математическое и физическое учение о непрерывном)

Содержание

Введение	4
Глава I. Проблемы неделимого и континуума в древнегреческой науке	6
§ 1. Анаксагор, пифагорейцы и Зенон	
§ 2. Демокрит	
§ 3. Антифонт	
§ 4. Открытие иррациональных величин	
§ 5. Понятия бесконечности и континуума у Аристотеля	
§ 6. Трактат «О неделимых линиях»	
§ 7. Архимед и Демокрит	
§ 8. Проблемы дискретности времени и движения	
§ 9. Понятие движения в греческой математике	
Глава II. Проблемы атома и континуума в науке Античности и Средневековья	48
§ 1. Образ Демокрита, Эпикура и Лукреция в Средние века	
§ 2. «Атомы времени» у средневековых компутистов	
Глава III. Учение Аристотеля о континууме и бесконечности и его судьба в Средние века	121
§ 1. Основные черты учения Аристотеля о бесконечно-большом и бесконечно-малом	
§ 2. Учение о бесконечности и континууме в псевдо-аристотелевском трактате «О неделимых линиях» и в «Начальных основаниях физики» Прокла	
§ 3. Понятие бесконечности в математике и философии Средневековья	
§ 4. Критика концепции неделимых у Аль-Газали и ее древнерусская интерпретация	
§ 5. Аристотелевская теория континуума в Средние века (Роджер Бэкон, Дунс Скот, Вильям Оккам, Марсилиус Инген, Фома Брадвардин)	
§ 6. Учение о «неделимых» Герарда Одонского и Николая из Отрекура	
§ 7. Бруно, Кеплер, Кавальери	
Глава IV. Атомистические концепции движения в Античности и в Средние века	336
§ 1. Концепции движения в мегарской и эпикурейской школах	

§ 2. Представления о движении в античных и средневековых теориях пульса	
§ 3. Арабские мотекаллемины и «зенонисты» XVII – XVIII вв.	
§ 4. «Лабиринт» Фромонда и возрождение эпикуреизма	
§ 5. Концепция дискретного движения в произведениях молодого Лейбница	
Глава V. Место, время и движение	424
§ 1. Место	
§ 2. Время и движение	
Глава VI. Предыстория понятий переменной и предела	506
§ 1. Forma fluens и fluxus formae	
§ 2. Учение о максимуме и минимуме	
§ 3. Споры о величине «угла касания»	
Глава VII. Учение о «градусах лекарств» и первые математические формулы калориметрии	585
§ 1. Учение о градусах лекарств у Галена и галеников	
§ 2. Учение о градусах лекарств в арабской медицине (Аль-Кинди и Аверроэс)	
§ 3. Восточные идеи на почве латинского Запада	
§ 4. Проблема опыта и умознания в теориях медицинских градусов XIII – XVI вв.	
§ 5. Теория градусов лекарств и первые термометрические шкалы	
§ 6. Учение о градусах лекарств и учение о «широте форм»	
Глава VIII. Учение об интенсификации и ремиссии качеств в Античности и в Средние века	677
§ 1. Категория качества в логических сочинениях Аристотеля и аристотеликов	
§ 2. Проблема интенсификации и ремиссии	
Глава IX. Орезм и начало метода координат	772
§ 1. Геометризация учения об интенсификации и ремиссии качеств у Орезма	
§ 2. Орезм и Декарт	
Глава X. «Калькулятор» Ричарда Суисета и его судьба	809
§ 1. Содержание «Калькулятора»	
§ 2. «Калькулятор» и наука итальянского Возрождения	
§ 3. Альварес Томас и его «Книга о трояком виде движения»	
Глава XI. Вопрос о природе химического соединения в античном и средневековом перипатетизме	978
Глава XII. Вопрос о «реакции» и «антиперистасисе» в XV–XVI вв	1080

Глава XIII. Природа материи по воззрениям представителей Шартрской школы	1125
Глава XIV. Атомизм Николая из Отрекура	1173
Глава XV. Проблемы дискретной геометрии в XIV–XVII вв.	1219

Примечание. Приводится оглавление обширной и полностью завершённой монографии В.П. Зубова. По ходу работы над книгой автор менял ее состав и название: «Математическое и физическое учение о непрерывном до эпохи Возрождения» (1958), «Понятие континуума в истории науки и философии» (1963); здесь воспроизводится последний из вариантов. Цифры в оглавлении указывают номера страниц машинописи. К сожалению, книга до сих пор не издана, несмотря на многочисленные попытки М.В. Зубовой получить поддержку в РФНФ.

*Публикация М.В. Зубовой,
подготовка рукописей к публикации
и примечания В.П. Троицкого*

Из воспоминаний

А.А. Тахо-Годи

Лосев и Толстые

Шла война. Алексей Федорович и Валентина Михайловна жили в 1941–1942 годах в Кратове вблизи своих старинных друзей Воздвиженских, Елены Сергеевны (дочери известного генетика С.С. Четверикова) и Василия Ивановича (сына последнего настоятеля Успенского собора в Кремле). Елена Сергеевна – одна из давних и любимых учениц Лосева еще по гимназии. Кратово (по Казанской дороге) запомнилось войной. Там пришлось Лосевым зимовать, снимая дачу у известной киноактрисы Эммы Цесарской, сыгравшей Аксинью в «Тихом Доне». Сама актриса покинула Москву, и Лосевы жили у ее брата по ул. Горького 19. Там они пережили уничтожение дома на Воздвиженке во время бомбежки в ночь с 11 на 12 августа 1941 г.

А рядом с Кратовым, на 42-м километре поселились Павел Сергеевич Попов, еще университетский приятель А.Ф. с женой, дамой гордой и важной, графиней Анной Ильиничной Толстой, любительницей цыганских романсов (это у нее наследственное – сама играла на гитаре и пела). С ними одним семейством – Сергей Львович Толстой, сын великого старца, человек скромный, музыкант и композитор. Жилось всем трудно, приходилось менять вещи на продукты, плохо было с дровами, но кое-как мирились с бытовыми невзгодами, ходили в гости друг к другу, оставляли записочки, если не заставали дома (кое-что из них сохранилось). В общем, жили мирно до поры до времени. А вот когда А.Ф. пригласят в Московский университет, да еще будут прочить в заведование кафедрой логики, тут вся дружба П.С. Попова с Лосевым и кончится. Но до 1943 г. время еще есть.

Лосевы были связаны и с сыном Сергея Львовича, Сергеем Сергеевичем Толстым, человеком как будто незаметным. Как все Толстые, получил Сергей Сергеевич воспитание на английский манер, английский знал как свой родной, и очень ему это пригодилось – заведовал одной из кафедр английского языка в известном Институте иностранных языков имени Мориса Тореза. В те времена (а может быть, и в нынешние) многим приходилось жить потаенно, скрытно, особенно если эти люди были верующими, церковными, ведь малейший неверный шаг грозил тяжким наказанием. Это и объединяло Лосевых и Сергея Сергеевича Толстого, принявшего в начале 1920-х годов сан диакона. Об этом поведал мне через много лет сам Алексей Федорович, еще при жизни Сергея Сергеевича.

Н.К. Малинауスケне

Как работал Алексей Федорович Лосев,
или Классическая филология – наука точная

Когда я училась в аспирантуре при кафедре классической филологии филологического факультета МГУ (это было в 1970-е годы), Аза Алибековна предложила мне поработать с Алексеем Федоровичем Лосевым, имя которого для филологов-классиков всегда было большим авторитетом. Алексей Федорович, как известно, почти не видел, поэтому все, что он писал, он писал не своей рукой, все, что он читал, он читал не своими глазами. У него постоянно работало несколько секретарей, каждый приходил в определенные дни и часы, например, два-три раза в неделю по четыре-пять-шесть часов.

Аза Алибековна сказала: «Надя, посоветуйтесь со своим научным руководителем, насколько он позволит Вам отнимать время от аспирантуры для этих занятий, и только после этого принимайте решение». Моим руководителем был Олег Сергеевич Широков, в прошлом сам ученик Алексея Федоровича Лосева, который в годы учебы в пединституте слушал его лекции по античной литературе и занимался в спецсеминаре по Гомеру. Олег Сергеевич сказал мне: «Надя, я Вам завидую. Не раздумывайте ни минуты, я бы сам побежал, только профессора уже не пригласят. Вы там получите то, чего Вам не даст никакая аспирантура. А все остальное Вы успеете».

Я только потом, через несколько лет, осознала эти слова Олега Сергеевича, поняла, что он имел в виду. Лишь спустя годы приходит осмысление того, как нужно было ценить это право быть допущенной в лабораторию научной мысли, к регулярному доверительному общению. Олег Сергеевич был прав. Университет давал знания, Лосев давал свободу мысли. Я благодарна Широкову не только за это напутствие, но и за то, что, будучи моим научным руководителем, он никогда не сковывал мою мысль никакими рамками и установками. Так он учил и меня работать со студентами, дипломниками, хотя я и не сразу поняла, что эта традиция – лосевская.

Алексей Федорович обладал необыкновенной памятью, и это был пример не только для меня, об этом вспоминали и другие его секретари. Это, наверное, уже общее место: «Подойди к той-то полке, достань такую-то книгу слева, это будет такой-то том Платона, открой такой-то диалог, примерно в таком месте (указывает в общепринятой нумерации, скажем, 349b) будет мысль о том-то и о том-то, уточни мне ее, пожалуйста». Спустя десятилетия я читала с радостью узнавания слова Татьяны Алексеевны Шутовой: «Лосев прекрасно помнит в какой книге его библиотеки и на какой странице что написано. Он говорит мне: "Таня, подойди к такому-то шкафу. Там, на третьей полке во втором ряду слева между такими-то книгами стоит такая-то книга. Возьми ее, такая синяя, открой на странице 436 и читай ближе

к концу страницы“. Все, как правило, точно. Хотя может указать и соседнюю страницу...»¹

И никогда не возникало сомнения, что Алексей Федорович может что-то забыть, что-то упустить, что-то недоговорить, всегда все исчерпывающе, всегда все строго по плану, в полном согласии со всеми требованиями высших достижений науки.

А работал Алексей Федорович в 1970–1980-е годы в самых разных областях: прежде всего – над историей античной эстетики, над книгой по символу, а также над статьями по теории языкознания, по конкретным проблемам классической филологии, по вопросам общенаучной, философской, эстетической, лингвистической терминологии, над эстетикой Возрождения. И лежали подбранные стопки книг по каждому направлению. Параллельно могла возникнуть необходимость написать доклад для конференции, отзыв о диссертации или рецензию.

Алексей Федорович просил читать. То, о чем читаешь, для человека в этом мало смыслающего или ничего не смыслающего, казалось обилием фактов. Но Алексей Федорович из этого обилия фактов выбирал то, что ему важно для данной работы. Он излагал свое понимание этих фактов, и с удивлением, а потом с восхищением ты видел в этом изложении материала строгую систему, авторский взгляд, самобытный аспект. И начинал думать: «Как же я этого даже не замечала?»

Некоторые книги или статьи читались полностью, отмечались места, которые впоследствии цитировались. Если цитаты были длинными, Алексей Федорович мог сказать: «Ты перепиши это в другой комнате, а я пока подумаю». Некоторые книги использовались частично. Например: «Сегодня мы будем работать над грузинским Возрождением». На столе лежит стопка книг по восточному Возрождению, ведь в книге «Эстетика Возрождения» есть разделы, связанные с этой проблематикой. «Ознакомь, пожалуйста, с оглавлением». Лосев вникает в структуру книги, выбирает, что может его заинтересовать. Выбирается определенная глава, затем – разделы этой главы. Конечно, все прочитать там даже за несколько дней невозможно, мы берем начало одного абзаца – «пропускай», начало следующего абзаца – «пропускай», начало десятого абзаца – «стоп, читай абзац целиком». Читаешь целиком. «Дальше читай полностью, дальше выбирай, дальше читай полностью». Затем опять: то пропустили, это читаем полностью. Потом начинаешь понимать: Алексей Федорович выбирает проблески неоплатонизма. Потом при диктовке – а ведь он все запоминает, все, что я читаю ему один раз, он запоминает с первого раза – эта линия, которую он уже воспринял и запомнил, она вырисовывается

¹ Флоренский П.В., Половинкин С.М., Шутова Т.А. Из беседы, состоявшейся 16 марта 1984 года // София. Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. С. 45.

четко. Вот эта неоплатонистическая линия, потом она вписывается в общую концепцию Возрождения, не только восточного, но и мирового.

Конечно, в работе над такими большими трудами, как «История античной эстетики» или «Эстетика Возрождения», которая шла изо дня в день, были задействованы все секретари. В рукописи почерки чередовались, и я уже знавала, что было написано с Владимиром Бибихиным, Юрием Шичалиным или с Диной Магомедовой, а позднее – с Юрием Панасенко, Игорем Маханьковым, Михаилом Ниссенбаумом, Людмилой Гогтишвили или Александром Столяровым. Не всех секретарей я знала лично (хотя большинство было из близкого мне круга), но где чей почерк, знала точно. Иногда это помогало в работе, потому что Алексею Федоровичу приходилось делать уточнения и вставки в предыдущий текст. И если он говорил, что какой-то материал он диктовал, например, Бибихину, то легче было сориентироваться в обилии исписанных листов.

Самым трудным был почерк Азы Алибековны, которой тоже иногда случалось записывать под диктовку, если кто-то из секретарей не мог прийти и не удавалось быстро найти замену, а она, к счастью, была свободна. Алексей Федорович ведь накануне, как правило ночью, продумывал все, что собирался диктовать на следующий день. Если же диктовать было некому, он просто страдал. Поэтому для Азы Алибековны было очень важно, чтобы день у него не «гулял» (так это называлось).

Вспоминаю, как однажды к вечеру у меня поднялась температура, а на следующий день нужно было ехать к Алексею Федоровичу. Звонить, чтобы предупредить Азу Алибековну, было просто неоткуда. Мобильных телефонов еще не придумали, ближайший телефон-автомат – только у платформы железной дороги (я живу в Подмоскowie), если вообще работает. Зима, сильный мороз, рано темнело. В то время у меня жила подруга из Иванова Наташа, которая окончила аспирантуру по кафедре германской филологии, но задержалась в Москве, чтобы доработать диссертацию к защите. Когда она уже поздно вечером вернулась из Ленинки и вникла в ситуацию, то согласилась заменить меня у Лосева. Конечно, для него и Азы Алибековны это было неожиданностью, да и ей самой было неловко свалиться им как снег на голову. Но все-таки это был выход, и, как оказалось, вполне удачный. Работать с Наташей настолько понравилось Алексею Федоровичу, что он спросил ее, не сможет ли она еще помогать ему. К сожалению, она должна была вскоре уехать.

Теперь Наталья Юрьевна Гвоздецкая – профессор Ивановского университета. Вместе с сыном Мишей, который закончил исторический факультет в Иванове, а ныне – аспирант Ярославского педагогического университета, она приходила в Библиотеку «Дом А.Ф. Лосева», когда я здесь работала. С огромным интересом они знакомились с фондами Библиотеки, с Лосевским залом. Вспоминали мы и тот зимний день, когда Наташа волею судеб оказалась

в кабинете Алексея Федоровича. Ее тогда поразило отношение ученого к помощнице: как к равной, как к коллеге, мнение которой его интересовало.

Недавно она откликнулась на мою просьбу перед нашей сегодняшней встречей вспомнить тот день поподробнее и прислала письмо, которое я не могу не процитировать: «Меня поразило сам способ работы А.Ф. с секретарями. Я думала, что секретарь – только исполнитель. Более того, в самой научной деятельности я делила людей на тех, кто уже все знает, достиг вершин, и тех, кто еще только пытается что-то узнать. И вторые, естественно, должны слушать первых. Так складывались мои ученические отношения с теми, кого я считала моими научными руководителями и кем глубоко восхищалась. Но они были на одном этаже, а я – на другом. Они говорили, а я слушала. А с А.Ф. работа шла иначе. Я прочитывала ему одну-две страницы, потом он останавливал меня и начинал спрашивать, что я обо всем этом думаю и как это понять. И я, волей-неволей, оказывалась толкователем, интерпретатором чужой мысли, причем в присутствии самого Лосева! Сначала меня это смущало, и я не знала, что сказать. Но потом как-то втянулась в эту необычайно интересную и захватывающую работу над чужим словом, начала высказывать какие-то мысли, а А.Ф. слушал, потом предлагал какой-то свой поворот рассуждений, и тогда рождался текст, который, конечно же, был его, лосевским, но он одновременно был уже и моим, я что-то увидела в этом обсуждаемом авторе свое, родное и близкое. Не то чтобы я раньше вообще не имела своих суждений, нет. Но раньше книги представлялись мне как мнения авторитетов, которые надо прежде всего вобрать в себя. А теперь предстали как поле для работы. Как будтоходишь в комнату, в некое мыслительное пространство, и не все там лежит на местах, можно что-то добавить, переоборудовать, чтобы стало красивее. Мне кажется, что для А.Ф. сама работа над мыслью была бесконечным превращением хаоса в космос – тот одушевленный космос, каким представляли мир греки».

И немного дальше: «После встречи с Лосевым сама работа над диссертацией пошла у меня живее, потому что я научилась моим прочитываемым авторам задавать вопросы, вступать с ними в беседу. Поэтому мне кажется, что Лосев для русской научной мысли – это, конечно, не просто некий автор глобальных идей, это еще некая нить Ариадны на научном пути. Ибо есть мнения, а есть истина. И надо научиться отсеивать первые в диалоге, чтобы найти второе. Боюсь, сейчас в науке стало много каких-то блестящих, но мертвых, просто шлифованных слов, и мало живых поисков истины».

Алексею Федоровичу нужны были секретари, ориентирующиеся в материалах по древним языкам, выпускники классического отделения, с нами он мог заниматься анализом текстов или терминологии античных авторов. И это была едва ли не самая полезная работа для лингвиста, хотя интересно было все, чем он занимался. Мы пользовались разными словарями, индексами тех или иных авторов, например Платона, Аристотеля.

Конечно, это огромная школа, когда знакомишься, держишь в руках эти издания, учишься ими пользоваться, читаешь тексты или фрагменты того или иного автора, ищешь одинаковые значения слова в другом тексте, в другом трактате. Потом все это выстраивается по определенной классификации значений от частного к общему и от общего к частному, все это анализируется, вписывается в более широкую картину. И, как всегда у Алексея Федоровича, идут ступеньки обобщения: малое обобщение, частное обобщение, которое ты еще понимаешь, следующее обобщение, которое ты можешь понять, но уже с трудом. А дальше идут обобщения все большего размаха, все большего контекста, в котором ты уже теряешься. И для того чтобы осознать их до конца, нужно обладать тем же багажом, которым обладал Алексей Федорович.

Когда наряду с основной работой по истории античной эстетики или по эстетике Возрождения появлялась необходимость подготовить какую-то дополнительную статью или рецензию, Лосев выбирал для этого секретаря, которому данная область была ближе. Так, мне он обычно диктовал работы лингвистической проблематики, например, связанные с теорией значения, знака, символа, и я очень радовалась, когда могла назвать что-либо из новой литературы в этой области. В частности, помню: тогда вышла монография Николая Георгиевича Комлева по теории значения², услышав о которой Алексей Федорович сразу попросил достать эту книгу в библиотеке, а потом я читала ему ее вслух. Занимаясь цветообозначениями у Гомера, я собрала библиографию и по символике цвета, которой Лосев тоже заинтересовался. Сам он давно занимался этой областью и понимал ее очень глубоко. Позднее, при работе над статьей об общенаучных терминах, Алексею Федоровичу нужны были материалы словарей лингвистических терминов. В те годы появился новый словарь, составленный моим однокурсником, ныне известным лингвистом³. По моей просьбе он подарил этот словарь Алексею Федоровичу с благодарственной надписью: «От заочного ученика».

Хорошо помню, как в 1974 г. готовился отзыв об автореферате докторской диссертации Рисмага Вениаминовича Гордезиани «Проблема единства и формирования гомеровского эпоса», представленной к защите в Тбилисском университете. Я уже упоминала в одной публикации заключительную мысль этого отзыва, врезавшуюся мне в память: «Если до сих пор последним словом советского гомероведения была книга А.Ф. Лосева «Гомер», то теперь это место заняло исследование Р.В. Гордезиани». Для меня работа над этим отзывом, содержащим тончайший разбор основных положений диссертации,

² Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: МГУ, 1969.

³ Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации. Тетради новых терминов, № 23, 1979.

была необыкновенно поучительной и интересной, тем более что к тому времени я уже познакомилась с Рисмагом Вениаминовичем на студенческой конференции в Тбилиси. Там он выступил после моего доклада по языку Гомера и дал мне ряд существенных указаний для дальнейшей работы, в том числе и по библиографии. Через год, перед защитой своей диссертации, я получила внешний отзыв из Тбилисского университета, подготовленный Гордезиани.

Конечно, Лосеву нужны были и специалисты со знанием современных языков. (Помню, что Владимир Биbihин работал с литературой на немецком языке, Татьяна Шутова – на французском.) Они читали ему источники или исследования на этих языках, с ними он конспектировал, излагал нужных авторов. И вот так изо дня в день, без пропусков, без выходных. Так что это, конечно, подвиг, научный подвиг. История античной эстетики у Лосева – это по сути история античной философии, построенная, словами В.В. Быčkova, «в эстетическом модусе». Поскольку Алексею Федоровичу было запрещено заниматься философией, в виде истории античной эстетики была создана история античной философии практически в десяти томах. Такого не сделал ни один академический институт: ни в России, ни за рубежом.

Более подробно о работе Лосева над словом я рассказывала на конференции 1989 г. «Проблемы мировой и отечественной культуры в творчестве А.Ф. Лосева» в Ростове-на-Дону. Материалы этого доклада были впоследствии опубликованы⁴.

Основой научного исследования Алексей Федорович считал исчерпывающее привлечение всех текстов по каждому изучаемому термину. Он любил повторять, что классическая филология – наука точная. В письме из лагеря жене он подчеркивал: «В философии я – логик и диалектик, «философ числа», из наук любимейшая – опять-таки математика; и, наконец, филологией-то я занимался почти исключительно классической, в области которой в науке достигнута наибольшая разработанность и четкость»⁵. В первую очередь он имел в виду то, что классическая филология имеет в своем распоряжении уникальный вспомогательный аппарат. Это обусловлено как и давней традицией развития этой науки, так и сравнительно ограниченным объемом сохранившихся текстов. Поэтому филолог-классик не только пользуется критическими изданиями текстов, но и может проверить любое слово по словарям и индексам, где собраны указания на все контексты в произведениях того или иного античного автора, употребившего это слово.

⁴ *Малинаускене Н.К.* Некоторые принципы филологического анализа термина в работах А.Ф. Лосева по истории античной эстетики // А.Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 165–168.

⁵ *Лосев А.Ф., Лосева В.М.* «Радость на веки»: переписка лагерных времен / Сост., подгот. текста и комм. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский путь, 2005. С. 54.

Конечно, сейчас во многих случаях может помочь система компьютерного поиска, но чтобы ею правильно воспользоваться, нужно самому составить список всех возможных форм слова, а это не каждый сумеет сделать с должной степенью точности. Существующие справочные издания представляют, например, временные формы глагола с учетом аугментации, удвоения, супплетивизма. Те молодые ученые, которые не используют подобных индексов, считывая только на собственные знания, допускают пропуски при анализе текстов, что я наблюдаю в последнее время при чтении научных работ. Такие пропуски отражаются и на статистике употребления слова, и на объеме его значения.

Для Алексея Федоровича точность филологической науки имела и еще один смысл. Это отсутствие приблизительности не только статистической, но и смысловой, не только описательной, но и интерпретирующей. Каждое положение должно быть подтверждено. Для каждого нового вывода должно быть прочное основание. Лосев не любил слов «и другие», «и так далее». Он говорил, что если автор написал подобные слова, то почти наверняка за ними ничего не стоит. Поэтому требование ученого рассматривать каждый термин «во всем его живом словесном контексте»⁶ нужно понимать не только количественно, но и качественно. Недаром исследователи отмечают, что «научный стиль Лосева... отличается абсолютностью своих суждений – редко встречаются такие вводные слова, как пожалуй, может быть и т.д., а словами, индицирующими безусловность суждения или умозаключения, т.е. требовать, необходимо, надо, конечно, ясно и т.д., пользуется Лосев весьма часто»⁷.

Необходимой предпосылкой для филологического исследования Алексей Федорович считал полноту охвата материала. Тщательность обработки этого материала реализовалась в анализе термина в его развитии, в систематизации значений на логическом основании, во включении исследования в контекст мировой научной мысли, рассмотрении эстетической терминологии в историко-культурном и историко-философском аспекте для более глубокого понимания той или иной картины мира.

От глубины этого понимания порой захватывает дух, невольно испытываешь восторг перед мощью человеческого разума. Кроме того, возможность следить за ходом развития мысли ученого, пройти вместе с ним разные ступени обобщения вызывает у читателя и эстетическое наслаждение, восхищение перед красотой его мысли, что, несомненно, тоже было важно для Алексея Федоровича. По свидетельству Анны Аркадьевны Гаревой, Валентин Фердинандович Асмус сказал о Лосеве: «Он был влюблен в красоту и мощь абстракт-

⁶ *Лосев А.Ф.* Эстетическая терминология ранней греческой литературы (Эпос и лирика) // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина, 1954. Т. 83. С. 104.

⁷ *Куссе Х.* Формы аргументации у П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева // Образ мира – структура и целое: Лосевские чтения. М.: Логос, 1999. С. 161.

ной мысли»⁸. Бывает, что в своих научных трудах Лосев в дополнение к философским формулам использует поэтические образы.

Наверное, поэтому исследователи говорят о «глубинном эстетизме лосевского философствования»⁹. Виктор Васильевич Бычков развивает эту свою мысль в оригинальной работе «Эстетический космос Лосева» и, ссылаясь на «ограниченность вербального выражения того, что превышает возможности такого выражения», представляет собственную попытку ПОСТ-адекватации, то есть «жанра философско-поэтического проникновения в духовные феномены»¹⁰.

Стилистический аспект лосевского научного наследия уже изучается специалистами по языку науки¹¹. Я сейчас не касаюсь вопроса об изучении художественного наследия Лосева, поскольку это особая область, а главный специалист в ней – Елена Аркадьевна Тахо-Годи¹².

Один из названных выше принципов филологического исследования Лосева, а именно анализ термина в его развитии, я разобрала более подробно в докладе «Об одном из принципов филологического анализа термина в трудах А.Ф. Лосева» на конференции «Алексей Федорович Лосев и проблемы античной культуры» («Лосевские чтения – 91»), проходившей в МГУ в мае 1991 г. Материалы этого доклада были опубликованы (хотя по непонятным для меня причинам под моей девичьей фамилией)¹³.

Там отмечено, что анализ термина в эстетической области – лишь частный случай анализа термина в трудах А.Ф. Лосева, в которых он разрабатывает терминологию и философскую, и лингвистическую, и общенаучную. В «Истории античной эстетики» Алексей Федорович «показывает развитие термина *technē* от полного тождества искусства и жизни у Гомера до тонких дистинкций у Аристотеля, через накопление отдельных дифференциальных качеств в доплатоновской эстетике и их столкновение в противоречивой оценке Платона, ведя читателя к общей, целостной картине античного представления об искусстве»¹⁴.

⁸ Гарева А.А. Гегелевский семинар А.Ф. Лосева // Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. С. 563.

⁹ Бычков В.В. Выражение невыразимого, или Иррациональное в свете ratio // Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010. С. 5.

¹⁰ Бычков В.В. Эстетический космос Лосева // София. Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. С. 27.

¹¹ Бочаров А.Б. Риторические аспекты русской философии языка: А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2000; Дружинина В.В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев). Дисс. ... канд. филол. наук. Сочи, 2004.

¹² Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007.

¹³ Садыкова Н.К. Анализ термина в его становлении (на примере исследования А.Ф. Лосевым термина *technē* в трудах по античной эстетике) // Вопросы классической филологии. Вып. XII. СТРОМАТЕИС=Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. М.: МГУ, 2002. С. 178–185.

¹⁴ Там же. С. 185.

В этом же сборнике опубликована глубоко продуманная статья Натана Соломоновича Гринбаума близкой проблематики¹⁵. Автор дает свою, более детальную и сложную систематизацию лосевских принципов работы с философскими терминами. Так, исторический принцип Н.С. Гринбаум дополняет принципами этимологическим и семасиологическим (уточнение путем сопоставления с родственными словами), принципом понятийной неадекватности (несоответствие между античным и более поздним значением) и непереводаемости терминов. То, что мы называли полнотой охвата материала, у Гринбаума воплощается в принципах контекстном и статистическом. Статья Натана Соломоновича – серьезный предмет моих дальнейших размышлений.

Надо сказать, что Лосев очень высоко ценил труды Н.С. Гринбаума, в середине 1970-х годов считая его самым авторитетным отечественным лингвистом-классиком. Для меня же Натан Соломонович навсегда остался благожелательным и строгим оппонентом моей диссертации, давшим мне образец того, как надо писать отзывы о научных работах.

Время от времени на протяжении уже, наверное, лет тридцати меня приглашают в качестве оппонента на защиты диссертационных и дипломных работ в МГУ, МПГУ, РГГУ или просят написать отзывы о авторефератах диссертаций. Некоторые работы радуют, защиты проходят как праздник, как пиршество ума или даже как трагикомические авантюры, заканчивающиеся ко всеобщему удовольствию благополучно, иные оставляют неприятный осадок. Прекрасно понимая, что лосевские принципы – это идеал, к которому можно только стремиться, тем не менее я расстраиваюсь, когда сталкиваюсь с небрежностью, подгонкой материала под собственные гипотезы, самодовольством, а в последние годы – даже с безграмотностью. Можно выделить некоторые тенденции: как отрадные, так и огорчительные.

Начнем с последних. Прежде всего это тенденция строить свое исследование без полного охвата материала. Даже если в работе заявляется полная выборка всех контекстов, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это только благие намерения. Некоторые молодые исследователи изначально настроены именно на фрагментарность, на выборочный подход к тексту. Однако говорить о цельности и системности при таком подходе бессмысленно. При наличии лакун в фундаменте все построенное на нем здание может оказаться непрочным. По мысли А.Ф. Лосева, всегда настаивавшего на исчерпывающем приведении языкового материала, «в самом организме языка ... явления пересыпаны огромным количеством тех фактов, которые считаются (и часто по праву) редкими и которые признаются не нужными для изучения языка, но которые как раз и составляют живое тело языка, заполняя все разрывы

¹⁵ Гринбаум Н.С. О принципах интерпретации А.Ф. Лосевым древнегреческих философских терминов и ее научной значимости // Там же. С. 155–168.

и зияющие дыры в нем, образующиеся после извлечения из него всего “понятного” и “постоянного”»¹⁶.

Наблюдается невнимание отдельных исследователей к отечественной традиции, ее незнание или даже игнорирование. Появляются диссертации, ориентированные прежде всего на западный опыт, как будто в российской науке никаких наработок в рассматриваемой области не существует. В них библиография насыщена работами на иностранных языках, часто не имеющими прямого отношения к теме диссертации и упоминаемыми иногда только в сносках. Бывает, что исследования на русском языке, которые приводятся в списках, носят случайный характер и в диссертации практически не используются. Напомню, что Алексей Федорович, внимательно следивший за развитием научных идей в мировой науке, никогда не оставлял без внимания то, что было сделано российскими учеными. Достаточно заглянуть в обзор литературы по проблеме или в библиографию к любой его книге. И делал он это не только потому, что был патриотом своей страны, но и из научной честности.

Особенно огорчает тенденция к построению надуманных гипотез. Сначала делается предположение, затем на его основе строится следующее, а первое подразумевается уже доказанным, хотя это только гипотеза. Поначалу еще встречаются оговорки: «как нам кажется», «по нашему мнению», «возможно», «будто», «как бы», «в некотором смысле», но впоследствии они могут уже совсем не учитываться. И на такой шаткой основе строятся выводы. Безусловно, гипотезы в науке имеют большое значение, но они рано или поздно требуют своего подтверждения. Для науки существенно не то, что «кажется», а то, что доказано.

Перспективными же представляются тенденции, присутствующие в целом ряде современных научных работ, которые выражаются в стремлении к многоаспектности рассмотрения языкового материала, в комплексности его осмысления. Даже чисто филологические работы ориентируются не только, например, на семантику слова, но и на его грамматическое оформление. Группа лексики одного античного автора исследуется в сопоставлении с аналогичной группой лексики другого автора, связанного с первым, например жанровыми особенностями, что делает выводы более объемными. Данные классических языков активно привлекаются для праиндоевропейских реконструкций, при исследовании материалов германских языков. Лексико-семантические группы русского языка рассматриваются в индоевропейском контексте или в сравнении с аналогичными группами других славянских языков, на фоне чего выявляются важные особенности. Характерные для многих работ по классической филологии последних лет историко-философский подход или культурологический взгляд на языковые факты вполне соответствуют на-

¹⁶ Лосев А. Ф. О законах сложного предложения в древнегреческом языке // Языковая структура, М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. С. 293.

правлениям работы мысли Лосева. Они позволяют выявлять логику мышления древнего человека в ее развитии, его представления о мире и самом себе, что имеет значение для истории и теории культуры.

Отрадно также и более широкое привлечение опыта мировой науки, не ограниченное в настоящее время отсутствием в наших библиотеках необходимой литературы и невозможностью работы в зарубежных научных центрах, что было тормозом в советские годы. Молодежь теперь свободно может передвигаться по всему миру, знает иностранные языки, общается с коллегами за рубежом. Все это не может не принести свои плоды. Только не надо забывать о своих учителях и выработанных ими традициях.

Алексей Федорович никогда не был моим формальным учителем. Если меня спрашивают, учил ли он меня – нет. Никогда нигде он меня официально не учил, никогда ничем в моей работе он не руководил. Он называл меня своей «внучкой», имея в виду, что в университете меня учили его «дети»: Аза Алибековна и Олег Сергеевич. Аза Алибековна в нашей группе вела курс «Греческий язык и авторы» и читала лекции по «Истории древнегреческого языка». В аспирантские годы я слушала ее лекции по античной литературе для филологов I курса. Она была рецензентом моей дипломной работы, а позднее и диссертации при обсуждении на кафедре. Мой научный руководитель в аспирантуре Олег Сергеевич Широков читал нам еще в студенческие годы спецкурсы по индоевропеистике, греческой диалектологии. По некотором размышлении я поняла, что я не только «внучка» Лосева, но и «правнучка». Ведь Марина Николаевна Славятинская, преподававшая нам древнегреческий язык на III и IV курсах и руководившая моими курсовыми и дипломной работой, писала свою диссертацию у Азы Алибековны.

Я благодарна Алексею Федоровичу не меньше, чем своим непосредственным университетским наставникам. Думаю, очень многое, что старался передать своим ученикам Олег Сергеевич Широков, шло от Алексея Федоровича. Очень многое, чему учила нас Аза Алибековна, тоже шло от Алексея Федоровича. И это касается не только и не столько конкретных знаний. Главное, чему они нас учили, – это не многознайство, а стремление к осмысленному знанию, это свободная мысль, уважение к мысли другого человека, честное и ответственное отношение к делу своей жизни – тому, что можно назвать «духом Лосева».

Один только раз, перед обсуждением моей диссертации на кафедре, я попросила его уделить мне полчаса, чтобы прочитать заключительный раздел работы, в котором гомеровские цветообозначения рассматривались как становящаяся система. Мнение Лосева мне было тем более важно, что он и сам анализировал этот материал в статье «Эстетическая терминология ранней греческой литературы».

Это было в сентябре, на даче в «Отдыхе», на открытой террасе перед домом. Алексей Федорович сидел в своем любимом плетеном кресле-качалке

(это кресло теперь стоит в мемориальной экспозиции на первом этаже «Дома А.Ф. Лосева»), а я рядом, за столиком. Он согласился послушать, а когда я закончила чтение, сказал, что звучит убедительно. Только спросил, каким объемом материала подтверждены эти выводы. Поскольку я делала сплошную выборку по каждому гомеровскому цветообозначению, было рассмотрено около тысячи контекстов. Такой ответ удовлетворил Алексея Федоровича, и я пошла на обсуждение со спокойной душой.

Алексей Федорович со своими секретарями говорил не только на научные темы: мы же для него были живые люди. Не всегда я была в состоянии поддержать разговор с Алексеем Федоровичем, больше слушала, смущалась. Не ко всем рассуждениям была готова. Но Алексею Федоровичу было интересно мнение собеседника по самым разным вопросам, с которыми мы сталкивались. Ему было необходимо иногда поделиться своими личными воспоминаниями, впечатлениями от людей или событий. Он умел похвалить, когда работа спорилась, никогда не упрекал, если что-то не задавалось, умел пошутить, покаламбурить, в том числе и на древних языках, сделать комплимент, радоваясь, когда у него выходила книга и он мог ее подарить.

Вспоминаются некоторые моменты того незабываемого времени. Идет работа над томом «Аристотель» «Истории античной эстетики», анализируются философские термины, с использованием индекса Боница проверяются все контексты. Вдруг работа застопорилась, в указанном индексе месте не обнаруживается искомый термин. Мы начинаем проверять все возможные близкие варианты цифр. В целом безупречный индекс, оказывается, может содержать опечатки! Проходит едва ли не час, контекст никак не подтверждается. Алексей Федорович уже готов меня пожалеть: ну, подумаешь, один случай не будет учтен, может быть, там и нет ничего нового. Я взмолилась: давайте попробуем еще один вариант. И повезло: кажется, была пропущена цифра, теперь уже, конечно, не помню, где именно. Мы были просто счастливы оба. Тот случай употребления слова не дал ничего нового к его значению, ничего бы не изменилось, если бы мы его пропустили. А если бы дал?

Одну книгу на моей памяти Алексей Федорович писал без предварительной проработки текстов или научной литературы, потому что это была квинт-эссенция его мысли, подготовленная всем предыдущим опытом. Писал на одном дыхании. Изюм дня в день он только диктовал. Я имею в виду книгу «История античной философии в конспективном изложении», вышедшую в издательстве «Мысль» в 1989 г., уже после его кончины (переиздана в 1998 г. и 2005 г., переведена на болгарский язык). Очень рекомендую эту небольшую по объему книжку тем, кто начинает знакомство с трудами Лосева. Так же он диктовал и большую часть последнего тома «Истории античной эстетики» «Итоги тысячелетнего развития».

Бывало, что Алексей Федорович просил познакомить его с новыми книгами. Часто это были книги от авторов с дарственными надписями. К этим надписям Лосев относился очень внимательно. Потом просил прочитать выходные данные книги, оглавление, интересовался, есть ли указатели. В именных указателях просил посмотреть интересовавшие его имена, в том числе и свое, потом – прочитать указанные страницы. Помню уникальное по тем временам осмысление трудов Алексея Федоровича в монографии Юрия Сергеевича Степанова¹⁷. Большинство книг откладывалось на будущее, некоторые оставались для использования в ближайшее время.

Случались дни, когда одновременно работали несколько секретарей. Это обычно бывало, когда нужно было срочно вычитывать верстку очередного тома. Тогда Алексей Федорович в своем кабинете продолжал текущую работу с одним из секретарей, а еще один или два человека сидели в большой комнате и вычитывали текст. В такие дни фрагменты рукописи, которую мы записывали по очереди, складывались в моем восприятии в единое целое, которое еще предстояло осмыслить позднее, взяв в руки вышедший том.

Иногда у редактора при чтении текста рукописи Лосева возникали вопросы к автору, иногда Алексей Федорович сам делал дополнительные вставки прямо в верстку, порой весьма значительные. Обычно Алексей Федорович просил отвечать на телефонные звонки, чтобы перезвонили вечером, но если звонил редактор, то выходил в гостиную к телефону сам для согласования всех вопросов. В такие периоды я приходила на Арбат не два-три раза в неделю, но едва ли не каждый день. Там на практике я освоила навыки работы корректора, основы которой преподавала Аза Алибековна.

Иной раз Лосев просил принести корреспонденцию из почтового ящика. Письма откладывались для прочтения с Азой Алибековной, а какие-либо извещения или поздравительные открытки он просил прочитать сразу. Помню его слова по поводу автора одной из таких открыток: «Мы с ним отношений не поддерживаем, только поздравления по какому-либо поводу. Он ведь не только партийный, он еще и карьерист».

В моей библиотеке немало книг Алексея Федоровича, подаренных им самим или после его кончины Азой Алибековной, в том числе тома ИАЭ, в работе над которыми я принимала участие (начиная с III тома). Но самый дорогой для меня том – это II том ИАЭ 1969 г. издания, которого у меня не хватало: в то время его уже давно не было в продаже. На нем дарственная надпись рукой Азы Алибековны: *Дорогой Наде на память об ее блестящей защите и чтобы не забывала с подписью А. Лосев* и датой 28 XII 1975 (защита была 26 декабря, а 30-го я переехала жить в Вильнюс).

¹⁷ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Известно, что Лосев был очень требователен к себе. Что бы он ни делал, делал он это с полной отдачей, по максимуму. Алексей Федорович не признавал никаких догм, никакой закоренелости и самоуспокоенности. Все могло быть подвергнуто переосмыслению. Недаром именно Лосев – один из авторов статьи «Логика диалектическая» (а первоначально – единственный автор статьи «Диалектическая логика!»)¹⁸ в III томе «Философской энциклопедии» 1960–1970-х годов. Недаром именно к Лосеву обратились в 1980-е годы по поводу написания аналогичной статьи при подготовке «Философского энциклопедического словаря». Тогда, попросив перечитать свою прежнюю статью, Алексей Федорович сказал: «Плохо. Очень плохо. Все надо переделывать». И стал диктовать все заново.

Но требователен он был и к другим людям. Скептически относился к замужеству, если считал, что собирающаяся создать семью женщина способна послужить науке. Говорил, что для женщины семья и наука несовместимы: в результате не будет ни того, ни другого. Слишком серьезные это вещи: семья и наука, слишком много времени и сил они требуют. Мог сказать о своей коллеге или ученице: «Молодец, родила дочку (или: родила двоих) и – как всякая порядочная женщина – развелась». Наши самооправдания, что, мол, будет немного и того и другого, по «лосевскому счету» ничего не стоят. Действительно ведь: в полной мере ни того, ни другого, а так, на троечку.

Лосев ценил преданность науке, пунктуальность, тщательность в работе. Говорил приблизительно следующее: «Учиться нужно только на «отлично». Кто этого не делает – или дурак, или лентяй. Ни с тем, ни с другим мне не интересно». Максимализм? Да. Но иначе не будет серьезной научной подготовки, где-нибудь да проявится недоработка.

Когда один из выпускников классического отделения, собиравшийся поступать в аспирантуру (теперь это известный ученый, доктор наук), получил тройку по научному коммунизму, Алексей Федорович настаивал на пересдаче экзамена. Он считал, что если человек хочет серьезно заниматься наукой, то должен приложить максимум усилий, чтобы получить такую возможность в университетской аспирантуре. Даже если эти усилия ему не по душе.

Можно сказать, что наследие Лосева – это не только его научные труды и публицистика, но и его ученики. В связи с этим встает вопрос, существует ли «школа Лосева». Это не такой простой вопрос, как кажется на первый взгляд. Тысячи студентов слушали лекции Лосева в самых разных вузах и городах и учились по его книгам, сотни аспирантов занимались с ним древними языками, сотни ученых слушали его выступления на конференциях, заседаниях Ученого совета МГУ и МГПИ им. Ленина, членом которых он был, на защитах

¹⁸ Это – целая детективная история. Подробнее см.: Лосев А.Ф. Словарь античной философии. М.: МИР ИДЕЙ, АО АКРОН, 1995. С. 217–218.

кандидатских и докторских диссертаций, где он выступал в качестве оппонента. Издания его книг находят своих читателей. Многие видные ученые, доктора и профессора, называют его своим учителем и считают себя часто даже заочными его учениками. После кончины Алексея Федоровича было опубликовано краткое, удивительно точное и глубокое эссе С.С. Аверинцева «Памяти Учителя»¹⁹.

Алексей Федорович любил своих учеников, радовался их успехам не меньше, чем своим успехам в работе с ними, радовался, что вокруг него много слушателей, последователей. Но иногда, в редкие минуты задушевных бесед, он с горечью и грустью мог сказать: «Жаль только, что нет у меня издателей и читателей соответствующих... – А вы поговорите с нами... – Да вы же никто. Если бы вы хоть какой-то ведущей линией были. Вы же только отдельные проявления какой-то линии, которая могла бы быть, но линии-то такой нету. Линии – нету»²⁰.

Ученый никого не хотел унижить, но в этих словах – горькая правда. В той же беседе он продолжал: «Тут нет ничего обидного, ибо философия – это не широкая, а очень узкая специальность, которая требует особой выучки, многих лет раздумья, чтения, писания... Так что геолог Павел Флоренский не обязан быть философом. Но поскольку он все-таки ближайший родственник Павла Александровича Флоренского, его внук, он имеет право знать о своем деде существенные идеи»²¹.

Редко кому Алексей Федорович мог сказать те слова, которые он написал Валентину Фердинандовичу Асмусу: «Не осуществивши того, для чего мы с Вами родились, мы всё же жили с Вами в глубине наших душ только одной идеей, которую никто не понимал, которую все извращали, но которая тем самым делала нашу с Вами работу и даже всю нашу жизнь осмысленными... <...> Все совершается как надо. И все имеет свой смысл. <...> И если существует мировое зло, то иметь право утверждать это мы можем только в том случае, если одновременно с этим мы утверждаем с Вами и наличие мирового добра»²².

Лосев, одаренный от природы, как это он сам сформулировал, «всеми необходимыми для философии способностями»²³, но получивший запрет на занятия философией, в результате занимался не столько историей, сколько философией истории, не столько культурой, сколько философией культуры, не столько языкознанием, сколько философией языка, не столько математи-

¹⁹ Аверинцев С.С. Памяти Учителя // Контекст-90. М.: Наука, 1990. С. 3–5.

²⁰ П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // Там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 12.

²² А.Ф. Лосев – В.Ф. Асмусу. Письмо от 28 сентября 1973 года // Вспоминая В.Ф. Асмуса... М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 280.

²³ Там же. С. 279.

кой, сколько философией математики, не столько музыкой, сколько философией музыки... И все эти области для него, ученика Владимира Соловьева, никогда не были разрозненными, но – взаимосвязанными, взаимопроникающими частями цельного мира. Поэтому Лосева считают своим учителем представители самых разных наук, а не только философы.

Прежде всего это специалисты-античники. Но ни у кого из нас нет такой базы, какая была заложена у Лосева в классической гимназии. Изучение древних языков в университете уже давно начинается с нуля. Сейчас, правда, ситуация стала меняться, школьное классическое образование с огромным трудом пробивает себе путь. Поэтому трудно себе представить, что сейчас кто-то может сдать экзамен, который сдавал студент Лосев. Отрывок из Софокла ему было предложено перевести на латинский язык, а потом даже – на язык Гомера²⁴. И тем не менее в этой области у Лосева есть ученики.

Его учениками с полным правом считают себя и люди, которые учились уже не столько у самого Лосева, сколько у его ближайших учеников, например студенты и аспиранты Азы Алибековны Тахо-Годи, проводницы и проповедницы его идей, воспринявшей и принципы его исследования, и его подход к преподавательской работе.

Считают себя учениками Лосева философы и историки, литературоведы и лингвисты, искусствоведы и музыканты, которые воспринимали его идеи из его книг или личных бесед, а может быть, никогда даже и не видели ученого. И они тоже правы. В своей работе они продолжают его традиции, например в области исследования древнерусской литературы или изучения истории философии и культуры, музыки и эстетики. Таких людей много в России, есть они и в Белоруссии, Грузии, Армении, в Польше, Германии, Франции, Испании, Японии...

Напомним факты, приведенные в интервью доктора филологических наук, председателя Лосевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН Елены Аркадьевны Тахо-Годи: «В 2008 г. во Франции в г. Бордо в Университете Мишеля Монтеня по инициативе профессора Маризы Денн была проведена большая международная конференция «Творчество Алексея Лосева в контексте европейской культуры». В Париже на заседаниях семинара по русской философии памяти Владимира Соловьева под председательством Бернара Маршадьё в течение полугода анализировалась лосевская «Диалектика мифа». А совсем недавно в мае в Кракове в рамках международной конференции «Символ в российской культуре» анализу лосевского творчества была посвящена отдельная сессия. Мне самой пришлось выступать с лекциями и докладами о Лосеве по просьбе зарубежных коллег в университетах Люблина, Трира, Женевы, Бристолья. Недаром лосев-

²⁴ Ростовцев Ю.А. Марафонец (Слово о Лосеве) // Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. С. 363.

ская «Диалектика мифа» к настоящему времени переведена почти на все европейские язык и и даже на японский славистом и философом из университета Иокогама Ф. Осука²⁵.

Таких же учеников, которые могли бы перенять у Лосева его сокровенные идеи, которые могли бы осознать и продолжить его универсальную линию, объединяющую многочисленные области знания в их единстве, все-таки нет. В этом трагедия Лосева, которую он прекрасно осознавал. Владимир Яковлевич Лазарев свидетельствует, что Лосев в разговорах с ним не раз сетовал на то, что не оставил «школы мыслителей»²⁶.

Нет школы, которую мог создать Лосев. Но в этом повинно не только время, причина еще и в уникальности личности самого ученого. Такие рождаются не часто. Донской казак, в самой мысли которого, по меткому замечанию С.С. Аверинцева, «ощущалась кровь, живая и очень густая», охарактеризован им кратко и точно: «Русская безудержность – и греческий порядок мысли»²⁷.

Прав был Олег Сергеевич Широков, когда сказал на похоронах, что мы не способны продолжить дело Алексея Федоровича, потому что испорчены своим временем и никогда не будет у нас той силы духа, которой обладали воспитанники русской культуры начала XX века. Пройдет еще много лет, пока ученики учеников Лосева сумеют освоить и приумножить его научное наследие, научатся мыслить так свободно и непредвзято, как не дано было мыслить первым поколениям учеников Лосева. Только тогда мысль Алексея Федоровича обретет достойных преемников. Наверное, ближе всего к истине парадокс: школа Лосева есть – и школы Лосева нет. Будем верить, что школа Лосева – это дело будущего.

²⁵ <http://www.rg.ru/gazeta/rg/2010/05/21.html> "Российская газета. № 5188 (109) от 21 мая 2010 года.

²⁶ Идеи и труды Лосева как импульс для возникновения новой Платоновской Академии // София. Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. С. 57.

²⁷ Аверинцев С.С. Памяти Учителя // Контекст-90. М.: Наука, 1990. С. 4; см. также: Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. С. 638.

К 70-летию В.П. Визгина

В. П. Визгин

Оглядываясь назад с томом Зубова в руках:

Опыт интеллектуальной автобиографии

Читая недавно изданный том Василия Павловича Зубова, в его статье «Натурфилософские взгляды Гёте»¹ я неожиданно обнаружил четкие формулировки основных проблемных мотиваций моих научно-философских занятий за последние примерно сорок пять лет. Статья молодого автора удивительна для его возраста. Она поражает не только интеллектуальной пронизательностью, но и духовной зрелостью. Многие места из нее мне захотелось выписать, подчеркнуть, продумать еще и еще. Вот одно из них: «*Переживание природы и природа неразрывны*». Просто и верно. И сразу же мы понимаем, что мысль, подобная гетевской или даже пришвинской, имеет полноценные права гражданства в мире не только литературы, но и интеллектуальной познавательной культуры. Во второй половине 1920-х годов умолкает философский голос Павла Флоренского (исследования диэлектриков и т.п. работы здесь не в счет). Но он звучит, правда, к сожалению, «в стол» под пером молодого его ученика и почитателя, а частично и на заседаниях ГАХН. Но я пишу не отзыв об этой замечательной работе, а интеллектуальную автобиографию, хотя пишу ее с оглядкой на эту статью. Поэтому каждый новый содержательный блок моего изложения я буду начинать с цитаты из нее. Начну с главного.

«*Was fruchtbar ist, allein ist wahr*»,² – цитирует Зубов кредо Гёте. Культ плодотворности, акцент на рискованном творчестве – пусть и под угрозой сомнений в его результатах – это и моя интеллектуальная вера. Генезис ее отсылает не только к гетеанским студиям, но и к такому философу творчества, как Бердяев, главная книга которого оказалась в 60-е годы значимым для меня событием. С кредо Гёте перекликался и Борис Пастернак, кумир кружка моих друзей тех лет³. Ведь это Пастернак сказал, что культура – это не что иное, как «плодотворное существование». В эти годы думалось и писалось и даже жилось, можно сказать, «в стол», в будущее. Но «стол» этот, к счастью, нередко оказывался дружеским застольем. Поэтому я не могу не назвать здесь имен

¹ Зубов В.П. Из истории мировой науки. Избранные труды 1921–1963. СПб., 2006. С. 29–58. Все цитаты из этой работы Зубова даны курсивом без указания страницы данного издания.

² Лишь плодотворное является истинным (нем.).

³ Визгин В.П. Поэзия – философия – повседневность // Визгин В.П. На пути к другому. От школы подозрения к философии доверия. М., 2004. С. 673.

некоторых моих друзей тех лет. Ограничусь двумя – это Наталья Васильевна Полковникова, с которой мы вместе кончали школу № 665. В голосе «одолевшей Наташки» (по выражению Сергея Иванова) звучал для меня прежде всего Блок и Достоевский. Немалый путь, начиная с химического факультета и затем Института истории естествознания и техники АН СССР, был пройден вместе с Анатолием Валериановичем Ахутиным, введшим меня в философские кружки тех лет, в социальное измерение мысли, которого ранее для меня просто не существовало. Вторая половина 1960-х годов – время, когда я преподавал философию на химическом факультете университета. Полузапретные чтения и мысли сами собой проникали в лекции и семинарские занятия. Так что говорить о *полной* общественной «закупорке» неформальной интеллектуальной жизни в те далекие года нельзя. Что же касается последовательно проводимых, тематически организованных исследований академического толка, то тогда я их еще не вел, если не считать работу над диссертацией.

Стремление к плодотворности существования заставило меня ценой конфликта с заведующим кафедрой философии естественных факультетов МГУ, на которой я тогда работал ассистентом, уйти из университета по собственному желанию и устроиться на работу в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Это было в начале 1971 г. В том же году в августе в Москве проходил Международный конгресс по истории науки. Бонифатий Михайлович Кедров, тогдашний директор ИИЕТ, предоставил сотрудникам института возможность усовершенствовать их знания иностранных языков. Я и ранее понимал, что без этого невозможно вести полноценные исследования. Так произошла моя встреча с французским – причем совершенно неожиданно, ибо я решил усовершенствовать свой университетский английский, но при проверке оказалось, что я его уже достаточно – для тех курсов, которые для нас были тогда организованы, – знаю. Мне предложили идти на французское отделение. Языка этого я не знал совершенно. Но увлекся его изучением. Мне захотелось не только свободно читать на нем, но и говорить и думать: манил опыт другой жизни, другого менталитета. Манил эксперимент. И он, кажется, оказался не таким уж бесплодным. Однако обосновывать этот тезис я здесь не буду.

Мои академические научно-философские занятия начались с исследования проблемы качества, которая ставилась тогда в двуедином плане – в концептуальном и в историческом. И вот снова цитата из Зубова: «*Весь вопрос в том, почему канонизируется, узаконивается и возводится в догмат количественное мировоззрение? Объявить качества мифом и иллюзией, перенеся в область субъективного, значит, отодвинуть, а не решить проблему. Достаточно билась новая мысль над решением мнимых антитез, возникающих на почве расщепления физического и психического! Пора вернуться к подлинному единству, когда мир физических абстракций приобретет вновь красоч-*

ную яркость, а психическое облечется в подлинную плоть». Именно этим пафосом был увлечен и я, став сотрудником сектора истории химии ИИЕТ. Химия – наука о качественном *par excellence*. Качество обладает не редуцируемым к количеству статусом. Вот из чего я тогда исходил, занявшись историками химического знания в античной натурфилософии. Постепенно проблема качества получила более четкое логическое и историческое очертание, в центре которого оказался Аристотель. Здесь я работал в рамках, можно сказать, научной философии науки. В ходе исследования проблемная тема доопределилась. И по сути дела моя первая монография «Генезис и структура квалилативизма Аристотеля» (1982) явилась решением этой проблемы, уточненная формулировка которой указана в ее названии. Вопрос был задан о том, какова структура аристотелевского, как сейчас говорят, дискурса о качествах и чем ее можно объяснить, когда она уже в основе своей выяснена, каков генезис этой структуры? Ответ был достаточно четко сформулирован в этой книге. Но рукопись получилась некроткой и потом мне говорили, что эвристический ключ к решению этой проблемы с большей выразительностью оказался прописанным в небольшой статье «Качества в картине мира Аристотеля», опубликованной в журнале «Природа».

Еще цитата из Зубова: «Цвет в известном смысле возникает при посредстве глаза, ибо существует для него – но это еще не значит, что он только субъективен. Мы имеем дело с объективным раскрытием сущности света через глаз. Так, исследование неорганической природы само приходит с неизбежностью к биологии». Зубов эту мысль высказывает к концу своей статьи. А ведь это высказывание о гётевской теории цветов вводит в тему моих занятий историей науки с самого их начала, когда в 1971 г. я оказался младшим научным сотрудником ИИЕТ. Подробно об этом написано в эссе «Химия как *amor Dei*», опубликованном в сборнике, посвященном памяти замечательного историка химии Владимира Ивановича Кузнецова, который и взял меня в свой сектор. Нас познакомил Регина Семеновна Карпинская, мой научный руководитель на кафедре философии МГУ. Весь этот пласт стремлений и занятий можно назвать проектом биологизации химии как в теоретическом, так и в историческом плане. Его идея проста – развитие химии фокусируется и постигается в химии развития, или в эволюционной химии. Кузнецов увидел во мне философского гаранта этого проекта, в издательском виде представляющего собой замысел написания коллективной монографии, причем многотомной, по всеобщей истории химии с единым концептуальным стержнем. Создать «концептуальную канву» этой истории мне и было им поручено. Наши с ним ориентации в философии химии удивительным образом срезонировали: я писал диссертацию на тему химической эволюции вещества в космосе, а он, увлеченный этой идеей во всех ее аспектах и прежде всего в историко-химическом, стал моим главным оппонентом на ее защите.

Поэтому неудивительно, что через два года после защиты я оказался в руководимом им секторе истории химии ИИЕТ. Среди историков химии тогда вспыхнул спор, можно сказать, позитивистов с романтиками. Мы с Владимиром Ивановичем были, конечно, романтиками. Он давно уже изучал концептуальную биологизацию химии через исследования явлений катализа, что позволяло надеяться далеко продвинуться вперед в понимании того, как неживое вещество оказывается живым, как химический индивид обретает биологические контуры. А я, оказавшись в секторе истории химии, устремился к истокам этой науки в античной натурфилософии. Нам обоим казалось, что «жизненный порыв» вел весь мир, а значит, и химически устроенное вещество этого мира. Для нас обоих химия была обнаружением метанаучных сущностей, а химизм – «этапом универсального развития Вселенной. Если угодно, за подобной романтикой стояли Анри Бергсон с его «Творческой эволюцией» и неоплатонизм с его идеей Всеединства»⁴.

И снова Зубов: «Зримое зрит себя в зрящем... Тожество природы и сознания – вот из чего исходит Гёте в «*Farbenlehre*»». Гетеанский подтекст антиредукционистской позиции, выразившейся в аристотелевских штудиях в связи с проблемой качества, тогда не тематизировался, оставаясь в полусумраке сознания. Несмотря на все уважение к строгой доказательной науке, к научному методу, к естествознанию, аурой которого я тогда был пропитан, счесть сознание, сферу эстезиса и поэзии чистым эпифеноменом материального субстрата мироздания я не мог. Их онтологическое достоинство скорее авансировалось мною, чем доказывалось и философски выстраивалось. Во всяком случае, в 1970-е годы помимо академических исследований велась и другая, менее организационно оформленная философская работа – чтение, беседы с философами и прослушивание их лекций, споры с друзьями, участие в домашних семинарах. Этот пласт наполненного времени вместе с более ранним периодом следует считать «годами учения» – ведь методически выстроенного философского образования я не получил. Химик-кустарь в философии, автодидакт в ней, я и до сих пор многих важных работ не проконспектировал и не продумал, о чем, конечно, не могу не сожалеть. Но я хотел сказать о другом. Эти занятия на самом деле служили невидимым основанием видимых исследований, публикуемых издательством «Наука» в виде статей и книг. С годами и они получали свою воплощение – сначала в докладах на домашних философских семинарах (я имею в виду прежде всего семинары В.С. Библера и И.Д. Рожанского), а затем и в публикациях в журналах и сборниках. Тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что затянувшиеся «годы учения», которые как-то и в какой-то степени перекрывались с «годами странствий», служили живой почвой для более нормированных исследований в стенах академиче-

⁴ Визгин В.П. Химия как *amor Dei* // История науки в философском контексте. СПб., 2007. С. 150.

ского института. Их же концептуальная содержательность зигзагами – я это подчеркиваю – уводила от склонности к естественно-научному материализму, вполне понятному у химика, получившего университетское образование. Материализм во всех его видах уже в те далекие годы осознавался не только в своей шокирующей антифилософичности и неистинности, но и в своей относительной правоте. В общем духовно-интеллектуальном хозяйстве чело- века он воспринимался – во всяком случае вне своих вульгарных идеологи- ческих представлений – необходимым элементом для того, чтобы платонизм не слишком зазнавался, впадая в спячку самодовольства. Я думаю, что в те далекие годы мною недостаточно было пережито и продумано то, что назы- вается духом. Продумывалась эмпирия – как же иначе могло быть у естествен- ника-химика? Продумывалась теория, без которой нет современного есте- ствознания, равно как и гуманитарной науки. Продумывалась их связь. Но дух не тематизировался в своем своеобразии как именно дух. Гегеля здесь все- таки мне не хватало, а Платон, к сожалению, был прочитан слишком поздно – вместе с изданием его в «Философском наследии», то есть в конце 1960 – на- чале 1970-х годов. Иными словами, эмпиризм угрожал срывами в материализм френсис-бэконовского толка, а теоретизм современной науки отсылал к дру- гой «Харибде» – к увлечению отвлеченным интеллектуализмом. К счастью, этот недочет все же корректировался, хотя и слишком медленно. Основу такой коррекции составляли прежде всего занятия русской философией, которые тогда, к сожалению, были недостаточно основательными в том числе и по при- чине относительной труднодоступности соответствующей литературы.

И вот опять Zubov: «Единая связь и есть *prîus* явления... “Одно явление не объясняет само себя и из себя”». Вот в этих словах Zubova и Гёте, которого он цитирует, и раскрывается содержание понятия духа. Возможно, что в те годы в какой-то степени вольно или невольно действовала «заморочка» марк- систского толка, символом которой служили, увы, слова «диалектика», «теория развития» и т.п. Она действительно препятствовала концентрации внимания на духе, на спиритуальном измерении бытия. Всеохватная связь явлений, ис- ходя из которой они становятся постижимыми, – это и есть духовная связь, коренящаяся в глубине реальности. Дорога к персонализму оказалась в ре- зультате слишком длинной. Неоплатонизм, кроме, увы, запоздалого ознако- мления с книгой Блонского, оставался за семью печатями. А французского спи- ритализма Тейяра или Бергсона, как и отечественного в лице Лосского или Бердяева, было недостаточно для того, чтобы персоналистическое философ- ствование по-настоящему привлекло к себе внимание. Я слишком болезненно «болел» судьбой научного знания (что само по себе понятно в виду моего об- разования и почти двадцати лет, проведенных в стенах Института истории ес- тествознания и техники), чтобы всецело погрузиться в чисто философские спиритуалистические и персоналистические штудии. Персонализм же, помню,

особенно отталкивал: понятие «личности» казалось достоянием болтливых гуманитариев, а не естественно-научно ориентированного исследователя. Во- обще в философском мире меня отталкивало идеологическое давление на свободу личного решения: почему это я должен продумывать понятие лич- ности (или какого-то другого понятия, вдруг ставшего «модным» и «важным» и внушаемого мне извне)? Требование настоящей научности в мире филосо- фии и истории, то есть точности, верифицируемости, доказательности, было неоспоримым императивом того ментального мира, который я разделял со многими своими коллегами, историками и учеными. И лишь долгие занятия гуманитарными науками, включая философию, но особенно литература и ис- тория выводили из этих слишком тесных стен научного интеллектуализма. Здесь я прежде всего пропитывался философской эманацией экзистенциа- лизма, который в 1960-х – начале 1970-х годов был к тому же в фокусе вни- мания образованной публики. Экзистенциально-философско-литературные эссе писались и тогда, но, правда, исключительно «в стол». Это были, напри- мер, отклики на пьесы Сартра, фильмы Тарковского, Ежи Кавалеровича, Ингмара Бергмана и Феллини. Сюда же следует отнести и изучение Шопенга- зура и Ницше, а также упоенное чтение десятилетника Томаса Манна и все с этим культурным пластом связанное. Кстати, эссе о новелле «Смерть в Венеции» – одна из самых первых публикаций этого рода. От ииетовской академической работы это, казалось бы, достаточно далеко. Но на самом деле это не так. Например, исследования о Фонтенеле и о множественности миров в культурном сознании, представленные в форме эссе, очевидным образом продолжали и завершали чисто историко-научную и историко-философскую работу над темой множественности миров. Однако когда эти эссе я принес редактору «Историко-астрономических исследований», то Майстров не без интереса их прочел, но не взял: уж слишком явно жанром и стилем речи они не укладывались в стандарт академической работы. Научный мундир полага- лось затягивать на все пуговицы. Никаких поэтико-гуманитарных метафор и оборотов тогда не дозволялось. Впрочем, так устроена всякая дисциплина. В том числе научная.

Снова читаю у Zubova: «Судьбы природы оказываются неразрывно свя- занными с судьбами религиозного духа». Эти слова Василий Павлович Zubov говорит о философии позднего Шеллинга и Баадера в связи с Гёте и его фи- зикой. И делает вывод: «Мечта Гёте о воссоединении поэзии и науки возвра- щается здесь в еще более широких и грандиозных очертаниях». Эта же мечта в форме стремления к обозначенной в ней цели так или иначе вела мои ин- теллектуальные поиски во всех книгах, начиная с «Генезиса и структуры ква- литативизма Аристотеля». Сейчас же она привела меня к тому, что я называю экзистенциальной философией культуры, подступы к которой слегка при- открыты в недавно изданной книге о философии Габриэля Марселя.

«Явления ничего не стоят, – цитирует Зубов Гёте, – если они не дают нам более глубокого и богатого воззрения на природу». Если в природе мы открываем не столько лежащие на одной ценностно-духовной высоте явления, которыми овладеваем с практическими целями, сколько работу самовозрастающего духа, то такой вроде бы натуралистический эмпиризм оказывается уже, по сути дела, «высшим эмпиризмом». На этот термин Шеллинга обратил свое внимание Габриэль Марсель, почувствовав в стоящем за ним понятии внутренне близкое ему содержание. Опыт опыту рознь. Сфера опыта не просто динамична. Нет, она еще наделена и ценностной в онтологическом смысле иерархией. Тимирязев, говорит Зубов, *дарвинизирует* гетевскую метаморфозу, размещая ее исключительно в плоскости физического времени. Действительно, Гёте, уточняет Зубов, *«постоянно берет метаморфозу то в смысле метаморфозы во времени, то в смысле идеальной сверхвременной метаморфозы»*. Дарвинизация Гёте означает элиминацию духовной, или, в данном случае, идеальной связи биологических видов. В своей интуиции прафеномена Гёте вступает *«в область „Erfahrungen der höheren Art“*». Эти «опыты высшего рода» и образуют то, что Шеллинг называл «высшим эмпиризмом» и что подхватил Марсель, вступив в резонанс здесь и с Гёте, и с Шеллингом на своей волне, на волне метафизики высших позитивных состояний человека, раскрывающихся в его «касаниях мирам иным». Поэтому и здесь Василий Павлович Зубов нашел в безмерно богатом явлении Гёте такие черты его мысли, которые в качестве идейного стимула вели меня в моих философских занятиях и в недавние годы. В ходе них ясно обнаружилось, что прежде всего художественное начало внутри научно-философской мысли сообщает ей долговечность и продуктивность.

В связи с данным утверждением, которым я хочу завершить этот автобиографический опыт, приведу одно место из Гёте. Однажды, гуляя с Эккерманом, Гёте заметил, что «немцам <...> мешают философские умозрения, которые часто придают их стилю отвлеченный, нереальный, расплывчатый и напыщенный характер»⁵. Василий Павлович Зубов прошел школу немецкой философии, но достаточно рано дистанцировался от ее стилистики, что видно по его окрашенному мягкой иронией замечанию о «философических рацеях», ожидавших его на заседаниях ГАХН. Гораздо жестче высказывается Ренан. В своем отзыве об «Интимном дневнике» Амиеля, швейцарского профессора, воспитанного в Берлине на немецком идеализме, он радикализирует суждение Гёте: «Гегелевская школа, – говорит Ренан, – научила его (то есть Амиеля – В. В.) сложным приемам мышления и тем самым сделала неспособным писать»⁶. Сказано, быть может, не только слишком резко, но и несправедливо. Но все же,

⁵ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте. М.-Л., 1934. С. 232–233.

⁶ Renan E. Feuilles détachées. Paris, 1892. P. 364.

что прежде всего имеет в виду Ренан? «Все становится для Амиеля, – развивает он свою мысль, – материалом для теоретической системы. Встретив, например, красивую женщину, он весь день проводит в построении теории кокетства и неудобств, связанных с красотой». В конце концов, гетевскому критерию правильно проживаемой жизни Амиель, по мнению французского ученого, не удовлетворяет – его жизнь, замечает Ренан, поражена «стерильностью». Скорректируем жесткость ренановского высказывания, приняв во внимание его идейное, мягко говоря, недопонимание философского значения Гегеля. Позитивистическая рациональность французского ученого не приемлет не только свойственного немецкой традиции априоризма мысли, но и ее спекулятивной, если угодно, мистической глубины: «Есть в Гегеле что-то от Раймонда Луллия», – замечает Ренан. Но нам важно другое – как связана продуктивность наших интеллектуальных деяний со стилем их воплощения? Лишь хорошо промешанный материал мысли позволяет произвести ее в ясных, способных ее передавать в будущее формах. Гёте и Василий Павлович Зубов остаются здесь надежными маяками.

К 60-летию А.Л. Доброхотова

А.Л. Доброхотов

Немецкая классическая эстетика в «Диалектике художественной формы» А.Ф. Лосева⁷

Прочтение наследия Алексея Федоровича Лосева сейчас вступает в новую стадию. Причина этому – появление новых, выявленных историками и философами контекстов. Один из таких контекстов – это ГАХН (Государственная Академия художественных наук): выдающийся научный проект 1920-х годов, который только в последнее время стал предметом систематического изучения гуманитарными науками. А.Ф. Лосев был в числе самых активных деятелей Академии, и это побуждает взглянуть на его творчество с учетом проблем и дискуссий ГАХН. В первую очередь речь должна идти о «Диалектике художественной формы»⁸, напрямую связанной с программами Академии. «Диалектике художественной формы» не повезло по сравнению с другими книгами конца 1920-х годов, и вполне понятно, почему ее прочтение оказалось слишком узко фокусированным на вопросах эстетики. Во-первых, если речь вести о диалектике, которая представлена в первой части, то есть тексты 1920-х,

⁷ Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0012 «Классики Запада и новаторы ГАХНа» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

⁸ Ссылки на работу даются по: Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995.

где она представлена более развернуто, в более проработанном виде. Второе обстоятельство: книга состоит из двух почти равных частей, и вторая – это *Примечания*, которые обращены к специалистам и рядовому читателю скучны без того, чтобы понять, зачем они нужны, и тем более – без того, чтобы понять идущий там напряженный внутренний диалог. Попробуем понять, зачем Лосеву понадобился такой въедливый анализ немецкой эстетики конца XVIII – начала XIX века.

Лосев пришел в ГАХН со сложившейся к тому времени тематикой: с эстетической ветвью своей версии диалектического мышления, которое было нацелено на синтез православия с платонизмом и немецкой трансцендентальной философией. Этот вариант сложной диалектической системы с латентным православным слоем и очевидным греко-немецким, в принципе, неплохо поддавался адаптации и к требованиям властвующей идеологии. Одной из задач ГАХН было исследование истории эстетических учений, второй важной задачей было создание терминологической системы, третья задача – это создание философии искусства. К этим задачам и подключился Лосев: особенно к созданию терминологического аппарата и истории эстетических учений. Его главный вклад в этом отношении – «Диалектика художественной формы», построенная весьма непросто, с определенной авторской тактикой. Главный блок – это здание диалектических категорий, к которым «прицеплено» огромное приложение. У Лосева здесь – при всей гегелевско-прокловской основе – все же особая версия диалектики: триада, которая выходит из себя и четвертым элементом полагает инобытийное существование, существование в «ином». Для эстетики это очень важно, потому что вся логика первых трех элементов рассматривается в ее сочетании с проблемой воплощения. Но *Примечания* – это и есть самое интересное, потому что там дана сжатая история западной эстетической мысли от греков до XIX века, и в первую очередь это неоплатонизм, первая вершина, и немецкая классика – вершина вторая и последняя.

Примечания в основном посвящены анализу темы «Диалектика в немецкой эстетике конца XVIII века». (Сюжет исследования в целом соответствует двум докладам Лосева, сделанным на эту тему на заседании секции ГАХН 15 и 29 октября 1925 г.) Для Лосева немецкая эстетическая классика была одним огромным историческим аргументом в пользу его учения об искусстве как об «энергийно-символическом лике». Приоритетом было именно построение диалектического универсума с тотальными связями на всех уровнях. Поэтому Лосев не боится «отформатировать» картину этой идейной эпохи в свете своих задач. Протокол ГАХН от 29 октября фиксирует, что Лосев, по словам его ответа оппонентам, «определяет основную задачу своего доклада не как характеристику индивидуальных особенностей отдельных течений XVIII в., а как освещение этих течений с точки зрения того, какой материал

они дают для выработки диалектических схем». Такой категоричный подход к историческому материалу вряд ли можно было бы одобрить, если не учитывать, что эмпирическая корректность, к которой призывал, в частности, В.П. Зубов, требует смены методологической установки, а в чем-то даже блокирует инструментальное использование классики для решения задач ГАХН. Лосев сознательно идет на эту рискованную стилизацию материала, выигрывая тем самым некую историко-философскую «территорию» для собственных построений. Естественно, что с некоторыми гахновцами на этой почве возникает идейное напряжение, если не конфликт. Мы видим, что к 1925 г. у Лосева уже была сложившаяся концепция того, что такое искусство в целом и его жанровые вариации. Она была воздвигнута на естественной для Лосева христианско-платонической основе с использованием некоторых аспектов феноменологии. Но остальные гахновцы, включая Шпета, находились в трудных поисках. Неизбежно при этом определенное различие умственной настройки между ищущими исследователями и ученым, который предлагает оформленную концепцию. Знакомство с лосевской – уже готовой – мифологизированной теорией искусства вызывает у коллег определенный протест и иногда – резонную критику.

В *Примечаниях* (которые с 55-го примечания и до конца представляют собой достаточно цельный очерк интересующей автора эпохи) Лосев остается на позициях, подвергнутых критике коллегами по ГАХН. Однако развернутые формулировки позволяют лучше понять логику его интерпретации. Важна и композиция, которая, как ни странно, не слишком зависит от референтных текстов теоретической части книги. Она такова: после общего очерка Лосев возвращается к специальному рассмотрению «Идей» Фр. Шлегеля и «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга как трудов, собравших «разрозненные диалектические тенденции конца XVIII века»; затем анализирует новое отношение к античности, рожденное данным десятилетием, и обстоятельно воспроизводит концепции трех немецких исследователей⁹, в которых находит опору для своих выводов; далее – выстраивает концепт «расхождение романтической и классической эстетики» и дает краткую характеристику «Философии искусства» Шеллинга, с которой начинается, по Лосеву, новая эпоха «диалектики искусства» Нового времени. Начиная с 56-го примечания и до конца Лосев рассматривает идеи этой эпохи относительно классификации искусства и ключевых философско-эстетических понятий (схема, аллегория, символ, возвышенное, фантазия, ирония, комическое, наивное, трагическое, юмор, стиль, композиционные формы). Выделяются концентриро-

⁹ 1) Strich Fr. Deutsche Klassik und Romantik. München, 1922; 2) Horwitz H. Das Ichproblem der Romantik. München; Leipzig u. Lpz., 1916; 3) Deutschbein M. Das Wesen des Romantischen. Cöthen, 1921.

ванный текст о музыке как искусстве (примечание 56) и анализ мыслей Гегеля о романтической художественной форме (примечание 61). Композиционная структура *Примечаний* при внешней хаотичности внутренне устроена как троекратное возвращение к Шеллингу, идейным развитием которого проверяется диалектическая схема Лосева, и двукратным возвращением к теме синтеза античной и немецкой диалектики, который видится Лосеву главным итогом эпохи.

Содержательно *Примечания* разворачивают схему докладов 1925 г. так, чтобы исторически обосновать собственную лосевскую диалектику художественной формы. Точкой отсчета Лосев избирает философию Канта как попытку видеть вещи в разуме и попытку выведения трансцендентальной необходимости и самостоятельности искусства, но при этом утверждает, что в своем субъективизме и борьбе с интуитивизмом Кант «шел мимо эстетики 90-х гг.». В веймарском классицизме Лосев выделяет две составляющие: «Гёте Шиллеровский платонизм с кантианскими привнесениями» и «Гетевский мистический спинозизм». Заметно особое внимание Лосева к теории игры у Шиллера. Он сам для гахновского «Словаря художественных терминов» написал небольшую, но содержательную статью «Игра» и в книге, о которой ведется речь, наметил контуры своей версии теории искусства как игры, связанной с концепцией «исчезающего автора»: художественная форма как смысл в инобытии воспроизводит себя, играет с элементами произведения. Высший уровень игры при этом достигается, когда первообраз играет с теми своими вариациями, которые не могут стать настоящим первообразом, но существуют в его поле и воспроизводят его в бесконечной игре. Генезис взглядов Фридриха Шлегеля описывается Лосевым как путь от шиллеровского классицизма через Канта к мистическому антиномизму. Особая роль уделяется Фихте как первому «подлинному» диалектику, открывшему путь «универсалистско-антиномическому» мироощущению. В постфихтевской эпохе Лосев выделяет три тенденции: 1) эволюцию Шеллинга от «физицизма к идеализму»; 2) мистику природы и духа у Новалиса, Тика и Вакенродера; 3) философию религии Шлейермахера (каковая по сути остается нераскрытой и в тексте, и в докладах). Все три потока, по Лосеву, сливаются в 1800 г. в шеллинговской «Системе трансцендентального идеализма», которая завершила развитие всей диалектики 1890-х годов. Здесь, по выражению Лосева, «корень уже превратился в растение». Сердцевиной очерка является сопоставление классического и романтического как типов мировоззрения: «[Романтизм] это – субъективистически-индивидуалистическая, потенциальная бесконечность пантеизма. Классицизм же есть соборно-космическая, актуальная бесконечность идеи. Таким образом, романтическое и классическое мироощущение, искусство, философия, романтическая и классическая эстетика противоположны друг другу до полной полярно-

сти»¹⁰. Лосеву эта полярность нужна для того, чтобы заложить исторический фундамент своей теоретической конструкции: «...насколько яркой представляется мне противоположность этих типов с точки зрения опытно-мифологической, настолько категорически выставляю я тезис о существенном тождестве конструктивно-логической системы, этих двух опытов и двух мифологий»¹¹. Вот почему диалектика первой части книги, представляющей собой собственную лосевскую игру на темы, заданные очерком, искусно замаскированным под *Примечания*, не может быть понята без схем Фихте, Шеллинга и Гегеля, реактивированных Лосевым и полемически обращенных против «духа времени».

¹⁰ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 251.

¹¹ Там же. С. 252.

Наши публикации

Л.И. Сараскина

«КТО СЕЙ КРАСАВЕЦ?» (Ф.М. Достоевский и А.Л. Блок: к проблеме демонизма)

Связи Достоевского с культурой и литературой Серебряного века – тема обширная и богатая. Здесь речь пойдет о контактах Достоевского с людьми Серебряного века, ибо между двумя эпохами, хоть их и разделила бездна, не было непроходимого барьера, а существовала прочная цепочка человеческих отношений.

Автор воспоминаний об Александре Блоке – Мария Андреевна Бекетова (1862–1938), родная тетья поэта со стороны матери и первый его биограф, писала о его отце, Александре Львовиче Блоке: «Когда семья Блоков переселилась в Петербург, Александр Львович поступил на юридический факультет Петербургского университета и был одним из выдающихся учеников покойного профессора А.Д. Градовского (того самого, с которым резко полемизировал Достоевский в «Дневнике писателя». – Л.С.). Все это происходило в 70-е годы прошлого столетия, когда в Петербурге блистала известная общественная деятельница, красавица Анна Павловна Философова»¹.

Сын Анны Павловны, Дмитрий Владимирович Философов (рожденный в 1872 г.), мальчиком видел Достоевского в доме своих родителей. По воспоминаниям внучки Анны Павловны, Достоевский очень любил поговорить с детьми хозяйки салона и сразу располагал их к себе, в играх с ним они совершенно забывали разницу между ними — так он умел войти в их интересы. Дмитрий Философов станет редактором журнала «Мир искусства», с которого и начался Серебряный век русской культуры; его кузеном был Сергей Дягилев (А.П. Философова была урожденная Дягилева); он вошел в знаменитый триумвират, став членом «домашней церкви» Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, а потом сблизился с Борисом Савинковым и Юзефом Пилсудским в Польше. Достоевский и Серебряный век стоят так близко, как мы, может быть, сейчас уже перестали ощущать.

Но цитирую далее воспоминания М.А. Бекетовой: «На вечерах А.П. Философовой бывал и Александр Львович Блок. Там он встречался с Достоевским, которого поразила наружность молодого человека. Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить его в одном из своих романов в качестве главного действующего лица»².

¹ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 28.

² Там же. С. 29.

В поэме «Возмездие» Александр Блок даст подробный портрет салона Философовой.

На вечерах у Анны Вревской
 Был общества отборный цвет.
 Больной и грустный Достоевский
 Ходил сюда на склоне лет
 Суровой жизни скрасить бремя...
 С простертой дланью вдохновенно
 Полонский здесь читал стихи.
 Какой-то экс-министр смиренно
 Здесь исповедывал грехи.
 И ректор университета
 Бывал ботаник здесь Бекетов,
 И многие профессора,
 И слуги кисти и пера,
 И также – слуги царской власти,
 И недруги ее отчасти,
 Ну, словом, можно встретить здесь
 Различных состояний смесь³.

Достоевский познакомился с Философовой на одном из литературных вечеров в конце 1871/1872 года. Важно понимать, какую роль он играл в ее доме. Анна Павловна Философова, одна из учредительниц Высших женских курсов, супруга главного военного прокурора (отец которого, кстати, был одним из прототипов Ф.П. Карамазова, как это показал М.С. Альтман⁴), называла писателя своим нравственным духовником. «Я ему всё говорила, все тайны сердечные ему поверяла, и в самые трудные жизненные минуты он меня успокаивал и направлял на путь истинный. Я часто неприлично себя с ним вела! Кричала на него и спорила с неприличным жаром, а он, голубчик, терпеливо сносил мои выходки!»⁵

Достоевский и в самом деле был снисходителен к обворожительной красавице, одной из первых в Петербурге (в 1877 г. ей было около сорока), ценя в ней «умное сердце», беззаветную доброту и талант каким-то восьмым чувством притягивать доверие людей. Именно в ее доме сообщит Ф.М. о том эпизоде своего детства, когда какой-то пьяный мерзавец совершил страшный грех – изнасиловал 9-летнюю девочку, и та умерла, истекая кровью... Этот эпизод, рассказанный Достоевским в салоне матери, запомнит ее старший сын, Владимир Владимирович Философов; в 1878 г. ему было уже 20 лет, и он был очевидцем рассказа. Анна Павловна придет к Достоевским в день смерти

³ Цитаты из поэмы А.А. Блока «Возмездие» приводятся по: Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 298–299.

⁴ Альтман М.С. Еще об одном прототипе Федора Павловича Карамазова // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 301–344.

⁵ Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 258–259.

их маленького сына Алеши и вместе с родителями будет оплакивать ребенка, погибшего от первого же приступа унаследованной отцовской эпилепсии.

В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал
(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех — не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором, —
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она действительно слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе — добрая была.
Кто с Анной Павловной был связан, —
Всяк помянет ее добром...

Легко можно установить годы, когда Достоевский и Александр Львович Блок могли встретиться в салоне Анны Павловны.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.

Непринужденный гость – 26-летний юрист Александр Львович Блок, блестяще талантливый, одаренный острым, скептическим умом, великолепный музыкант, с красивым, гордым, сумрачным, тонким лицом. Это 1877–1878 годы.

Итак, Достоевский, однажды будучи в доме Философовой, заметил, как в гостиной мимо него прошел незнакомец.

«Кто сей красавец? – он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской. –
Похож на Байрона».

Это всё, что сказал Достоевский об А.Л. Блоке, но это было услышано всем кружком Философовой и осталось в памяти семейства. И действительно: запись семейного предания звучит у Блока так: «Достоевский, увидев А.Л. Блока на вечере у А.П. Философовой: “Кто этот красавец? – Похож на демона”»⁶.

⁶ Александров А.А. Блок в Петербурге — Петрограде. Л., 1987. С. 11.

В высшей степени показательно, что слова «похож на Байрона» были поставлены рядом со словами «похож на демона». На языке Достоевского такая оценка значила слишком много. Слишком большие смыслы стояли за этими символами, ведь Достоевский сам однажды подпал под власть демонической личности, вернее, личности, о которой он думал, что она демоническая. Я имею в виду историю отношений писателя с членом кружка Петрашевского Н.А. Спешневым, которого писатель в молодости называл «мой Мефистофель», а спустя двадцать лет воспользовался внешностью Николая Александровича для создания образа Николая Ставрогина, «обворожительного демона» «безмерной высоты». «Я из сердца взял его?» – признавался Достоевский своему издателю М.Н. Каткову, не скрывая, что обворожительный демон – мрачный злодей.

Приведу только один пример отношения Достоевского к мужскому демоническому комплексу. В 1863 г. он узнаёт, что его подруга, Аполлинурия Сулова, связь с которой длится уже несколько лет, изменила ему и что в Париже, где она дожидается его, чтобы ехать вместе в путешествие по Италии, у нее появился другой возлюбленный, о чем она сама и сознается писателю, приговаривая: «Ты едешь немножко поздно»⁸. Достоевский спрашивает ее: «Может быть, он красавец, молод, говорун. Но никогда ты не найдешь другого сердца, как мое...»⁹ И Сулова записывает в дневник: «Когда я сказала ему, что — это за человек, он сказал, что в эту минуту испытал гадкое чувство: что ему стало легче, что это несерьезный человек, не Лермонтов»¹⁰. Будь новый возлюбленный Суловой похож на Лермонтова, Байрона или демона, Достоевский, наоборот, реагировал бы иначе и, быть может, не просил бы ее поехать с ним в путешествие в качестве «друга и брата». Ибо «не Лермонтов» на языке Достоевского в данном контексте означало только одно: хорошо, что «не Байрон, не демон».

Следует заметить, что Достоевский не назвал А.Л. Блока прямо демоном, он назвал его *похожим на демона*. В высшей степени авторитетное слово Достоевского, создателя Ставрогина, сыграло свою роковую роль.

Словцо
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно – столь упрямый;
«Красив, умен» – твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,

⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 29, кн. 1. 1986. С. 142.

⁸ Сулова А.П. Годы близости с Достоевским. Дневник — повесть — письма. М., 1928. С. 47.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 52.

Должно быть, зависть их берет...
 А чувств прекрасной половины
 Никто, сам черт, не разберет...
 И дамы были в восхищеньи:
 «Он – Байрон, значит – демон...» – Что ж?

Повторю фрагмент воспоминаний М.А. Бекетовой: «Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить молодого красавца в одном из своих романов в качестве главного действующего лица».

О каком романе могла идти речь? Уже были написаны «Бесы», уже существовал «Подросток», и впереди у Достоевского был только роман «Братья Карамазовы», с героями, лишенными байронического демонского очарования. Выразительно написал об этом Н. Лосский: «Начав с люциферовского титанизма, Ставрогин закончил свою жизнь аримановским беспросветным мраком; освобождения от него он мог достигнуть только путем смерти. Иван Федорович Карамазов был тоже человек гордый, сильный и духовно одаренный, но гордость его глубоко отлична от ставрогинской и весь тон его жизни иной»¹¹.

Можно думать, что, вдохновленный крылатыми словами Достоевского об А.Л. Блоке и семейным преданием о намерении писателя сделать красавца-правоведа главным героем своего романа, Блок-сын, не обнаружив такого романа и такого героя у позднего Достоевского, сам написал роман в стихах, поэму «Возмездие», в центре которой изображен его отец, едва не погубивший свою молодую жену, то есть мать поэта.

В «Предисловии» к поэме, разъясняя свой замысел, Блок пишет: «Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народофильского движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий “демон”, первая ласточка “индивидуализма”, человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся fin de siècle. Вторая глава... должна была быть посвящена сыну этого “демона”, наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, – бесчувственному сыну нашего века... В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим “демоном”, в какую бездну упал этот яркий когда-то человек»¹².

Очевидно: кавычки при слове *демон*, которые трижды ставит Блок, – это не кавычки от Блока, это не демон в кавычках, это закавыченный Достоевский, то есть цитата из семейного предания, которому Блок-сын, кажется, доверяет абсолютно.

Поэт разворачивает предложенное Достоевским беглое, но снайперски угаданное сравнение:

¹¹ Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 249.

¹² Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. С. 298–299.

На Байрона он походил,
 Как брат болезненный на брата
 Здорового порой похож:
 Тот самый отсвет красноватый,
 И выраженье власти то ж,
 И то же порыванье к бездне.
 Но – тайно околдован дух
 Усталым холодом болезни,
 И пламень действенный потух,
 И воли бешеной усилья
 Отягчены сознанием.

Так
 Вращает хищник мутный зрак,
 Больные расправляя крылья.

В сущности, Блок, идя вслед за Достоевским, повторяет, имея в виду реального конкретного человека: это был если и Байрон, то сниженный, если и демон, то болезненный, ущербный, потухший, скованный холодом, околдованный тайной болезнью. Замечу, что Ставрогин говорит о себе еще беспощаднее: «Какой мой демон! Это просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся»¹³.

В поэме подробно показана картина пагубного сближения с человеком, похожим на демона, и все драматические последствия такого увлечения.

«Как интересен, как умен», –
 За общим хором повторяет
 Меньшая дочь. И уступает
 Отец. И в дом к ним приглашен
 Наш новоявленный Байрон.
 И приглашенье принимает.

Очевидно, что репутацией человека, похожего Байрона или на демона, репутацией, которая околдовала юную Алю Бекетову, младшую из трех сестер Бекетовых, повторявшую вслед за общим хором байронические и демонские характеристики Блока-старшего, он был обязан именно Достоевскому.

И теперь А.Л. Блок, демон назначенный, должен хотя бы на короткое время оправдать свою репутацию.

В семействе принят, как родной
 Красивый юноша.
 Его блестящему уму
 Противоречия прощали,
 Противоречий этих тьму
 По доброте не замечали,
 Их затмевал таланта блеск,
 В глазах какое-то горенье...

¹³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. 1974. С. 231.

(Ты слышишь сбитых крыльев треск? –
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Наступает этап любовного обольщения, которое вскоре превращает влюбленную в него девушку в рабу.

Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...).
Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом –
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он – жизнь, он – счастье, он – стихия,
Она нашла героя в нем, –
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она – почти сошла с ума...
А он?

А он, околдовав влюбленную в него женщину, немедленно охладевает к ней, ждет и медлит, мучает, пугает, терзает невинную и беззащитную жертву, которая вся в его власти.

Но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То – ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То – муку жизни одинокой
Предугадала голова...

Но ТАК ведет себя красавец, похожий на демона. А вот как должен вести себя истинный демон:

(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас – большим крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса – безумной,
Дрожащей жертвы...) – Вот – любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Замечу: Александр Львович, имея неполный демонический чин, был заложником своей похожести на демона. Оставаясь человеком, да еще социальным зависимым, он не мог так легко отказаться от женитьбы на дочери ректора университета, женихом которой его считает и семья Бекетовых, и все общество:

И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя – смешно...
Он много знал – себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) – бараньим стадом...

Итак, Александр Львович Блок произвел неотразимое впечатление на 18-летнюю Алю Бекетову и хотя, по версии поэмы, уже чувствовал охлаждение, вскоре посватался к ней. Всеобщая любимица трепетно ждала этого предложения и радостно согласилась. Обвенчавшись, молодые уехали в Варшаву, где дипломированный правовец получил кафедру в университете. Казалось, их ждет счастье: красивая молодая пара, блестящая ученая карьера Александра Львовича...

Однако –
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал среди этой мглы;
Связал ее с своей судьбой
И в даль ее увез с собой,
Уже питая в сердце скуку, –
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды.

Все обернулось драмой. Варшава оказалась кантоном Ури, куда демон уволок влюбленную в него женщину: Аля испытала судьбу Дарьи Шатовой, если бы та поехала со Ставрогиным в его ущелье. Демон бы непременно погубил Дашу, а похожий на демона Александр Львович только измучил и истерзал жену.

Он оказался психически неуравновешенным, деспотичным, болезненно скупым человеком, одержимым приступами безумной ревности и бешеного раздражения. За всякое несогласие во мнениях, недостаточное понимание музыки Шумана, за плохо переписанную страницу его диссертации он избивал жену, по скупости своей морил ее голодом. Хрупкая, нервная Аля не вынесла истязаний и решила расстаться с мужем. Когда она вернулась в Петербург к родителям, те увидели перед собой молчаливую, забитую женщину.

Вопреки воле мужа она осталась с родными. Здесь, в «ректорском доме», в ноябре 1880 года родился ее сын Александр, названный так же, как и оба родителя. Вскоре Александра Андреевна подала на развод, а Александр Львович продолжал жить в Варшаве. Там от него сбежали еще две жены (рассказывали, что в обращении с ними Блок перешел от кулаков к ножу).

«Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна, – напишет сын в своей автобиографии. – За всю жизнь свою он напечатал лишь две небольшие книги и последние двадцать лет трудился над сочинением, посвященным классификации наук. Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, – отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно»¹⁴.

Итак, летучие слова Достоевского, сказанные на одном из вечеров у А.П. Философовой по случаю беглого впечатления от внешности неизвестного для него гостя, услышанные хозяйкой салона, куда ходил цвет Петербурга конца 1870-х, стали крылатыми и, быть может, спровоцировали множество событий. Во-первых, в эти слова, под влиянием салона, куда вывозили трех сестер Бекетовых, как в окончательную истину, уверовала 18-летняя Аля, а за ней – вся ее семья: байронический элемент имел неотразимое влияние на молодых девиц и даже на взрослых дам. Красота Александра Львовича, его ум, его невероятная музыкальность, в частности, привычка играть на фортепьяно по ночам внушали восторг и преклонение. Мать девушки, дама тоже чрезвычайно музыкальная, убеждала дочь не отталкивать необыкновенного человека. В глазах отца, выдающегося биолога, ректора университета Андрея Николаевича Бекетова А.Л. Блок, одаренный правовед, был приемлемой партией для Али.

Во-вторых, А.Л.Блок, имея репутацию Байрона и демона, доставшуюся ему от самого Достоевского, безусловного знатока мужского демонизма (А.Л. и всё его окружение как-то пропустили мимо ушей сакраментальное

¹⁴ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 12.

слово «похож», равное дьявольскому «почти»), уверовал в свою репутацию сам и старался ее поддерживать, пока нужно было завоевать женщину. Он, повторяю, стал заложником этой репутации и, как показал автор «Возмездия», вынужден был идти до конца, хотя уже охладел к обожающей его девушке. Рождение сына, которого отец почти не знал и, кажется, не любил, судьбой его интересовался мало и лишь исправно высылал ему по пятьдесят рублей в месяц, ничего не изменило в нем. Когда сын стал печататься, отец прислал ему раздраженное письмо с требованием взять псевдоним: дескать, не могут серьезные труды по правоведению и какие-то стишки быть подписаны одинаково – А. Блок.

В-третьих, слова Достоевского вошли в семейное предание, дошли до поэта, заставив его посмотреть на своего отца под углом зрения великого писателя. Создавая поэму «Возмездие», поэт вывел своего отца в качестве главного героя, выполнив как бы за Достоевского его обещание, которое тоже стало частью семейного предания.

Влюбленность Али Бекетовой в молодого красавца-ученого, ее неудачное замужество, окончившееся бегством от мужа-деспота и скупца, рождение от брака с псевдо-Байроном (или псевдо-Демоном) сына, который будет расти без отца, но многое позаимствует у него (по словам его матери, в последние годы жизни Александр Александрович все больше становился похож на отца, и не только внешне – у него случались такие же приступы гнева с битьем посуды и мебели...), у истоков всего этого, фигурально выражаясь, стоял Достоевский, слова которого «Кто сей красавец?» – прозвучали как приговор.

В мистическом смысле поэт Александр Блок своим рождением от этого отца, с которым встречался случайно, кто навевал на мальчика тоску и злые мысли, которого он любил первый и последний раз, когда тот лежал в гробу в Варшаве, обязан был брошенному вскользь вопросу Достоевского: «Кто сей красавец?» Спустя четверть века от красоты отца мало что осталось – красавец превратился в потрепанного, обветшалого сумасшедшего, который жил в грязной нетопленной берлоге, где скапливался весь мусор его жизни.

Но сыну за всем этим мерещилось не банальное сумасшествие, не вульгарное распадение личности, не психиатрическая клиника, а именно то, что увидел в молодом красавце Блоке-старшем Достоевский и что сын этого красавца пытался разглядеть за убогим фасадом жизни угасшего отца.

Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души – какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...

И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах –
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его – уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...

Слишком заманчивым оказалось семейное предание; слишком трудно было отказаться от образа, подсказанного Достоевским. Не случайно так страстно писал Блок о авторе «Бесов», видя в нем самом слепого могучего демона, который привел русскую литературу и русскую жизнь туда, где она оказалась. Цитирую статью «Безвременье» (1906), написанную задолго до «Возмездия»: «Передо мной вырастают два демона, ведущие под руки третьего – слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это – Лермонтов, Гоголь и Достоевский. Он (Достоевский) был послан в мир на страдание и воплотился. Он мечтал о Боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей. Он верил и ждал, чтобы рассвело. И вот перед героем его, перед ему подобными, действительно рассвело, на повороте темной лестницы, в глубине каменных ворот самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия: лицо Парфена Рогожина. Это был миг ослепительного счастья. И в тот же миг все исчезло, крутятся как смерч. Пришла падучая... Он очертя голову бросается в туман, летит и падает в падучей; он носит в душе вечную тревогу, надрыв, подступает вплотную к мечте... Достоевскому снится вечная гармония; проснувшись, он не обретает ее, горит и сгорает...»¹⁵

Это была пристрастнейшая оценка, в которой звучало так много личного, болезненного...

В заключение воспользуюсь мыслью А.Ф. Лосева из его книги о Вл. Соловьеве, – мыслью, описывающей сложные отношения между Розановым, Леонтьевым и Соловьевым¹⁶, и скажу, что сюжет «Кто сей красавец?» далеко выходит за академические рамки, ибо сопровождается такими событиями и переживаниями, которые скорее являются материалом для художественной и мистической беллетристики, чем для спокойного академического исследования.

Потому Блок и написал поэму, а не документальную биографию своего отца.

¹⁵ Золотое руно. 1906. № 11–12.

¹⁶ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 526.

Т.А. Касаткина

Выстрел в Христа у Достоевского и Блока: как возрождается надежда

Выстрел в Христа у Блока в финале поэмы «Двенадцать» имеет в русской литературе свой прецедентный текст. Это выстрел в Христа у Достоевского в главе «Влас» «Дневника писателя 1873 года».

Оба текста просто на удивление похожи и тематически, и структурно. И в том, и в другом тексте выстрел в Христа производится на фоне «кутежа», безудержа народа, освобожденного и пробующего на вкус обретенную свободу. И в том, и в другом тексте Христос сталкивается с разгулом народной «дерзости». Деревенские парни у Достоевского так и спорят – о том, «кто кого дерзостнее сделает» (21, 34). Красноармейцы стреляют в Христа, не видя, в Кого стреляют, но вполне закономерно подведенные к этому выстрелу «программным» заявлением: «Пальнем-ка пулей в святую Русь». Парень у Достоевского не знает, чего от него потребует его сообщник, но весь ход событий с говением и выносом причастия из храма показывает ему, в каком направлении движется, нарастая, их общая «дерзость». Достоевский только доводит свой текст чуть дальше, чем Блок – свой, показывая в конце концов стрелку его настоящую мишень. И показывая затем читателю, что происходит с решившимся «на все» человеком, опознавшим вдруг истинный объект своего «дерзновения».

Имея в «подкладке» своего произведения подобный прецедентный текст, Блок вполне мог остановиться там, где он остановился, и не предсказывать то, что произойдет, спустя «дни и ночи», спустя версты и годы пурги, слепящей глаза стрелков. Потому что недоговоренность текста, написанного «на фоне» другого текста, является не недоговоренностью, а отсылкой. И отсылкой к писателю, который стал, очевидно и безусловно, на рубеже XIX–XX веков «общим фондом» русской культуры.

Полагаю, растерянность Блока по поводу реакции современников на поэму была вызвана еще и этим неопознаванием ими того знания, которое всеми в тот момент предполагалось общим для поколения и культуры в целом.

Блоковский текст не был понят большинством читателей (и современников и потомков) потому, что не воспринимался на фоне своего прецедентного текста. Однако анализ как раз этого прецедентного текста был сделан Андреем Белым в докладе и затем статье «Трагедия творчества. Толстой и Достоевский», хорошо известных Блоку¹. Так что мы имеем еще одно доказательство того, что перед нами два соотносительных и соотнесенных текста:

¹ Блок присутствовал на докладе Белого о Достоевском в Москве в ноябре 1910 (см.: Лайман Аврил. Ангел и камень. Жизнь Александра Блока: в 2 кн. М.: Наука, 2005. Кн. 2. С. 86).

Белый написал своего рода текст-посредник, текст-медиатор, дал третью рифму в этой исторической поэме, уничтожив тем самым всякую возможность предположения о «бессознательности» блоковского письма «на фоне» Достоевского.

Просто необходимо привести здесь отрывок из текста Андрея Белого. Напомнив о пророчестве, данном в «Бесах» некоей старицей, о том, что если землю напоить слезами своими на пол-аршина в глубину, то тотчас возрадуешься и никакой уже горести более не увидишь, Белый продолжает: «Странное пророчество: оно откликается в поучении святильника России – старца Зосимы; Зосима учит любить землю; оно откликается и в Евангелии: “Ныне вы не увидите Меня, и потом вскоре увидите Меня, и радости вашей никто не отнимет от вас...” И герои Достоевского, как и сам Достоевский, будто не видят Его; но и они, и Достоевский, сквозь терпение, безумие и бред земной юдоли помнят, что снова увидят Его, что радости их никто не отнимет от них; в терзании, бреде, пороке и преступлении таится радость; сумасшествие, бред, эпилепсия, убийство – все это для Достоевского коренится в душе русского **богоносца** – народа: все это – расстреливание причастия, весь этот призыв броситься в бездну “вверх пятами” – есть тайная надежда Достоевского, что в минуту последних кощунств над мытарями, блудницами и разбойниками поднимется образ Того, Кто сказал: “Радости вашей никто не отнимет от вас”. В последнюю минуту встанет над бездной образ Того, Кто ходил по водам, руку протянет – и мы, если не усомнимся, – и мы вместе с Ним пойдем по водам бездны»².

Я бы назвала этот текст «Двенадцатью» до «Двенадцати».

Но Белый продолжает – и чем дальше, тем больше возникает ощущение, что он говорит о поэме Блока – за семь лет до ее создания.

«Но какой ценой достигается для Достоевского приближение к Дальнему? Согласимся ли мы, любящие Достоевского психолога-реалиста и вместе с тем более всего любящие покой и благочиние, чтобы последняя суть нашей жизни и жизни народа была достигнута теми средствами, которые оправдывает Достоевский: средства эти – **бесчиние**, бунт надежды против всех устоев нашего строя, морали, честности; захотим ли мы смирения, достигнутого путем преступления, святости – путем греха, будущности России – путем превращения ее в многомиллионный хаос эпилептиков, идиотов, пророчествующих монахов и сладострастников. А ведь несомненно: для Достоевского дорога к последней святости лежит через землю **последнего дерзновения**. И потому-то “дорога большая, прямая, светлая, хрустальная”, о которой думает Алеша, засыпая под монотонное чтение Паисия над гробом старца – дорога России – для Достоев-

² *Белый Андрей*. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990. С. 152. Курсив в цитатах здесь и далее мой, выделения жирным шрифтом принадлежат цитируемому автору.

ского есть дорога над бездной; сколько же нужно избытка жизни, надежды, веры, чтобы видеть солнце, сверкающее посреди ее, то есть – посреди безумия, пророчества, эпилепсии, блуда видеть где-то скрытое солнце; или наоборот: каково же должно быть отчаяние, бессилие, какова должна быть разбитость, преступность и извращенность, чтобы ждать солнца именно здесь [надо напомнить, что Солнце – традиционное именование Христа в христианстве, и Белый далее в тексте повысит первую букву этого слова; он, безусловно, говорит здесь о Христе Достоевского – но насколько более это может быть отнесено к Христу Блока! – Т.К.]. Достоевский поднимает современную русскую действительность на дыбы перед провалом, как поднимает, по выражению Пушкина, Петр на дыбы Россию во внешних реформах. И дыбы Достоевского ужасней, преступней, безумней Петровых дыб»³.

Главный спор о концовке поэмы Блока состоял в том, чтобы определить взаимное расположение героев: стреляют красногвардейцы в Христа или следуют за Ним? И почему остается с ними Христос? Он их Жертва или Предводитель? Текст Достоевского, да и текст Белого, предлагает ответ (хотя сам Белый и бесконечно возмущен таким ответом): красногвардейцы стреляют – чтобы последовать. Христос – как, впрочем, и всегда – готов стать Жертвой – потому что это единственный способ по-настоящему стать Предводителем.

Наша жизнь так заросла грязью и корой греха и самости, плотностью, обыденностью, мы так окончательно отвернулись от Господа, «греша бесстыдно и беспробудно», наши глаза настолько залеплены теплой жижей повседневности, в которой нам уютно и из которой мы не хотим выбираться, что для встречи с Христом лицом к лицу нужно что-то, что стряхнет с нас все это, нужно отчаянное действие, нужен полет «вверх пятами». Доводя мысль до ее «геркулесовых столбов» можно сказать: чтобы в этом, изувеченном нами мире воочию увидеть Христа – нужно в Него прицелиться.

Но обратимся к ядру текста Достоевского, чтобы понять, как из отчаяния возникает надежда.

«Вижу, вползает ко мне раз мужик на коленях. Я еще из окна видел, как он полз по земле. Первым словом ко мне:

– Нет мне спасения; проклят! И что бы ты ни сказал – всё одно проклят!

Я его кое-как успокоил; вижу, за страданием приполз человек; издалека.

– Собрались мы в деревне несколько парней, – начал он говорить, – и стали промежду себя спорить: “Кто кого дерзостнее сделает?” Я по гордости вызвался перед всеми. Другой парень отвел меня и говорит мне с глазу на глаз:

– Это никак невозможно тебе, чтобы ты сделал, как говоришь. Хвастаешь.

Я ему стал клятву давать.

– Нет, стой, поклянись, говорит, своим спасением на том свете, что всё сделаешь, как я тебе укажу.

³ *Белый Андрей*. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой.

Поклялся.

– Теперь скоро пост, говорит, стань говеть. Когда пойдешь к причастью – причастье прими, но не проглоти. Отойдешь – вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал. Прямо из церкви повел меня в огород. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: положи! Я положил на жердь.

– Теперь, говорит, принеси ружье.

Я принес.

– Заряди.

Зарядил.

– Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» (21, 34)⁴.

Анализируя происшествие, Достоевский напишет: «...в самый последний момент – вся ложь, вся низость поступка, всё малодушие, принимаемое за силу, весь срам падения – всё это вырвалось вдруг в одно мгновение из его сердца и стало перед ним в грозном обличении. Неимоверное видение предстало ему... всё кончилось.

Суд прогремел из его сердца, конечно. Почему прогремел не сознательно, не внезапным прояснением ума и совести, почему проявился в образе, как бы совершенно внешним, независимым от его духа фактом? В этом огромная психологическая задача и дело Господа. Для него, для преступника, без сомнения, было делом Господним» (21, 40).

Для нас очень важны следующие слова Достоевского, вопрошающего, но не отвечающего, недоговаривающего – чтобы дать возможность нам самим ответить: «Суд прогремел *из его сердца*, конечно. Почему прогремел не сознательно, не внезапным прояснением ума и совести, почему проявился в *образе*, как бы совершенно *внешним, независимым* от его духа фактом?» (21, 40)

Нам нужно понять, почему прогремевший *из сердца* суд появился в виде *внешнего и независимого образа*? О чем это говорит? Как это сочетается?

Герой будет целиться в причастие, *принятое, но не проглоченное*. Причастие – то, что обновляет в нас, *внутри нас* образ Христов, поползшийся страстями, как говорится в молитвах ко Святому Причащению. Он будет целиться в то, что должно быть в этот момент *внутри него*, но находится *вовне*. Станным образом *вовне* здесь оказалось самое *внутреннее*, что есть в каждом человеке. Целясь в это внешнее, герой собирается выстрелить в *самое внутреннее в себе*. И самое внутреннее дает образ внешнему. Вместо непри-

нятого причастия на шесте перед героем оказывается Христос, распинаемый его действием *внутри него самого*.

В самой глубокой бездне своих страстей, проваливаясь в себя «вверх пятими», герой может встретиться только с тем, что есть там, внутри, на последней глубине, – с образом Божиим. Плавая по поверхности повседневной жижи бытового существования можно не видеть Господа в мире и в себе. Но, решившись нырнуть в бездну – внешнюю или внутреннюю, – ни с чем иным не сможет столкнуться человек, как только с Тем, что есть основание мира, с Тем, на Ком зиждется здание. Погружаясь в последнюю бездну, человек выводит на поверхность самое внутреннее, становящееся внешним, становящееся присутствием Господним в мироздании.

И происходит встреча.

«Камо пойду от Тебе – Господа моего? И от лица Твоего камо бегу? – Аще взыду на небо; Ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси <...> и виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен» (Пс. 138, 7–8, 24).

Господь встречает человека на пути беззакония – чтобы наставить на вечный путь...

Блок – вольно или не вольно (ведь он порой не хотел, чтоб это был Христос) – показывает, что то же самое происходит и с Россией... С Россией, взбунтовавшейся против своего истинного внутреннего образа – и тем самым обрешавшей себя на встречу с Ним.

⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее том и страница указываются в тексте в скобках после цитаты.

«Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...»: Блок и Достоевский

Комментаторская реплика к стихотворению А. Блока
«Вот Он – Христос...» 10 октября 1905 г.

* * *

Евгению Иванову

Вот Он – Христос – в цепях и розах –
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо – одно.

Единый, Светлый, немного грустный –
За Ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам, как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

Стихотворение посвящено Е.П. Иванову и отражает его человеческую сущность. Встретившись в религиозно-философском собрании в 1902 г., Блок и Иванов вели долгий спор о Христе. Глубоко верующий человек в старообрядческом исповедании, Иванов сердцем впитал заповеди Христа о любви и смирении. Блок в диалоге с ним бунтовал: «<...>не пойду врачеваться к Христу. Я его не знаю и не знал никогда» [8, 105]¹. В письме к А. Белому от 7 апреля 1904 г. Блок характеризует Иванова как «юродивого, нищего духом», которому уготована будущность «блаженного» [8, 100]. Чистота и тишина его души, способность к любви и самоотверженному служению покоряют Блока, Иванов становится его близким другом через всю жизнь. Стихотворение знаменует сдвиг, который происходит в сознании Блока под влиянием Е.П. Иванова. Подсказан Ивановым и характерный для старообрядцев образ «хлебного злака», воплощающий Христа: накануне при встрече с Блоком он говорил, что

¹ Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. М. – Л., 1960 – 1963. Ссылки здесь и далее на это издание с указанием в тексте в квадратных скобках номера тома и страницы.

видит Христа «колосющимся», «в полях грядущим»². Этот укоренившийся в глубине народного сознания образ опирается на евангельскую притчу о зерне, брошенном в землю, чтобы умереть и прорасти, принеся плод сторицею, раскрывающую смысл смерти и воскресения Христа (Ин: 12, 24)³.

Однако не только Е.П. Иванов приводит Блока к размышлению над тайной смерти и воскресения, символизированной в зерне. Этот евангельский стих, как известно, взяв эпиграфом к роману «Братья Карамазовы» и неоднократно обращается к нему в ходе романа Достоевский. Влияние Достоевского на Блока, начиная с 1902 г., было огромным. В письме к Любови Дмитриевне Менделеевой из Бад-Наугейма от 13 июня 1903 г., накануне свадьбы, он пишет: «Лучшее, что есть, я вычитываю из Достоевского» [8, 57]. И здесь же, в другом письме: «выбился из колеи. Скоро отыщу точки устоя у Соловьева и Достоевского. Нужно “задуматься” (курсив Блока. – И.П.), чтобы понять хоть что-нибудь» [8, 58].

В письмах этого периода к другим адресатам также встречаются отсылки к Достоевскому. В письме к отцу от 5 августа 1902 г., отдавая преимущество “созерцанию” (творчеству) перед “испытанием” в значении исследования, науки («иногда кажется, что наука – “суета”, которой “служенье муз не терпит”»), Блок замечает, что делает это «не в первобытно-романтическом, а скорее – в “реально-Достоевском” стиле, в котором созерцание углубленно, а не порхает» [8, 40–41].

Свои переживания возрастающих сил Блок в это время соотносит с переживаниями героя Достоевского: «...я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий) желание “трех жизней”» (в письме к З.Н. Гиппиус, июль 1902 г.) [8, 34]. Об этом же 23 июля 1902 г. А.В. Гиппиусу: «Это именно так, ибо я ощущаю скорее нужду “ощутить” “три жизни” («Подросток»), чем провести одну в сплошном созерцании» [8, 36]. “Созерцание” предпочтительнее “науки”, т.е. философии и филологии, но живая жизнь, исполненная чувства и действия, побеждает в его душе и созерцание: «Ни одного “чувствования” я не отдам за тьму созерцаний» (А.В. Гиппиусу, 23 июля 1902 г.) [8, 36]; «Я лично и “пока” не отдам ни пяди “жизненной драмы” за тончайшее “мистическое созерцание”» (А.В. Гиппиусу, 23 июля 1902 г.) [8, 37]. Страстная устремленность в будущее, ожидание потрясений и перемен, готовность принять, что бы это будущее ни принесло с собою, также подсвечены у Блока энергиями Достоевского: «Вселенский голос плачет о прошлом покое и о грядущем перевороте. В нем и сожаление и желание» (А.В. Гиппиусу, 23 июля 1902 г.) [8, 36]; «Разве можно миновать “мрак”, идя к “свету”?» (А.В. Гиппиусу, 23 июля 1902 г.) [37]; «...все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из “потемок” (хотя бы “вселенских”) на “свет божий”» (отцу, 5 августа 1902 г.) [8, 40].

² Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке // Блоковский сборник I. Тарту, 1964. С. 396.

³ Этот стих отчеркнут Блоком в принадлежащей ему Библии. См.: Библиотека Блока. Описание. Кн. 1 – 3. Л., 1984 – 1986. Кн. 1. С. 75

Мысли о смерти и воскресении, которые были особенно неотступны в это лето в связи со смертью деда, также во многом подсказаны Блоку Достоевским: «Если я пойму свой личный конец как символ вселенского (или хотя бы неличный, конец известного духовного периода), то ведь, во всяком случае, примирюсь хоть немного с кажущейся неудовлетворенностью апокалипсических ожиданий <...> я буду хоть и со слезами “золотого мальчика” (не примите за аллегория), но уверенно ждать свой “беспечальный Век Златой”. И дождусь, хоть бы пришлось прожить ужасы “трех жизней”. Тогда в смертном сне должна явиться эта мечта воскресения – “она, мчащаяся по ржи”, как Достоевскому явится “новый град Петербург, сходящий с неба”» (З.Н. Гиппиус, июль, 1902 г.) [8, 35]. Мысли о смерти и воскресении подкрепляются цитатами из Священного Писания и Литургии. Благодаря отцу за присланные им письма Спекторского, Блок говорит, что они интересны ему как “апокалиптику”, иногда «чающему воскресения мертвых и жизни будущего века» [8, 41].

В письме Е.П. Иванову, непосредственно предшествующему созданию стихотворения «Вот Он – Христос...», читаем: «Но странно, странно, – мне хочется радоваться за свое прошлое (и близкое и далекое) и, м.б., – за будущее. Днями теперь чувствую, что молодею. Днями становлюсь легкомысленным мальчишкой, страшно интересующимся Достоевским, причем душа не лежит плотно и страстно на его страницах, как бывало всегда, – а скорее как бы танцует (курсив Блока. – И.П.) на них» [8, 133].

Это была яркая и легкая осень Александра Блока: «Часто хорошо и радостно, – пишет он А. Белому 2 октября 1905 г. – Кто-то говорит мне, что я очень легко могу стать Купиной. Нет причины не верить. Преследуемый Аполлоном, я превращусь в осенний куст золотой, одетый сеткой дождя на лесной поляне. Ветер повеет, и колючие мои руки заплещут свободно» [8, 136]. А в следующем письме, от 15 октября 1905 г. – продолжение: «Купина, под которой я разумел, как вспоминаю, не символ Богоматери, а обыкновенный терновый куст, который растет себе среди поля и горит...» [8, 137]. В стихотворении «Вот Он – Христос...», подобно тому как он в письмах к Белому почувствовал себя Купиной, Блок представляет через неопределенно-личное употребление глаголов 2-го лица единственного числа свое перевоплощение в зерно, обреченное на умирание в земле, но содержащее ростки новой жизни:

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

В стихотворении «Полюби эту вечность болот...», написанном несколько раньше (июнь 1905), горящий куст–Купина и зерно-злак объединены в параллельных стихах:

Этот злак, что сгорел, – не умрет,
Этот куст – без исления – тощ.

Другая тема стихотворения, непосредственно связанная с притчей о зерне, а также с Достоевским, – «нищета духа», восходящая к первой из «Заповедей блаженств» (Мф. 5, 3). Блоковское решение этой темы связано прежде всего с образом Христа, воплощающего вершину «нищеты духовной», в своей земной жизни не имеющего где приклонить главу, друга мытарям и грешникам, умывающего ноги ученикам своим, пришедшего в грешный мир не судить, а спасти его, принявшего крестную муку и смерть во имя спасения и обновления жизни. Евангельская формула «нищие духом» становится краеугольной в статье «Безвременье» (1906). Здесь рождается мотив «ухода», который станет ведущим в ряде произведений Блока: «Мудры мы, ибо нищи духом; добровольно сиротеем, добровольно возьмем палку и узелок и потащимся по российским равнинам...» [5, 82]. И здесь же, в этой статье, главная фигура – Достоевский: «Передо мною вырастают два демона, ведущие под руки третьего – слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это – Лермонтов, Гоголь и Достоевский» [5, 76]. «Хитрые и мудрые колдуны вводят под руки слепа» [5, 79]. Слепец «был послан в мир на страдание и воплотился. Он мечтал о Боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей» [5, 78–79]. Первые два «витают над туманами, не падая в их беспросветную глубь» [5, 80]; третий же, «очертя голову бросается в туман, летит и падает в падучей» [5, 79]. В отличие от двух других, которые «никогда не портят мечты своей, не ища в ней плоти и крови», Достоевский «носит в душе вечную тревогу, подступает вплотную к мечте, ищет в ней плоти и крови» [5, 79]. «От первых перешла к нам мудрость, от второго, может быть, – только опыт страдания» [5, 80]. Первые два «узнали ту кристальную тишину, звонкую, как голос золотой свирели» [5, 80]. Третий же «хочет преобразить несбыточное, превратить его в бытие и за это венчается страданием». Он сгорает, чтобы на его пепле произросла новая жизнь. А тишина первых – она приманчива, утешительна, имеет своих наследников в современной литературе (З. Гиппиус и Ф. Сологуб), но, может быть, “соткана из паутины”. Блок задается вопросом: «Кто будет рвать паутину?» Вопрос риторический, ответ заключен внутри вопроса: «Да не будет так» [5, 82]. Правда остается за Достоевским.

Притча о зерне и мотив «нищеты духа», ключевые в стихотворении «Вот Он – Христос...», не были прочитаны и откомментированы предшественниками⁴, включая комментарий ПАСС⁵. Судя по этому последнему комментарию, не поняли основной мысли стихотворения и современники Блока. Однако без рассмотренных выше мотивов невозможно было понять смысл стихотворения в целом, увидеть оптимистическую перспективу финального образа самоуничтожения. Не была отмечена исследователями и очевидная связь этого стихотворения, его мысли и темы, с Достоевским.

⁴ См. Максимов Д.Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 359; Минц З.Г. Блок и Достоевский // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 93.

⁵ См. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. III. С. 654–656.

«Тут бывал Достоевский» (о блоковском слое в поэме Пастернака «Девятьсот пятый год»)*

Заглавие нашей короткой заметки – цитата из главы «Отцы» поэмы Бориса Пастернака «Девятьсот пятый год» (1925–1926)¹. Эта глава, как известно, была посвящена описанию и воссозданию грозовой предреволюционной атмосферы второй половины XIX в. в России.

Знаковые упоминания об авторе «Бесов» встречаются во многих мемуарах и реконструкциях, связанных с этой эпохой, например, в следующем фрагменте записных книжек Анны Ахматовой 1960-х годов: «Достоевский. (М.Ф. Вальцер² у Достоевского). Вера Фигнер. (А крестный Романенко был человек из рев-олюционного> подполья, т. е. “Нар-одной> Воли” – имени его я не знаю. Мама говорила: “Из нашего “кружка” 1881 г.”)³.

Можно, однако, почти не сомневаться в том, что в поэме Пастернака имя Достоевского возникает в качестве отсвета известного отрывка из поэмы Александра Блока «Возмездие»:

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить время,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил.)

Дело в том, что ключевая тема главы «Отцы» была задана строкой из блоковского «Возмездия»: «Сыны отражены в отцах», соответственно, вся эта глава пастернаковской поэмы (и не только она) оказалась густо насыщена отсылками к «Возмездию» и к другим произведениям Блока.

Так, следующий отрывок из главы «Отцы»:
Еще ночь под ружьем,
И заря не взялась за винтовку.

* В ходе работы над комментарием к поэме Пастернака «Девятьсот пятый год», откуда были привлечены наблюдения, положенные в основу настоящей заметки, мы узнали, что в Татру на молодежной концерции 2011 г. был заявлен и сделан доклад М. Канатовой «А. Блок в поэме Пастернака “Девятьсот пятый год”». Будем с нетерпением ждать опубликования текста этого доклада, чтобы сверить полученные результаты.

¹ См.: Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с прил.: в 11 т. Т. 1. М., 2003. С. 265. Далее поэма Пастернака цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в тексте заметки в квадратных скобках.

² Крестная мать Ахматовой.

³ Записные книжки Анны Ахматовой М.; Toirino, 1996. С. 298.

И, однако,
Вглядимся:
На деле гораздо светлей...
[263]

находит себе образное соответствие в «Двенадцати» Блока:

Винтовок черные ремни,
Кругом – огни, огни, огни...
Небольшой фрагмент из главы «Отцы»:
Это – народовольцы,
Перовская,
Первое марта,
Нигилисты в поддевках,
Застенки,
Студенты в пенсне...

[264]

вероятно, восходит к подробному рассказу о Софье Перовской и других народовольцах в «Возмездии». Есть и более конкретные переключки. Сравним только что процитированные пастернаковские строки со строками: «И этот века час дневной – // Последний – назван *первым марта*» и портретом «нигилист<a> в косоворотке» в поэме Блока.

Упоминание в главе «Отцы» «ночи», которая простояла в России «<д>о времен Порт-Артура» [266] переключается с изображением «кровавой зари» в «Возмездии»:

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуром и Цусимой,
Гроза Девятым января...

А трижды повторяющееся в главе «Морской мятеж» звукоподражание «трах-тах-тах»:

Да стой же, мерзавец!
Достану! –
Трах-тах-тах...
[278]

и:

Трах-тах-тах...
И запрыгали пули по палубам,
С палуб,
Трах-тах-тах...
[279]

наверняка должно было напомнить внимательному читателю поэмы о соответствующем трехкратном повторе в финале «Двенадцати»:

Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
олько вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

Изображая этапы русской революции в своих поэмах 1920-х гг. (от «Народной воли» – через 1905 год – к Февралю и Октябрю 1917 года) Пастернак, безусловно, ощущал себя последователем и продолжателем Блока. Недаром в первой редакции его «Высокой болезни» (1924) были такие строки:

При чем вы, рифмы? Где вас нет?
Мы тут при том, что не впервые
Сменяют выюгу часовые
И в эпос выслали пикет.
[410]

Пастернак выслал «в эпос» «пикет» рифм «не впервые», а вслед за Блоком. Ведь это в его «Двенадцати» был использован сквозной образ красноармейцев, неуклонно идущих сквозь выюгу.

В заключение отметим, что имена Достоевского и Блока ассоциативно сцеплялись Пастернаком и в более поздних его произведениях. В частности, в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956–1957) автор «Девятьсот пятого года» писал: «Как Достоевский не романист только и как Блок не только поэт, так Скрябин не только композитор, но повод для вечных поздравлений, олицетворенное торжество и праздник русской культуры».

Справочно-библиографический раздел

Н.А. Бекасова

Советуем прочитать (Из книжного фонда «Дома А. Ф. Лосева»: 2010–2011)

1. Акимов, Владимир Михайлович. От Блока до Солженицына: путеводитель по русской литературе XX века. – СПб.: Искусство-СПБ, 2011. – 574, [1] с.; 22 см. – Библиогр.: с. 539–559. – Указ. имен: с 563–572.

В новой книге В. М. Акимова, доктора филологических наук, профессора РГУ им. А. И. Герцена, сжато, в систематическом порядке, даются основные сведения о российском литературном процессе XX в. При этом принцип обзорности органично сочетается с аналитическим и личностным началами. Раздел «Персоналии» представлен такими именами, как Ч. Айтматов, А. Ахматова, В. Белов, А. Блок, Ю. Бондарев, М. Булгаков, М. Горький, О. Мандельштам, Н. Островский, В. Распутин, А. И. Солженицын, В. Шаламов и другие. Настоящий «Путеводитель» может широко использоваться в качестве справочного пособия в старших классах гимназий, лицеев, школ, а также на гуманитарных факультетах университетов; он полезен в самообразовании, в работе библиотек и издательств, незаменим при подготовке к экзаменам.

2. Александр Блок. Исследования и материалы / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); [редкол. : ...Н. Ю. Грякалова (отв. ред.)]. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 617, [2] с., [8] л. ил. ; 22 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 600-617.

Четвертый выпуск сборника «Александр Блок. Исследования и материалы» подготовлен в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сотрудниками Группы по изданию академического Полного собрания сочинений и писем А. Блока при участии исследователей из других российских научных центров (СПбГУ, ИМЛИ РАН, РГАЛИ, Новгородского государственного университета) и из-за рубежа (Венгрии, Чехии, США). Сборник продолжает серию, основанную в 1987 г., и является традиционным для Пушкинского Дома типом научного издания – «спутника» академических собраний сочинений писателей. Структура сборника, в основе своей оставаясь прежней, в то же время отражает характер поступивших в редакцию материалов.

3. Бальбуров, Эдуард Африканович. Русская философская проза: вопросы поэтики / Отв. ред. Е. К. Ромодановская; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 216 с. ; 22 см. – (Коммуникативные стратегии культуры). – Библиогр.: с. 201–206. – Имен. указ.: с. 207–211. – Предм. указ.: с. 212–216.

Работа представляет собой итог многолетних размышлений автора над близостью судеб философской и художественной речи. Произрастая из общего корня, они исторически разошлись в своих специфических, закрепленных традицией языковых формах, сохранив память о своем былом единстве. В XX в. она как бы ожила в их устойчивом встречном движении друг к другу. Почему философия становится прозой, а проза склоняется к философии? Необходимость и особенности этого процесса, актуализировавшего нетрадиционно звучащую тему поэтики философской прозы, рассматриваются автором на материале произведений преимущественно русской словесности, с ее традиционной близостью фигур философа и художника слова. Помимо исследования приемов и принципов художественно-философского повествования в творчестве философов и писателей – Н. Бердяева, П. Флоренского, Л. Шестова, В. Розанова, М. Пришвина, И. Бунина, А. Платонова и другие – большое внимание уделено вопросам культурно-исторических особенностей формирования философской мысли в России.

4. Богомолов, Николай Алексеевич. Сопряжение далековатых: о Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной INTRADA, 2011. – 340, [2] с.; 23 см. – Библиогр. в примеч.: с. 266–328. – Указ имен: с. 329–340

Книга посвящена жизни и творчеству двух поэтов, родившихся в Москве и умерших в изгнании. Их литературная репутация очень различна, да и высказывания друг о друге не всегда были доброжелательны. Нынешнему наблюдателю часто кажется, что они диаметрально противоположны по своим устремлениям. И вместе с тем испытания XX века и искусства того времени, выпадавшие на их долю, были нередко схожими, а стало быть, и ответы заслуживают сравнительного изучения. Первая часть посвящена Вяч. Иванову, вторая — Вл. Ходасевичу, а центральная по расположению в книге статья — перекличкам в их поэзии и статьях.

5. Булгаков, Сергей Николаевич. Интеллигенция и религия. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. – 302, [1] с.; 22 см. – (Библиотека христианской мысли. Исследования). – Библиогр. в подстроч. примеч.

С. Н. Булгаков (1871–1944) – выдающийся русский религиозный философ и богослов. По благословению св. Патриарха Тихона принявший священство в трудный для Русской Церкви 1918 г., в 1922 г. о. Сергей по обвинению в политической неблагонадежности был подвергнут «бессрочной высылке из территории РСФСР без права возвращения». С 1925 г. о. Сергей становится профессором на кафедре догматического богословия новооткрывшегося Богословского института преп. Сергия Радонежского, а с 1940 г., вплоть до своей кончины, – его деканом. В настоящую книгу под общим названием «Интеллигенция и религия» вошли его наиболее известные работы, созданные в начале XX в. и посвященные проблеме обретения и сохранения христиан-

ской веры в среде так называемой «творческой интеллигенции». На примере таких замечательных личностей, как А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, дается яркая картина духовных исканий, потерь и обретенной всей русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. с ее «вечными вопросами», актуальность которых очевидна и сегодня, для нынешнего поколения думающих, ищущих и верующих людей.

6. Валуев, Дмитрий Александрович. Начала славянофильства / Сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климакова. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 362, [1] с.; 21 см. – (Русская цивилизация). – Библиогр. в подстроч. примеч.

В книге впервые после середины XIX века публикуются труды выдающегося русского историка и мыслителя-славянофила Дмитрия Александровича Валуева (1820–1845), внесшего большой вклад в научно-историческое обоснование славянофильского учения. Вера и духовные убеждения людей, утверждал Валуев, разделяют человечество на великие исторические массы, соединяют государства и народы в одну общую судьбу. Православная вера и народная традиция – высшее условие и предел всей жизни и возможного развития не только самого общества и человека в нем, но и человека во всей полноте, и как члена семьи, куда не достягает внешний закон, и, наконец, как духовного существа, принадлежащего своему нравственному миру. Валуев показывает коренные различия России и Запада. Если почти все государства западного мира рождались в результате действия внешнего фактора – завоевания, то Российское государство возникло в результате развития внутренних духовных основ русского православного народа. Россия, считал Валуев, еще не пережила и не узнала в самой себе десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в ее духе или рассеяны на ее огромном пространстве. Вместо поклонения всему западному и презрения ко всему русскому правящий слой должен, прагматично используя западный опыт, сделать основной упор на развитие собственных сил и могущества России, которые станут фактором возвышения всего человечества.

7. Гидиринский, Виктор Ильич. Русская идея как философско-исторический и религиозный феномен / Православный Св.-Тихоновский гуманитар. ун-т. – М.: Издательство ПСТГУ, 2010. – 164, [1] с.; 21 см. – Библиогр.: с. 158–161.

Данная работа является развитием и продолжением теоретических и концептуальных подходов к теме русской идеи, представленных в предыдущих работах автора. Основные положения работы опираются на наследие русской религиозной философии и философско-исторические воззрения ряда западных и отечественных мыслителей. Методологический замысел предполагает попытку инновационного анализа национальной идеи в контексте философии истории. В работе освещаются сущность, функции и типология национальных

идей, система их детерминации, феномен национализма. Особое внимание уделено обоснованию феномена русской идеи, ее исторической уникальности и содержательной структуре. Работа рассчитана на специалистов-философов, аспирантов и преподавателей гуманитарных дисциплин, всех, интересующихся проблемами русской идеи.

8. Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма: [сборник статей: к 130-летию Г. Г. Шпета] / Науч. ред. Т. Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 527 с.; 22 см. – (Humanitas). – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 513–523.

Коллективная монография является результатом и продолжением работы Международной конференции (Бордо, 2007), посвященной русскому философу начала XX века Густаву Густавовичу Шпету. Специалисты в области философской эпистемологии, истории философии, психологии, лингвистики, филологии рассмотрели идеи Г. Г. Шпета и показали их актуальность для современной философии и гуманитарных наук. Публикуемые архивные и мемуарные материалы позволяют восстановить интеллектуальный вклад Шпета в развитие философской и научной мысли. Книга предназначена для философов, ученых-гуманитариев, а также для всех интересующихся историей русской философии и методологией гуманитарных наук.

9. Данек, Георг. Эпос и цитаты: изучая источники «Одиссеи». Ч. 1: Песни I–XII / Пер. с нем. А. Г. Жаворонкова. – М.: Культурная революция, 2011. – 296 с.; 21 см. – Библиогр.: с. 280–295.

Книга «Эпос и цитаты» – комментарий к «Одиссее», затрагивающий многие важнейшие вопросы современного гомероведения. С точки зрения методологии комментарий сочетает принципы неаналитического подхода с элементами «устной теории». Основная цель работы – исследование следов альтернативных версий «Одиссеи» в дошедшем до нас тексте поэмы. Отходя от старых принципов аналитической теории, автор не стремится делить текст на предполагаемые ранние и поздние редакции. Главная задача ученого – найти указания на параллельные возможности рассказать историю о возвращении Одиссея и определить роли этих отсылок для аудитории поэмы. Построчный комментарий предваряется подробным предисловием, в котором автор описывает ключевые принципы собственного метода и основные подходы, характерные для англоязычных и немецкоязычных исследователей «Одиссеи». В конце книги приведена обширная библиография.

10. Ендольцева, Екатерина. Соль земли: Образы апостолов в позднеантичном мире / Рус. христиан. гуманист. акад. – СПб.: Издательство РХГА, 2011. – 259 с.; ил.; 22 см. – Библиогр.: с. 238–255 (404 назв.).

Научная монография петербургского искусствоведа Екатерины Ендольцевой посвящена вопросам раннехристианской иконографии. В работе впервые собраны воедино и описаны все известные на сегодняшний день изображения

апостолов на памятниках христианского искусства III–VI вв. (на саркофагах, мозаиках храмов, фресках катакомб, реликвариях, пиксидах и других предметах личного культа). Монография учитывает широкий исторический контекст, ее выводы основаны на комплексном изучении сведений письменного и изобразительного характера, данных, полученных в ходе археологических раскопок и реставрационных работ.

11. Каменский, Анатолий Павлович. Славяне и Русь: «Откуда есть пошла Русская земля». – М.: Международные отношения, 2011. – 255 с.: ил.; 22 см. – Библиогр.: с. 252–254 и в подстроч. примеч.

Книга «Славяне и Русь» знакомит нас с условиями жизни и быта наших древних предков, с их материальной и духовной культурой, нравами и обычаями. Пережив сложный период, вошедший в исторический оборот как этап Великого переселения народов (IV–VII вв.), и участвуя в нем, славяне стали заложниками трагических последствий, вызванных нашествиями готов, гуннов, авар (обров) и др. Значительное место в книге уделено процессу колонизации славянами восточноевропейских земель, формированию восточнославянской цивилизации, влиянию чужеродного этноса (скифов, сарматов, финнов и др.) на формирование физического и культурного облика восточного славянина, становлению государственности у восточных славян. В книге излагается история происхождения этнонимов «Русь», «Россия». Для широкого круга читателей.

12. Козиков, Иван Андреевич. М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский о России. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 503 с.; 22 см. – (Библиотека факультета политологии МГУ / Шутов А. Ю. (пред.) [и др.]).

Монография посвящена раздумьям великих российских естествоиспытателей – М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, В. И. Вернадского о России, о ее истории, путях развития и месте в мировом сообществе, о тенденциях исторического процесса, в контексте которых осуществляется развитие российского общества. Для специалистов, преподавателей, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется историей отечественной мысли, науки, российской культуры. Ключевые слова: россиеведение, история России, национальное самосознание, наука и образование в России, прогресс, народонаселение, производительные силы, Российское государство, русская философия.

13. Крамер А. В. Раскол русской церкви в середине XVII века. – [2-е изд., расшир. и доп.]. – СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2011. – 367 с.; 22 см. – Библиогр.: с. 362–366 (129 назв.).

Книга А. В. Крамера «Причины, начало и последствия раскола русской Церкви в середине XVII в.» была издана в 2005 г. Ее содержание точно соответствует названию. Наибольший интерес в ней вызывает размышления автора о последствиях раскола. Многие из этих последствий не ушли в прошлое

и участвуют в формировании образа жизни в России и в наше время, что должно быть небезразлично всем русским людям. Второе издание расширено и дополнено многими эпизодами и двумя отдельными главами.

14. Кришталева, Людмила Григорьевна. Философия и этика поступка: (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах) – опыт реконструкции / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 120, [3] с.; 20 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Перед каждым человеком стоит парадоксальная задача – стать самим собой. Как человек движется навстречу к себе? Классические тексты, относящиеся к разным эпохам и культурам, дают схожий ответ: путем поступка. Книга включает три исследования, ставшие результатом медленного чтения платоновской «Апологии Сократа», «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки и романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Тщательный анализ позволил по-новому понять события, запечатленные в этих текстах.

15. Лисеев, Игорь Константинович. Философия. Биология. Культура: (работы разных лет) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 313, [2] с., [1] л. цв. портр.; 20 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

В книгу вошли труды И. К. Лисеева по философскому осмыслению современных наук о жизни, написанные им на протяжении почти полувековой исследовательской деятельности в этом направлении. В этих работах отражается эволюция взглядов ученого, расширение поля его творческих исканий. Представлен ход мыслей автора и его соавторов на протяжении довольно длительного и значимого периода выдвижения биологической проблематики на одно из первых мест в понимании функционирования современной науки и культуры. Работа может быть интересна как для специалистов по философии биологии, так и для всех, интересующихся философскими проблемами современной науки.

16. Лосев, Алексей Федорович. Диалектика художественной формы [авт. предисл. В. В. Бычков]. – М.: Академический Проект, 2010. – 415 с.; 21 см. – (Философские технологии). – Библиогр. в примеч.: с. 219–412.

Четвертая работа из знаменитого восьмикнижия Лосева, «Диалектика художественной формы», представляет собой изложение эстетической теории, созданной автором с «привлечением диалектического метода». Именно такой способ исследовать эстетику – «поверить» ее диалектикой – позволил Лосеву отрешиться от «захватывающей своею жизненностью стихии искусства» и сосредоточить свои усилия на том, чтобы «распознать, проанализировать и формулировать... его необходимые логические скрепы». Установив тождественность категорий выражения и формы, автор обратился к изучению того выражения, которое относится к собственно эстетической сфере – художественному выражению, или художественной форме, а затем предпринял последовательный анализ ее уровней. Главный посыл работы Лосева состоит

в том, что он видит в искусстве сложное, целостное, развивающееся образование, существующее в постоянном становлении художественной формы через снятие противопоставления между смысловой предметностью и художественным фактом. В дальнейшем эта концепция нашла отражение в его «Истории античной эстетики».

17. Мамардашвили, Мераб Константинович. Сознание и цивилизация. – СПб.: Азбука, 2011. – 280, [2] с.; 21 см. – (Academia).

Книга «Сознание и цивилизация» продолжает серию публикаций работ М. К. Мамардашвили в издательстве «Азбука». В книге представлены доклады М. К. Мамардашвили, его выступления и интервью, относящиеся к периоду с 1984 по 1990 годы. Динамика крушения советской системы и проблемы выбора дальнейшего пути развития общества, кризис современной культуры и вопросы национального самосознания преломляются в представленных материалах через призму философских размышлений о свободе и человеческом предназначении, о все-общности поля сознания и цивилизации как форме человеческого общежития, открывающей пространство свободного действия. Наполненные социальной динамикой ушедших лет, публикуемые тексты звучат сегодня пронзительно точно и современно. Пятнадцатого сентября 2010 г. исполнилось семьдесят лет со дня рождения М. К. Мамардашвили. Двадцать пятого ноября 2010 года двадцатая годовщина его гибели. Настоящее издание является исправленным и дополненным по сравнению с изданием 2004 года. Переводные материалы сверены с источниками и представлены в новой редакции без купюр.

18. Михаил Михайлович Бахтин / Ин-т философии РАН, Некоммерч. науч. фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; [сост.] и под ред. В.Л. Махлина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 447 с., [4] л. портр.; 22 см. – (Философия России второй половины XX века / гл. ред. В. А. Лекторский). – Библиогр.: с. 417–434 и в подстроч. примеч. – Имен. указ.: с. 435–441.

Эта книга – критическая антология, посвященная творчеству русского мыслителя, теоретика литературы и гуманитарного эпистемолога XX в. Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975). Предлагается не история рецепции, но скорее динамика рецепции идей, возникших в первой половине, а воспринятых во второй половине прошлого столетия. Книга адресована филологам, историкам и теоретикам гуманитарного мышления – всем, для кого русская интеллектуальная культура XIX – XX вв. еще не сказала своего последнего слова.

19. Михалев, Адольф Александрович. Проблема культуры в японской философии: К. Нисида и Т. Вацудзи / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 75, [2] с.; 17 см. – Библиогр.: с. 66–69 (77 назв.).

Монография посвящена рассмотрению культурологических взглядов двух видных философов довоенной Японии – Китаро Нисиды (1870–1945) и Тэцуро

Вацудзи (1889–1960 гг.). Культуры Древней Греции, Европы, Индии, Китая и Японии осмысливаются К. Нисида через дихотомию бытия-небытия. Теория культуры Т. Вацудзи основывается на понятии «климата». Т. Вацудзи предлагает своеобразную типологию мировой культуры, выделяя культурно-пространственные ареалы «муссонного» (Индия, Китай, Япония), «пустынного» и «пастбищного» или «лужайкового» (Европа) типа. Издание рассчитано на специалистов-востоковедов, историков философии, культурологов и всех интересующихся духовной культурой Востока.

20. Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в фотографиях из альбома великого князя Константина Константиновича, 1867–1872 / Рос. акад. наук, Ин-т истории мат. культуры; авт.-сост. Г.И. Вздорнов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Индрик, 2011. – 158 с.: ил.; 25 см. – Библиогр.: с. 157-158.

21. Мотрошилова, Нелли Васильевна. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – 2-е, расшир. и испр. изд. – М.: Канон+, 2010. – 479 с.; 22 см. – (Гуманитарное знание – XXI век). – Библиогр. в подстроч. примеч.

В книге дается философско-категориальный анализ понятий «цивилизация» и «варварство» – с опорой как на историю философской мысли, на социальную философию, так и на осмысление литературы из других общественных наук. Эти теоретические понятия призваны помочь вскрыть существенные черты мировой цивилизации как таковой, не упуская из виду специфику ее разнообразных форм, особенностей региональных цивилизаций и цивилизационных особенностей отдельных стран. Понятия «цивилизация» и «культура» при этом не отождествляются друг с другом, а применяются в их различии и взаимосвязи. Исследованы те надбиологические программы индивидуальной жизнедеятельности, а также внеиндивидуальные бытийные формы, механизмы, благодаря которым цивилизация выполняет свои главные функции – сохранение, преемственность, развитие человеческого рода. Вместе с тем выявлены коренные противоречия цивилизации, в том числе и порождающие мощные выбросы варварства в ее истории. Варварство рассмотрено как «наследственный код» (относительно) молодой человеческой цивилизации, а в особенности – как оборотная сторона современной цивилизации. Специальные главы посвящены исследованию состояния современной России в свете проблем цивилизации и варварства, в аспекте цивилизационного отставания России. Показано, что ряд сложных проблем отечественного развития порожден общими кризисными явлениями современной цивилизации. Один из разделов книги привлекает внимание к глобализационным тенденциям современной цивилизации, к их противоречивому развертыванию, а также к философским, в частности ценностным аспектам и дискуссиям вокруг проблем единства Европы. Особый акцент сделан на прояснение понятия и создание современной концепции гражданского общества,

в частности и в особенности – на его применение к сегодняшнему развитию России. Осуществлено понятийное исследование проблем гражданского общества, методы которого применены к анализу реалий современной России.

22. Налимов, Василий Васильевич. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Парадигма: Академический Проект, 2011. – 399 с.: ил., портр.; 21 см. – (Современная Русская Философия). – Библиогр.: с. 366–381. – Указ. имен.: с. 382–387. – Предм. указ.: с. 388–396.

Опираясь на некоторые представления философии, нетрадиционной (трансперсональной) психологии, психиатрии, математики, физики, культурологии, религиоведения, автор раскрывает природу смыслов и строит вероятностно ориентированную смысловую модель личности. Новый подход позволяет рассмотреть такие темы: связь семантического мира с миром физическим; природу понимания; творчество; многомерность личности; пути преодоления личностной ограниченности; достоинство человека; сопоставление христианского миропонимания с буддистским; личностное время; смысл жизни и смысл Вселенной. Автор показывает, что предлагаемый подход берет свое начало от Платона и перекликается с развитием западной философии вплоть до экзистенциализма и философской герменевтики. Примечательна форма изложения: на протяжении всей книги автор пытается воссоздать диалог, опираясь на религиозные, философские и научные тексты прошлого и настоящего разных культур.

23. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. общ.-науч. фонд ; [науч. ред. М.С. Ковалева, Е. И. Лакирева, Л.В. Литвинова]; науч.-ред. совет: ...В.С. Степин (пред.) [и др.]. – М.: Мысль. – 2009.

Т. 1 : А – Д. – 2010. – 741, [1] с.

Новая философская энциклопедия дает обзор мировой философии во всем богатстве ее основных понятий, произведений, исторических традиций, школ, имен, обобщает достижения российских и зарубежных философских исследований за последние десятилетия, является самым полным в отечественной литературе сводом философских знаний на рубеже тысячелетий. Энциклопедия содержит около пяти тысяч статей, авторами которых являются более четырехсот известных ученых – специалистов в различных областях философии. При подготовке данного издания внесены некоторые уточнения и дополнения. В частности, в первом томе помещена статья, посвященная 80-летию Института философии РАН, в четвертом – именной указатель ко всем томам.

24. Платонов, Андрей Платонович. Эфирный тракт: повести 1920-х – начала 1930-х годов / Сост. Н. В. Корниенко. – М.: Время, 2011. – 557, [2] с.; 21 см. – (Собрание).

25. **Посошков, Иван Тихонович. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое** / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина; Ин-т общественной мысли. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 591 с.; 22 см. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). – Библиогр.: с. 583–584. – Указ. имен: с. 585–589.

26. **Российская философия продолжается: из XX века в XXI** / Ин-т философии РАН, Некоммерч. науч. фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»; [сост.] и под ред. Б. И. Пружинина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 446 с., [16] л. портр., ил.; 22 см. – (Философия России второй половины XX века / гл. ред. В. А. Лекторский). – Библиогр.: с. 428–435 и в подстроч. примеч. – Имен. указ.: с. 436–442.

Эта книга продолжает серию «Философия России второй половины XX века». Принципиальная ориентация серии на внутреннюю преемственность потребовала включения в нее тома, посвященного обсуждению идей наших современников. В книгу включены научные статьи об идеях академиков В. С. Степина, Т. И. Ойзермана, А. А. Гусейнова и В. А. Лекторского, представляющих сегодня в РАН РФ четыре направления философских исследований: философию науки, историю философии, этику и эпистемологию. Они оказали и продолжают оказывать влияние на современное философское сообщество и на развитие философской проблематики в России. Часть книги составляют интервью, где академики сами истолковывают свои позиции.

27. **Стоюхина, Наталья. Гуманитарное образование в провинции: Нижегородский университет в первые годы советской власти.** – СПб.: Любавич, 2011. – 231, [1] с.: ил.; 21 см. – Библиогр.: с. 229–230 и в подстроч. примеч.

Книга рассказывает о попытках российских ученых добиться независимости и самостоятельности высшего образования в первые послереволюционные годы. События разворачиваются в первом университете, открытом новой властью, – Нижегородском. Главные действующие лица – А. Ф. Лосев, Н. В. Петровский, П. С. Попов – блестящие ученики философа и психолога Г.И. Челпанова. Автор монографии (кандидат психологических наук, доцент НГУ им. Н. И. Лобачевского) затрагивает вопросы, возникающие на стыке истории научной мысли России и нижегородского краеведения. Многие документы публикуются впервые. Книгу, написанную как захватывающее исследование, с интересом прочитают те, кому небезразлична история российской науки и судьбы ее лучших представителей.

28. **Сухов, Андрей Дмитриевич. Материалистическое философствование в русском естествознании XIX–XX вв.** / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 131, [2] с.; 20 см. – Библиогр. в конце кн.

29. **Филимонов, Виктор Петрович. Андрей Тарковский: сны и явь о доме.** – М.: Молодая гвардия, 2011. – 452, [1] с., [15] л.: ил.; 21 см. – (Жизнь за-

мечательных людей: ЖЗЛ: серия биографий / осн. в 1890 году Ф. Павленковым и продолж. в 1933 году М. Горьким; Вып. 1502 (1302). Серия биографий). – Библиогр.: с. 449–451.

30. **Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2008–2009 гг.: доклады и дискуссии** / Некоммерч. науч. фонд «Ин-т развития им. Г.П. Щедровицкого», [под ред. и с коммент. В. Г. Марача]. – М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2010. – 479 с.: ил.; 21 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

31. **Шагал, Марк Захарович. Моя жизнь** / Пер. с фр. Натальи Мавлевич; послесл., коммент. Н. Апчинская. – СПб.: Азбука, 2011. – 221, [2] с.: ил.; 18 см. – (Азбука-классика).

32. **Яковенко, Игорь Григорьевич, Музыкантский Александр Ильич. Манихейство и гностицизм: Культурные коды русской цивилизации.** – М.: Русский путь, 2011. – 317, [1] с.; 21 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Книга посвящена теоретико-методологическим проблемам изучения манихео-гностицистских оснований российской цивилизации. Раскрывая процессы формирования манихео-гностицистского комплекса, авторы исследуют, каким образом манихео-гностицистские пласты отечественной культуры влияют на социальные, политические и экономические реалии, как формируют основания национальной идентичности. Задаются вопросом об исторических судьбах и перспективах российской цивилизации, предлагают новые модели осмысления отечественной культурно-исторической традиции. Для историков, культурологов, политологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами и перспективами развития России.

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: сентябрь – декабрь 2010 г.

С.А. Баранова

- Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 45–47. – совместно с В.Б. Кудриным.

Н.А. Бекасова

- Советуем прочитать (из книжного фонда «Дома А.Ф. Лосева») // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 116–123.

Е.Б. Виноградова

- Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – Вып. 12. – М.: Водолей, 2010. – 132 с.; 8 л. ил. – Фотохроника.

В.В. Ильина

1. Культурно-просветительный туризм как новое направление социального партнерства Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 5–10. – совместно с Л.В. Цуевой.
2. Глобальная трансформация или культурный кризис? // Библиотека. – М., 2010. – № 11. – С. 6–9. – О роли библиотек в современных условиях.

Участие в конференциях и семинарах

1. «Библиотеки 2000-х – ответ на вызовы эпохи перемен»: Сообщение о докладе на научно-практической конференции «Библиотеки исторического центра Москвы: от прошлого к будущему», сост. в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына 15 и 16 апреля 2010 г. // Вестник библиотек Москвы. – М., 2010. – № 2. – С. 23.
2. Выступление на круглом столе «“Библиотека” от века до века» с поздравлением журналу «Библиотека», в московском Центральном доме журналиста 28 октября 2010 г. // Библиотека. – М., 2010. – № 10. – С. 14–15.

В.Б. Кудрин

1. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата»: февраль – май 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 43–45.
2. Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 45–47. – совместно с С.А. Барановой.

3. Гилетическая библиотека // «Поиск Истины – Дагестан» [Научно-художественный журнал Дагестанского отделения Международной Лиги Защиты Культуры (искусство, религия, история)]. Махачкала, 2010. – № 28. – С. 28–30. [Перепечатка из журнала «Библиотечное Дело», № 6 (72), 2008, С. 32–35].
4. Под влиянием античной антропологии. По поводу церковно-славянского перевода одного библейского стиха // Наука и Религия. – 2010. – № 8 [610]. – С. 53.

Т. В. Мошковская

Участие в конференциях и семинарах

1. «Сайт как точка доступа к ресурсам библиотеки» [Презентация в рамках Российского молодежного библиотечного конвента. Москва, 12–14 октября 2010, Российская государственная библиотека для молодежи]
2. «Информационные технологии в библиотеке “Дом А.Ф. Лосева”» [Презентация в рамках «Фестиваля науки», Москва, МГУ, октябрь 2010 г.]

Г.М. Мухамеджанова

1. Список публикаций о презентации новых экскурсионных маршрутов по Арбату: «А. Ф. Лосев последний философ Серебряного века» и «По философскому Арбату», состоявшейся в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» 22 января 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 11. – Составление совместно с Т.В. Чепуренко.
2. О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: февраль – август 2010 г.; Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: февраль – август 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 124–129. – Составление совместно с Т.В. Чепуренко.

Е.А. Тахо-Годи

Публикации

1. Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – Вып. 12. – М.: Водолей, 2010. – 132 с.; 8 л. ил. – Редактирование.
2. L'œuvre d'A. Losev et les traditions littéraires d'Europe occidentale // L'Œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne / Édité par M. Dennes. (Slavica Occitania N 31). – Toulouse, 2010. – P. 215–230.
3. К.К. Случевский и Н.В. Гоголь // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – Вып. 6. – С. 89–97.
4. Неучтенная рецензия на «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона // Судьбы литературы Серебряного века и русского

- зарубежья. Сборник статей и материалов. Памяти Л.А. Иезуитовой. К 80-летию со дня рождения. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 84–88.
5. Достойная дань памяти поэта // Русская литература. – 2010. – № 3. – С. 199–201.
 6. Унаследованная дружба // Наука и жизнь: К 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Леонида Генриховича Фризмана. – Харьков, 2010. – С. 66–68.
 7. А.Ф.Лосев об античности и русском символизме // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи // Отв. ред., сост. Е.А. Тахо-Годи. – М.: Наука, 2010. – 544 с.
 8. От составителя // Там же. – С. 5–7.
 9. А.Ф.Лосев об античности и русском символизме // Там же. – С. 472–473.

Участие в конференциях

1. К истории споров о соотношении теоретического и исторического литературоведения [Доклад на пленарном заседании Международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета «Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья», Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 г.]
2. «Забытый предтеча русского формализма» [Доклад на пленарном заседании международной научной конференции «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», МГУ им. М.В. Ломоносова, 26 ноября 2010 г.]
3. Выступление на круглом столе, посвященном обсуждению проекта словаря «Русские литературоведы XX века», в рамках Международной научной конференции «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», МГУ им. М. В. Ломоносова, 26 ноября 2010 г.

В.П. Троицкий

Публикации

1. [Подготовка к публикации и комментарий:] Лосев А.Ф. Платонизм и кантианство // Credo new. Теоретический журнал. СПб., № 1 (61), 2010. – С. 23–36.
2. La philosophie des mathématiques d' A.F.Losev et la problématique du fondement de la glorification du Nom // L'œuvre d'Alekseï Losev dans le contexte de la culture européenne. – Slavica Occitania. № 31. 2010 (Toulouse). – P. 147–156.
3. Семинар «Русская философия». Хроника: февраль – апрель 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. Вып. 12. – С. 12–31.

4. Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: февраль – апрель 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. Вып. 12. – С. 31–33.
5. Автограф А.Ф. Лосева на книге, подаренной Г.Г. Шпету // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. Вып. 12. – С. 82–84.
6. Несколько тезисов о природе информации // Коммуникации в искусстве и науке. – Сборник материалов 11-й конференции из цикла «Григорьевских чтений». – М.: Московский гуманитарный университет, 2010. – С. 24–27.
7. Рефрены и фракталы в «периодической системе начал» А.Ф. Лосева // Философские проблемы биологии и медицины: Вып. 4: Фундаментальное и прикладное. – М.: Изд. Принтберри. – С. 341–343.
8. Гераклитова «энантиодромия» в космологических образах Серебряного века // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи. – М.: Наука, 2010. – С. 120–127.
9. Лосев Алексей Федорович // Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь /сост. А.Ю. Андреев, Д.А.Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 395–397.

Участие в конференциях

1. «Нездешние лучи». К оценке световой символики у Ф.М. Достоевского (В.В. Розанов, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, С.Н. Дурылин, А.Ф. Лосев). [Доклад на Международной научной конференции XIII Лосевские чтения «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактатки, трансформации», Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», 20 октября 2010 г.]
2. Три образа знания. [Доклад на семинаре исследовательской группы «Русская и западноевропейская культуры: дифференциальные и интегральные аспекты» (в рамках программы ANR SCUSOCRU), Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», 22 октября 2010 г.]
3. Метафизика Арбата Андрея Белого. [Доклад на Международной научной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире», Мемориальная квартира Андрея Белого, 27 октября 2010 г.]
4. Рефрены и фракталы в «периодической системе начал» А.Ф. Лосева. [Доклад на 4-й Ежегодной научно-практической конференции «Философские проблемы биологии и медицины: Фундаментальное и прикладное», секция рефренологии, Институт философии РАН, 27 октября 2010 г.]
5. «Дом А.Ф. Лосева» как философский проект. [Доклад на симпозиуме «Петербургская философия в судьбе России», в рамках программы «Дни Петербургской философии – 2010. Будущее России: стратегии философского осмысления», философский факультет СПбГУ, 18 ноября 2010 г.]
6. Об одной модели времени у Вяч. Иванова. [Доклад на Российском междисциплинарном семинаре по темпорологии «Изучение феномена времени», биологический факультет МГУ, 7 декабря 2010 г.]

Л.В. Цуева

- Культурно-просветительный туризм как новое направление социального партнерства Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева» // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 5–10. – совместно с В.В. Ильиной.

Т.В. Чепуренко

1. Список публикаций о презентации новых экскурсионных маршрутов по Арбату: «А. Ф. Лосев – последний философ Серебряного века» и «По философскому Арбату», состоявшейся в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» 22 января 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 11. – Составлено совместно с Г.М. Мухамеджановой.
2. О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: февраль – август 2010 г.; Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: февраль – август 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып. 12. – С. 124–129. – Составлено совместно с Г.М. Мухамеджановой.

А.В. Шамшури

- Хроника научной жизни: февраль–июль 2010 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». – М., 2010. – Вып.12. – С. 33–42.

Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А. Ф. Лосева»: сентябрь – декабрь 2010 г.

Буббайер Ф. Ресурс совести: Английские студенты читают про «перестройку» и Сталина: [беседа с английским историком Филиппом Буббайером / беседовала Е. Яковлева] // Российская газ. – Москва, 2010. – 24 сент. – № 216. – С. 12. [В беседе приводится факт презентации его книги «Совесть, диссидентство и реформы в советской России» (М.: РОССПЭН, 2010) в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»].

Ljunggren Magnus. Dostojevskijs kamp blev symbolisternas // SvD. – Stockholm. – 2010. – 23 november [о Международной научной конференции «Достоевский и культура Серебряного века» (XIII Лосевские чтения), организованной в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» 18 – 20 октября 2010 г.]

Викулова В.П. Музейная экспозиция в библиотеке: типы и методы организации // Библиотечное дело. – М., 2010. – № 21. – С. 32–37. [На с. 35 в разделе «Персональные и именные библиотеки» упоминается о музейной деятельности Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»].

Кузнецова Т.Я. Всероссийский научный семинар «Сохранение документного культурного наследия в информационном обществе». VII Международная библиотечная философская школа [сост. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» 14–16 сентября 2010 г.] // Библиотечное дело. – М., 2010. – № 6. – С. 20–21.

Конакова А.К. Культурное наследие в электронном формате: По итогам семинара «Сохранение документного культурного наследия в информационном обществе», сост. в Москве в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» в сер. сентября 2010 г. // Современная библиотека. – М., 2010. – № 8 (11). – С. 56–60.

Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко

Об авторах

- *Бекасова Нина Алексеевна* – сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»
- *Визгин Виктор Павлович* – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН
- *Доброхотов Александр Львович* – доктор философских наук, профессор ГУ-ВШЭ
- *Ильина Валентина Васильевна* – заслуженный работник культуры РФ, директор «Дома А.Ф. Лосева»
- *Касаткина Татьяна Александровна* – доктор филологических наук, зав. Отделом теории литературы ИМЛИ РАН, председатель Комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского Научного совета «История мировой культуры» РАН
- *Кудрин Виктор Борисович* – гл. библиотекарь «Дома А.Ф. Лосева»
- *Лекманов Олег Андершанович* – доктор филологических наук, профессор МГУ и РГГУ
- *Мухамеджанова Генриетта Михайловна* – заведующая справочно-библиографическим отделом «Дома А.Ф. Лосева»
- *Приходько Ирина Степановна* – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, Председатель Блоковской комиссии при научном совете «История мировой культуры» РАН
- *Сараскина Людмила Ивановна* – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН, член Международного общества Достоевского, член правления Российского общества Достоевского
- *Сергеева-Клятис Анна Юрьевна* – кандидат филологических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова
- *Тахо-Годи Аза Алибековна* – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы», Председатель Античной комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН
- *Троицкий Виктор Петрович* – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Чепуренко Татьяна Васильевна* – сотрудник справочно-библиографического отдела «Дома А.Ф. Лосева»
- *Шамшурин Андрей Викторович* – кандидат философских наук, ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»

Содержание

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты	
<i>Ильина В.В.</i> Влияние информационно-мультимедийных технологий на формирование новой парадигмы развития библиотеки	3
Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»	
<i>Шамшурин А.В.</i> XIII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации»	8
Открытие бюста А.Ф. Лосева. Отзывы А.А. Тахо-Годи, П.В. Флоренского, С.Х. Лямина	19
<i>Троицкий В.П.</i> Семинар «Русская философия». Хроника: октябрь – декабрь 2010 г.	21
<i>Троицкий В.П.</i> Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: октябрь – декабрь 2010 г.	41
<i>Кудрин В.Б., Шамшурин А.В.</i> Хроника научной жизни: сентябрь – декабрь 2010 г.	44
<i>Кудрин В.Б.</i> «Музыкальная гостиная» Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»: август – декабрь 2010 г.	52
Из архива	
<i>Лосев А.Ф.</i> «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм	55
<i>Зубов В.П.</i> «Заметка о мифе»	71
<i>Зубов В.П.</i> Протокол заседания по истории эстетических учений при философском отделении Р.А.Х.Н. от 13/XI 1924 г.	71
<i>Зубов В.П.</i> Континуум (Математическое и физическое учение о непрерывном)	73
Из воспоминаний	
<i>Тахо-Годи А.А.</i> Лосев и Толстые	76
<i>Малинаускене Н.К.</i> Как работал Алексей Федорович Лосев, или Классическая филология – наука точная	77
Юбилей	
<i>К 70-летию В.П. Визгина</i>	
<i>Визгин В.П.</i> Оглядываясь назад с томом Зубова в руках: Опыт интеллектуальной автобиографии	94
<i>К 60-летию А.Л. Доброхотова</i>	
<i>Доброхотов А.Л.</i> Немецкая классическая эстетика в «Диалектике художественной формы» А.Ф. Лосева	101

Наши публикации

Из материалов XIII «Лосевских чтений» – «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века»

Сараскина Л.И. «КТО СЕЙ КРАСАВЕЦ?» (Ф.М. Достоевский и А.Л. Блок: к проблеме демонизма) 106

Касаткина Т.А. Выстрел в Христа у Достоевского и Блока: как возрождается надежда 117

Приходько И.С. «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...»: Блок и Достоевский. Комментаторская реплика к стихотворению А. Блока «Вот Он – Христос...» 10 октября 1905 г. 122

Сергеева-Клятис А.Ю., Лекманов О.А. «Тут бывал Достоевский» (о блоковском слое в поэме Пастернака «Девятьсот пятый год») . . 126

Справочно-библиографический раздел

Бекасова Н.А. Советуем прочитать (Из книжного фонда «Дома А.Ф. Лосева»: 2010–2011) 129

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: сентябрь – декабрь 2010 г. Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко 140

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: сентябрь – декабрь 2010 г. Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко 145

Об авторах 146